ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

МОРФОЛОГИЯ ВЛАСТИ И ИДЕОЛОГИИ ОБЩЕСТВА

Е.Г. Морозова, А.С. Фалина
ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ:
НА СТЫКЕ ПОЛИТИКИ И АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Н.А. Омельченко, Ф.М. Гасратова
ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

В.И. Буренко
КАК СОХРАНИТЬ СВОБОДУ В ПОСТТОТАЛИТАРНОМ
ОБЩЕСТВЕ (К. ЯСПЕРС И СОВРЕМЕННОСТЬ)

А.А. Горелов, Т.А. Горелова
КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
В ФОРМАТЕ ГЛОБАЛЬНОГО НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

4
2015

PolitBook – 2015 – 4

Главный редактор

ШУМИЛОВ
Андрей Владимирович
кандидат политических наук, доцент

Ответственный секретарь

НИКИФОРОВА Ирина Владимировна

Перевод

ОРЛОВА Елена Геннадьевна

Дизайн

ПАВЛУНИН Дмитрий Олегович

Издатель

НИИ общественных и политических наук

Зам. главного редактора 16+

СКОВИКОВ
Алексей Константинович
кандидат политических наук, доцент

Научная редакция

БРОННИКОВ Иван Алексеевич
кандидат политических наук, доцент

ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич
кандидат философских наук, доцент

КАСИМОВ Евгений Витальевич
кандидат исторических наук, доцент

ЗЛАТАНОВ Благой Георгиев
кандидат философских наук, доцент

Председатель Редколлегии номера

ОМЕЛЬЧЕНКО Николай Алексеевич
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань)
БАРАНОВ А.В. – доктор исторических наук, доктор полит. наук, профессор (Краснодар)
БУРЕНКО В.И. – доктор политических наук, профессор (Москва)
ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно)
ГЕРАСИНА Л.И. – доктор социологических наук, профессор (Харьков)
ГОЛОВИН Ю.А. – доктор политических наук, профессор (Ярославль)
ГОРБАТЕНКО В.П. – доктор политических наук, профессор (Киев)
ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва)
ДОНАЙ Л. – доктор политики, Dr. hab (Познань)
ИВАНОВСКИЙ З.В. – доктор политических наук, профессор (Москва)
ИЛЬМЯРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин)
КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва)
КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван)
КОНОНОВ И.Ф. – доктор социологических наук, профессор (Луганск)
КОСТИНА А.В. – доктор философских наук, профессор (Москва)
КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Волгоград)
ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва),
доктор политики, PhD (Манчестер)
ЛИСЕЕНКО Е.В. – доктор социологических наук, профессор (Одесса)
ЛУКОВ В.А. – доктор философских наук, профессор (Москва)
МАЙБОРОДА А.Н. – доктор исторических наук, профессор (Киев)
МЕЖУЕВ В.М. – доктор философских наук, профессор (Москва)
МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)
НАГОРНЯК Т.Л. – доктор политических наук, доцент (Донецк)
НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы)
ОМЕЛЬЧЕНКО А.Н. – доктор исторических наук, профессор (Москва)
ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага)
ТИТОВ В.А. – доктор философских наук, профессор (Москва)
ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва)
УСМАНОВ Б.Ф. – доктор социологических наук, профессор (Москва)
ФИГУРА М. – доктор истории,
Dr. hab (Познань)
ХУДАВЕРДЯН В.Ц. – доктор философских наук, профессор (Москва)
ЦВИХ В.Ф. – доктор политических наук, профессор (Киев)
ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул)
ШАБРОВ О.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва)
ШАРКОВ Ф.И. – доктор социологических наук, профессор (Москва)
ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)
ЩУДЛО С.А. – доктор социологических наук, профессор (Дрогобыч)
ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор (Симферополь)
ЯКОВЮК И.В. – кандидат юридических наук, профессор (Харьков)

PolitBook – 2015 – 4

Editor in Chief

SHUMILOV Andrei

Executive Secretary

NIKIFOROVA Irina

Translate

ORLOVA Elena

Design

PAVLUNIN Dmitriy

Deputy Editor

SKOVIKOV Alexey

Editors

BRONNIKOV Ivan

EFREMOV Oleg

KASIMOV Evgeniy

ZLATANOV Blagoy

Publisher

Institute of Social and Political Sciences

Chairman of the Editorial board

OMELCHENKO Nikolay
Professor

Editorial Board

BOLSHAKOV A.
Prof. (Kazan)
BARANOV A.
Prof. (Krasnodar)
BURENKO V.
Prof. (Moscow)
VATYL V.
Prof. (Grodno)
DONAJ Ł.
Dr. hab. (Poznan)
GERASINA L.
Prof. (Kharkov)
GOLOVIN Y.
Prof. (Yaroslavl)
GORBOTENKO V.
Prof. (Kiev)
GRISHIN O.
Assoc. Prof. (Moscow)
ZLATANOV B.
Assoc. Prof. (Moscow)
IVANOVSKIY Z.
Prof. (Moscow)
ILMJARV M.
PhD (Tallinn)
KAPITSYN V.
Prof. (Moscow)
KERYAN G.
Prof. (Yerevan)
KHUDAVERDIAN V.
Prof. (Moscow)
KONONOV I.
Prof. (Lugansk)
KOSTINA A.
Prof. (Moscow)
KURILLA I.
Prof. (Volgograd)
LEDYAEV V. Ph.D. (Manchester),
Prof. (Moscow)
LISEENKO E.
Prof. (Odessa)
LUKOV V.
Prof. (Moscow)
MAYBORODA A.
Prof. (Kiev)
MEZHUEV V.
Prof. (Moscow)
MINEEVA E.
Prof. (Cheboksary)
NAGORNYAK T.
Prof. (Donetsk)
NASIMOVA G.
Prof. (Almaty)
OMELCHENKO N.
Prof. (Moscow)
PROROK V.
PhD (Prague)
FIGURA M.
Dr. hab. (Poznan)
SHABROV O.
Prof. (Moscow)
SHARKOV F.
Prof. (Moscow)
SHIROKOV O.
Prof. (Cheboksary)
SCHUDLO S.
Prof. (Drogobych)
TITOV V.
Prof. (Moscow)
TSVIKH V.
Prof. (Kiev)
TUROVSKY R.
Prof. (Moscow)
CHERNYSHOV Y.
Prof. (Barnaul)
USMANOV B.
Prof. (Moscow)
YURCHENKO S.
Prof. (Simferopol)
YAKOVYUK I.
Prof. (Kharkov)

СОДЕРЖАНИЕ

МОРФОЛОГИЯ ВЛАСТИ И ИДЕОЛОГИИ ОБЩЕСТВА

Г.В. Агеев, А.К. Сковиков, Б.Ф. Усманов
ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ
6

С.Н. Шкель
АГИТАЦИЯ БЕЗ КОНКУРЕНЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ СУБНАЦИОНАЛЬНОГО АВТОРИТАРИЗМА
18

Н.А. Омельченко, Ф.М. Гасратова
ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ
36

Е.Г. Морозова, А.С. Фалина
ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ:
НА СТЫКЕ ПОЛИТИКИ И АДМИНИСТРИРОВАНИЯ
56

Ю.И. Матвеенко
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ РОССИИ
И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И АДАПТАЦИЯ
69

Ю.А. Головин, Е.Ю. Дан-Чин-Ю, И.Ю. Киселев
ТЕХНОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В РАМКАХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
77

В.И. Буренко
КАК СОХРАНИТЬ СВОБОДУ В ПОСТТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ
(К. ЯСПЕРС И СОВРЕМЕННОСТЬ)
88

Л.Г. Титова, О.И. Карпухин, О.А. Нестерчук
ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ,
СИМВОЛОВ И НОРМ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ИНДИВИДОВ
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
99

А.А. Горелов, Т.А. Горелова
КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
В ФОРМАТЕ ГЛОБАЛЬНОГО НЕОКОЛОНИАЛИЗМА
110

Э.Ф. Макаревич
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И МАССОВЫЕ ОБРАЗЫ
В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТРОЛЕ МАСС
125

А.В. Костина, В.А. Луков, Г.П. Хорина
КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ:
ОСНОВНЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ (ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)
140

СТАТЬИ

Н.П. Мартыненко
ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПЕРВОПРЕДОК КИТАЙСКОЙ НАЦИИ И ПЕРВЫЙ ПРАВИТЕЛЬ:
К ВОПРОСУ О ПЕРВОИСТОКАХ КОНЦЕПТА ХУАН-ДИ
154

А.В. Скиперских
МЕЖДУ ГОСПОДОМ И ГОСПОДИНОМ: ДИСКУРС БОЛИ В ТЕКСТАХ
Ф. ДОСТОЕВСКОГО: ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
166

Л.С. Пастухова
ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РАБОТЫ
С МОЛОДЕЖЬЮ И ОБРАЗОВАНИИ: ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ
180

Наши авторы
191

Информация для авторов
195

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook»

ТЕМА НОМЕРА

Г.В. Агеев,
А.К. Сковиков,
Б.Ф. Усманов

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация
В преддверии парламентских и президентских выборов рассмотрены особенности трансформации российской политической системы на этапе ее становления. Аргументировано, что характерной чертой политической системы России на этапе ее становления является протекание процесса трансформации в рамках авторитарных методов управления. Данная тенденция является закономерным следствием исторического и культурного развития российского общества, особенностью менталитета российского народа. Обосновано, что в результате проводимых реформ общество потеряло доверие к власти, что, в свою очередь, сказалось на стабильности самого общества, утратившего устойчивость перед лицом кризиса. Подобного рода деятельность власти создала неустойчивую конструкцию политической системы, вызывающую политическое недовольство населения и как следствие – кризис самой политической системы. В современной России есть потребность в формировании эффективных институтов гражданского общества, которые могли бы поддерживать политическую систему в относительно устойчивом состоянии.

Ключевые слова:
Россия, государство, гражданское общество, политические интересы, политическая система, трансформация.

G. Ageev,
A. Skovikov,
B. Usmanov

FEATURES OF TRANSFORMATION OF POLITICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION AT A FORMATION STAGE

Abstract
In the run-up to parliamentary and presidential elections features of transformation of the Russian political system at a stage of her formation are considered. It is reasoned that characteristic feature of political system of Russia at a stage of her formation is course of process of transformation within authoritative methods of management. This tendency is a natural consequence of historical and cultural development of the Russian society, feature of mentality of the Russian people. It is proved that as a result of the carried-out reforms society has lost trust to the power that, in turn, has affected stability of the society which has lost stability in the face of crisis. Activity of the power of this sort has created the unstable design of political system causing political discontent of the population and as a result – crisis of the most political system. In modern Russia there is a need for formation of effective institutes of civil society which could support political system in rather steady state.

Key words:
Russia, state, civil society, political interests, political system, transformation.

Вопросы трансформации политических систем рассмотрены политологами – В.И. Буренко [1; 2], О.Е. Гришиным [3; 4; 5], О.Ф. Шабровым [9; 10; 11; 12] и др. Однако современные политические события на мировом политическом поле требуют научного осмысления нашего исторического прошлого с целью минимизации негативных проявлений в преддверии новых парламентских и президентских выборов в 2016-2017 гг. Действительно российская политическая система ранима ввиду отсутствия эффективных институтов гражданского общества.

Становление политической системы России, на наш взгляд, необходимо рассматривать с момента избрания Б. Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР и изменений, произошедших в системе государственного управления страной. По его инициативе Ельцина в РСФСР были сформированы альтернативные структуры власти по отношению к СССР. На протяжении 1990–1991 гг. был провозглашен суверенитет России; избран глава государства – Президент Российской Федерации; создан Российский государственный банк; приняты республиканский бюджет и ряд законов, в том числе закон о собственности в РСФСР; началось формирование российской судебной власти, причем с установлением приоритета российских законов над союзными; была принята программа экономических преобразований в стране.

События августа 1991 г. формально послужили оправданием политики Президента России, роспуска КПСС и ее Центрального комитета, что отразилось на изменениях в государственно-партийных структурах Советского Союза.

Социально-экономические преобразования в 90-е годы XX века осуществлялись в условиях диспропорций в системе управления государством. С момента формирования республиканских органов власти не был продуман и реализован механизм взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти. Верховный Совет, с одной стороны, и Президент России – с другой, претендовали на монопольное управление и не стремились к формированию нормативной правовой базы, позволяющей на уровне закона определить пределы своей компетенции. Это не могло не отразиться и на взаимодействии центральных и региональных органов власти. Л. Шевцова отмечала, что «система власти, образованная в 1991 г. в России на основе искусственного склеивания институтов, принадлежавших различным эпохам, не могла быть функциональной» [13, с. 146].

Противоречия, имевшие место перед исполнительной и законодательной ветвями власти, вылились в вооруженное столкновение и силовое подавление одной из сторон. Президент Российской Федерации и его окружение одержали победу и впоследствии стали определять вектор дальнейшего развития политической системы.

Российская политическая элита 90-х годов прошлого столетия оказалась неспособной выйти из кризиса путем структурных изменений прежней тоталитарной системы в русле модернизации и гуманизации под лозунгами демократизации, ускорения и гласности. Это, в частности, обусловлено отношением россиян к демократии.

Обратимся к социологическим исследованиям, которые провели ВЦИОМ и ФОМ в начале 90-х годов прошлого столетия с целью выяснения отношения россиян к демократическим преобразованиям в стране. Большинство российских граждан затруднялись в определении характерных демократических черт. В частности, согласно исследованиям ВЦИОМ в июне 1993 г. лишь 9% , в октябре 1994 г. лишь 13% заявляли о том, что знают, что такое демократия, 41–46% – имели общее представление о демократии, 50% в 1993 г. и 43% в 1994 г. заявили о том, что мало знают, что это такое или вообще затруднялись ответить. К 1996 г. ситуация изменилась мало. Ясное представление о демократии имели 12%, общее представление – 46% и мало знали или затруднялись ответить 41% респондентов. Более того, 57% согласились с формулировкой, что «главная проблема становления демократии в России – люди сами не знают, что для них было бы лучше» [7, с. 32-33]. Это отчасти объясняется менталитетом российского народа, а также отсутствием политико-правовой культуры, обусловленной, в том числе, пробелами в системе политологического образования.

В России, как и в ряде других государств на постсоветском пространстве, многие социально-политические институты были быстро разрушены, в то время как новые еще не были сформированы в том объеме, чтобы заполнить образовавшийся вакуум с целью консолидации общества вокруг базовых ценностей. Произошла трансформация ценностей, причем на начальном этапе становления политической системы новая система ценностей не сложилась, так как в обществе проявились негативные явления в виде коррупции, преступности, распространения наркомании в молодежной среде, проституции и т.п. Новая политическая власть не имела возможностей оказать влияние на минимизацию последствий негативных социальных явлений. Россияне в начале 90-х годов прошлого столетия «поняли, что современный западный капитализм предоставляет

обычному человеку гораздо больше материальных благ и услуг, чем социализм в СССР. Поэтому для советских людей демократическая система стала привлекательной не в силу особой притягательности ее ценностей, а потому что она оказалась более эффективной в социальном плане. Это и привело к утверждению в массовом сознании инструментального отношения к демократии» [8, с. 33]. Россияне связывали демократию с повышением личного благосостояния, комфортности и с предоставлением условий для самореализации.

На этапе становления политической системы России в российском обществе не существовало консенсуса в представлении о демократическом устройстве государства, большинство населения, как и политическая элита, находилось в состоянии неопределенности в выборе вектора развития политической трансформации. Таким образом, «в ситуации неспособности власти решать проблемы простых людей происходит возврат к традиционным представлениям советского и дореволюционного прошлого, некоторые из которых носят и вовсе архаичный характер» [7, с. 34].

В результате трагических событий октября 1993 г. произошло устранение «двоевластия» в политической системе. Отсутствие оппозиционных сил, а также влиятельных институтов гражданского общества позволило Президенту России инициировать принятие новой Конституции, оформившей структуру политической системы, в которой был ослаблен институциональный механизм сдержек и противовесов, полномочия определять вектор политического развития были предоставлены главе государства. Наработки ученых в области моделирования социальных процессов с целью сохранения Советского Союза и выхода на новый уровень социально-экономического развития в результате большого «рывка» в экономике не нашли поддержки среди федеральной политической элиты.

Борьба политических элит за власть закончилась победой реформаторов «новой волны» над прежней политической элитой (с помощью поддержки народа против путчистов), а затем – усилением политической роли президента при принятии решений и определении политического курса.

Возникновение Российской Федерации как самостоятельного государства после распада СССР – это принципиально новое историческое явление в сравнении с тем, что происходило в стране на предшествовавших этапах. Тем не менее, ученые до сих пор спорят, произошла в России социальная революция или нет. Например, Т. Заславская считает, что новой социальной революции в России не было. «В действительности имела место эволюция, в основе которой лежало, однако, не постепенное и последовательное развитие, а цепочка сменяющих друг друга кризисов… Ради-

кальные либерально-демократические реформы фактически вылились в ограбление общества горсткой, в общем, случайных людей. Начавшаяся затем спонтанная трансформация в условиях отсутствия у правящей элиты стратегии и политической воли имела следствием… крайнее ослабление государства и тотальную криминализацию общества» [6, с. 189].

Узаконив право частной собственности и перейдя от плановой экономики к рыночной, ликвидировав воплощавшуюся во властной монополии КПСС политическую и идеологическую однополюсность и учредив выборный законодательный институт парламентского типа, формируемый на многопартийной основе, т.е. изменив системные параметры развития общества, Россия тем самым произвела социальную революцию. Все революции первоначально приводят к ослаблению государства, социальному хаосу и криминализации общества, а впоследствии, как правило, новая политическая элита, заинтересованная в сохранении политической власти, посредством усовершенствования системы управления властных институтов всех уровней, а также путем изменения нормативной правовой базы пытается установить стабильную политическую систему.

Российская Конституция, принятая на референдуме в 1993 г., впервые в отечественной истории провозгласила первичность по отношению к государству прав и свобод человека, объявив их «высшей ценностью» и признав их естественную, природную обусловленность: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст. 2). До этого права и свободы могли быть только дарованы «отеческой» властью «сверху», будь то самодержавно-монархическая или советско-коммунистическая. Кроме того, права и свободы впервые стали главным источником формирования новой власти и соответственно ее легальности и легитимности. Общенародные, прямые выборы не только депутатов Государственной Думы, но и главы государства с определением сроков действия их полномочий означали юридически фиксированный разрыв с российской традицией властвования, предполагавшей приоритет государства над обществом и его правами.

Многовековая политическая традиция единовластия, как свидетельствует социально-политическая реальность, при этом почти не была поколеблена. Единовластие, если можно так выразиться, стало избираемым и перестало быть пожизненным с учетом специфически формирующегося института «преемничества». Оставив в прошлом старые формы, отечественное единовластие обрело новые черты. Следует обратить внимание на то, что неформальный институт «преемничества» не оказывает, как показывает практика, какого-либо негативного деформирующего влияния на

сложившуюся политическую систему, скорее наоборот, – придает ей стабильность, а легитимность политической власти подтверждается формированием ее представительных органов на основе демократической процедуры – открытых выборов.

Вместе с тем, как считает А. Рябов, «одна из главных особенностей трансформации… заключается в том, что устойчивых процедур власти до сих пор не существует… политический процесс… подчинен выяснению вопроса о том, кто будет следующим Президентом России и какая у него будет команда» [8, с. 42].

Утратив опору в общих идеологических принципах как религиозных, так и светских, власть сохранила свою прежнюю суть в юридических полномочиях главы государства. По Конституции 1993 г. под монопольным контролем Президента РФ находится федеральная исполнительная власть и ее формирование, он обладает правом отклонять принимаемые парламентом законопроекты и значительными возможностями влиять на состав органов суда и прокуратуры. Президент не представляет ни одну из трех ветвей власти, но в той или иной степени возвышается над каждой из них и всеми вместе в качестве четвертой ее ветви: именно он «определяет основные направления внутренней и внешней политики государства» и «является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина» (ст. 80). На практике оказалось, что гарантируется, прежде всего, право самой власти или ее персонификации в лице президента.

В постсоветской России воспроизведена властная модель, во многом схожая с той, которая существовала в стране в последнее досоветское десятилетие: полномочия российского президента близки к полномочиям российского самодержца в 1906–1917 гг. В этом контексте новая Конституция РФ была «личным кодексом» Б. Ельцина и использовалась как инструмент борьбы за власть.

Примечательно, что еще в период подготовки проекта Конституции и работы Конституционного совещания Б.Н. Ельцин не отрицал, что полномочия президента действительно значительные, объясняя это сложившимися традициями и менталитетом граждан России. В принципе он был прав. Всякая форма правления имеет свои преимущества и недостатки. Вопрос о том, какая из них – президентская или парламентская – подходит для России, может еще дискутироваться, но бесспорно одно – исторический «выбор» оказался в русле традиционного архетипа российского политического сознания, отдавшего предпочтение «родной колее» самодержавной государственности.

Однако с самого начала функционирования политической системы и практик осуществления политического режима возникло противоречие между организацией власти (системными параметрами) и способом осуществления власти. Власть президента постепенно начала брать под свой контроль все политические организации российского общества: исполнительную, законодательную и судебную власти, партийную систему и общественно-политические организации, разрушая тем самым демократические функции политического процесса, механизмы артикуляции, агрегации интересов, формирующие требования на «входе» политической системы для реализации их в качестве принятия государственных решений на «выходе». Оказалось, что власти не нужны требования народа, ей нужна только его поддержка.

А. Рябов отмечает: «…вполне закономерно, что для общественной системы, где государство не просто организация для обслуживания интересов населения, а некая самодостаточная и самодовлеющая субстанция, формирующая цели, смыслы и программы, неизбежным является ограничение конкуренции... через определенные циклы развития, государство предпринимает целенаправленные усилия для ограничения конкуренции в различных сферах общества – в политике, экономике, общественных отношениях, позднее – СМИ. Поэтому постепенное сокращение конкуренции в политической системе становится еще одним проявлением воспроизводства традиции» [8, с. 51].

Власть реализуется исходя из своих собственных потребностей и интересов. Обратная связь между властью и обществом оказалась нарушенной. В политической системе все взаимосвязано, поэтому деформации подверглись системные функции процесса: коммуникации из диалога превращаются в монолог власти с обществом, демократические процессы рекрутирования новых политических лидеров заменяются подбором своих по принципу знакомства и личной преданности.

Политическая система России стала определяться демократически-авторитарным режимом. Эволюция всей политической системы – это последовательное укрепление демократически-авторитарного режима.

Воспользовавшись политической неопытностью большинства российского электората, новая власть навязала обществу свои правила игры. Президент пытался взять инициативу демократических преобразований на себя, нередко игнорируя роль представительской ветви власти. Таким образом, в России не был осуществлен один из важнейших принципов парламентаризма – построение системы сдержек и противовесов, позво-

ляющий осуществлять как взаимодействие ветвей власти, так и их взаимный контроль за деятельностью друг друга.

Главой российского государства и исполнительной ветви власти является Президент Российской Федерации. По Конституции 1993 г. он получил очень широкие полномочия по сравнению с Конституцией 1978 г. В качестве главы государства он определяет политику, назначает с согласия Государственной Думы Председателя Правительства Российской Федерации, принимает решение об отставке правительства, федеральных министров, представляет кандидатуры для назначения на должности судей Конституционного суда РФ, Верховного суда РФ, Генерального прокурора РФ, является Верховным Главнокомандующим. По Конституции Президент РФ сосредоточивает в своих руках всю полноту исполнительной власти. Ему непосредственно подчиняются правительство, силовые министерства и ведомства. Кроме того, он наделен существенными законодательными полномочиями, правом на издание указов, правом на отлагательное вето в отношении решений Федерального Собрания, правом роспуска Государственной Думы в случае троекратного отклонения ею предложенной Президентом РФ кандидатуры премьер-министра. В то же время отмена президентского вето Государственной Думой практически невозможна, так как для этого в двух палатах при повторном голосовании необходимо набрать не менее 2/3 голосов.

Согласно структуре государственного управления высшим законодательным органом является Федеральное Собрание, состоящее из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы. В Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации. К предметам ведения Совета Федерации относятся: назначение выборов Президента и отстранение его от должности, назначение на должности судей Конституционного суда, Верховного суда, Высшего Арбитражного суда, Генерального прокурора Российской Федерации, утверждение изменений границ между субъектами Федерации, утверждение указов Президента о введении чрезвычайного положения и т.д.

К предметам ведения Государственной Думы относятся: решение вопроса о доверии Правительству, выдвижение обвинения против Президента для отрешения его от должности, объявление амнистии, назначение и освобождение от должности председателя Центрального банка и т.д. Все федеральные законы принимаются Государственной Думой и в течение пяти дней передаются на рассмотрение Совета Федерации. Обязательному рассмотрению в Совете Федерации подлежат принятые Государственной Думой федеральные законы по вопросам бюджета, налогов,

сборов, валютного, финансового, таможенного регулирования, денежной эмиссии, ратификации и денонсации международных договоров, а также вопросы границы, войны и мира.

Исполнительную власть в России непосредственно осуществляет Правительство Российской Федерации. Оно состоит из Председателя Правительства, его заместителей и ряда федеральных министров. Правительства издает постановления и распоряжения, обеспечивает их исполнение. Председатель Правительства РФ назначается Президентом РФ с согласия Государственной Думы и организует работу Правительства, временно исполняет обязанности Президента, если тот не в состоянии их выполнять.

Судебная власть в Российской Федерации представляет собой согласно Конституции соединение трех структур: Конституционного суда Российской Федерации и не связанных с ним конституционных судов отдельных республик в составе Российской Федерации; Высшего Арбитражного суда и системы арбитражных судов; Верховного суда и системы судов общей юрисдикции.

Таким образом, Конституция 1993 г. заметно ограничила функции парламента, в результате возник дисбаланс силы в пользу президента, получившего самые большие полномочия по сравнению с президентами других государств. Одновременно в этот период вместо Советов в субъектах Федерации образовались такие же органы трех ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной.

Конституция России формально определила необходимые параметры развития новой политической системы по пути демократии. Вместе с тем она отличается от западноевропейских тем, что согласно основным законам стран Старого Света главным субъектом социально-политических процессов являются граждане, а институты гражданского общества оказывают влияние на проведение политического курса.

Демократия как ориентир послужила в России процессу обновления и осовременивания российской власти, но и одновременно сохранению ее «особости» как самодержавной – самодержавной, по сути, и демократической лишь по форме. Конституция РФ, официально признанная демократической, юридически утверждает президента главным субъектом политического процесса и наделяет его огромными полномочиями.

В год принятия Основного закона государства – Конституции РФ фондом «Общественное мнение» было проведено исследование, согласно которому в 1993 г. лишь 22% признали установившийся режим в России демократическим (против были 52%), в 1995 г. – 63% считают, что демо-

кратия в России необходима, и 73% отмечают, что находящиеся у власти компрометируют эту форму правления [7, с. 33].

Ю. Левада на основе анализа социологических исследований пришел к выводу, что «постоянное невыполнение властью своих обещаний: невыплаты зарплаты и т.п. вызывают у россиян скорее не протест и возмущение, а стремление приспособиться к ситуации и уклониться, в свою очередь, от исполнения собственных обязательств: уплаты налогов... и т.п.» [7, с. 35]. Он прав, когда говорит, что в общественном мнении большинства россиян на этапе становления политической системы была уверенность в том, что в новых социально-экономических реалиях нельзя жить, не нарушая законы. При этом слабость институтов политической власти приводила к невыполнению властью своих обещаний, а это, в свою очередь, влекло ответную реакцию граждан, у которых появилось моральное право обманывать власть.

За годы руководства первого Президента России утвердилась тенденция отчуждения власти от общества. К концу первого этапа развития трансформации политической системы в России сложилась система власти, которой присущи следующие черты: сконцентрировав большие полномочия в руках главы государства и начав перестройку системы управления, ей не удалось сбалансировать отношения между всеми ветвями власти; президент не смог выстроить систему власти, которая могла бы работать в сложившихся условиях, поэтому в основном все усилия системы были направлены на борьбу внутри нее самой; наличие, по сути, неограниченной президентской власти предопределило неэффективность управления, с одной стороны, а с другой – позволило дистанцироваться власти от общества.

В результате проводимых реформ общество потеряло доверие к власти, что, в свою очередь, сказалось на стабильности самого общества, утратившего устойчивость перед лицом кризиса. Подобного рода деятельность власти создала неустойчивую конструкцию политической системы, вызывающую политическое недовольство населения и как следствие – кризис самой политической системы. В современной России есть потребность в формировании эффективных институтов гражданского общества, которые могли бы поддерживать политическую систему в относительно устойчивом состоянии.

Литература

1. Буренко В.И. Консерватизм и традиционализм в политическом процессе современной России // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. №7.

2. Буренко В.И. Россия от властвования – к политической системе // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. №3(171).

3. Гришин О.Е. Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1.

4. Гришин О.Е. Взаимосвязь государства и политической системы: теоретический аспект // Евразийский юридический журнал. 2015. №4(83).

5. Гришин О.Е. Политическая система: некоторые подходы к анализу, функционированию и адаптации // Евразийский юридический журнал. 2015. №5(84).

6. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002.

7. Образы российской власти: от Ельцина до Путина. М., 2008.

8. Рябов А. Взаимосвязь преемственности традиций и политических изменений в практике современной российской трансформации. // Современная Россия. М., 2008.

9. Шабров О.Ф. Стандарты качества в государственном управлении и политике // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Т. 2. №4.

10. Шабров О.Ф. Испытание разнообразием: пределы управления в современном мире // Государственная служба. 2007. №2.

11. Шабров О.Ф. Политическая система: демократия и управление обществом // Государство и право. 2004. №5.

12. Шабров О.Ф. Неоднозначный потенциал русской матрицы // Власть. 2014. №2.

13. Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999.

References

1. Burenko V.I. Konservatizm i traditsionalizm v politicheskom protsesse sovremennoi Rossii. Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2014. №7.

2. Burenko V.I. Rossiya ot vlastvovaniya – k politicheskoi sisteme. Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2015. №3(171).

3. Grishin O.E. Ustoichivost' politicheskoi sistemy: ponyatie, podkhody, regulyatory. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. №1.

4. Grishin O.E. Vzaimosvyaz' gosudarstva i politicheskoi sistemy: teoreticheskii aspekt. Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2015. №4(83).

5. Grishin O.E. Politicheskaya sistema: nekotorye podkhody k analizu, funktsionirovaniyu i adaptatsii. Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2015. №5(84).

6. Zaslavskaya T.I. Sotsietal'naya transformatsiya rossiiskogo obshchestva. M.: Delo, 2002.

7. Obrazy rossiiskoi vlasti: ot El'tsina do Putina. M., 2008.

8. Ryabov A. Vzaimosvyaz' preemstvennosti traditsii i politicheskikh izmenenii v praktike sovremennoi rossiiskoi transformatsii. Sovremennaya Rossiya. M., 2008.

9. Shabrov O.F. Standarty kachestva v gosudarstvennom upravlenii i politike. Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2009. T. 2. №4.

10. Shabrov O.F. Ispytanie raznoobraziem: predely upravleniya v sovremennom mire. Gosudarstvennaya sluzhba. 2007. №2.

11. Shabrov O.F. Politicheskaya sistema: demokratiya i upravlenie obshchestvom. Gosudarstvo i pravo. 2004. №5.

12. Shabrov O.F. Neodnoznachnyi potentsial russkoi matritsy. Vlast'. 2014. №2.

13. Shevtsova L. Rezhim Borisa El'tsina. M., 1999.

С.Н. Шкель

АГИТАЦИЯ БЕЗ КОНКУРЕНЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ СУБНАЦИОНАЛЬНОГО АВТОРИТАРИЗМА

Аннотация

В статье на примере Республики Башкортостан исследуется специфика политической конкуренции и агитации в условиях субнационального авторитаризма. На основе анализа основных региональных избирательных кампаний 2012-2014 гг. делается вывод, что доминирование патрон-клиентелистских элитных отношений ведет к существенной деформации основных функций политической конкуренции и агитации. В отличие от демократии, где политическая реклама выполняет задачи позиционирования игроков на политическом рынке в соответствии с электоральным спросом, в условиях авторитаризма агитация больше выполняет функции сигнализации и обмена символической информацией между элитными группами разных уровней. При этом, даже в условиях низкой конкуренции избирательного процесса инкумбенты имеют стимулы для инвестирования в масштабные агитационные кампании. Однако адресатом этих кампаний является не столько электорат, сколько элитные группы. Главными политическими задачами этих инвестиций являются: сохранение консолидации патронажно-клиентелистских сетей; внесение раскола и пессимизма в оппозиционные круги; воздействие на медианного избирателя и сохранение электорального сверхбольшинства.

Ключевые слова:

политическая агитация, конкуренция, авторитаризм, клиентелизм, патронаж, Республика Башкортостан, Россия.

S. Shkel'

AGITATION WITHOUT COMPETITION: PARTICULARLY POLITICAL CONTEST IN SUBNATIONAL AUTHORITARIANISM

Abstract

The article examines the specifics of political competition and agitation in a subnational authoritarianism. Republic of Bashkortostan is used as an empirical case for analysis. Based on an analysis of key regional election campaigns of 2012-2014 concluded that the dominance of patron-clientelist relations of the elite leads to significant deformation of the main functions of political competition and agitation. Agitation under authoritarianism longer performs the functions of signaling and symbolic exchange of information between the elite groups of different levels. Even with low political competition incumbents have incentives to invest in large-scale propaganda campaign. However, the target of this campaign is not so much the electorate as an elite group. The main policy objectives of this investment are: the preservation of the consolidation of patron-clientelist networks; a split and pessimism in opposition circles; impact on the preservation of the median voter and electoral supermajority; implementation of public legitimization of non-public collusions.

Key words:

elections, law, democratic institute, political elite, political party, political development, competition.

Политическая агитация и реклама сопровождают любые выборы. Однако их характер и функции существенно отличаются в зависимости от типа политического режима, в рамках которого происходит избирательный процесс. На современном этапе институт выборов не является признаком исключительно демократий. Авторитарные лидеры вполне искусно научились использовать этот и другие элементы народного волеизъявления в своих интересах удержания и легитимации власти [15; 16]. Соревновательный [19] или электоральный [21] авторитаризм сегодня стал наиболее распространенным типом недемократического режима в современном мире.

Российские политические реалии по своим базовым характеристикам вполне соответствуют этой режимной форме. Однако становление электорального авторитаризма в России во многом было обусловлено политическими процессами в регионах. Именно на субнациональном уровне основные элементы электорального авторитаризма сложились раньше, чем на федеральном, что существенно облегчило российской политической элите использовать сложившиеся региональные недемократические модели для выстраивания вертикали власти и консолидации этой формы авторитаризма в масштабе всей страны [5].

В этой связи регионы России могут рассматриваться как идеальные эмпирические случаи для исследования логики и закономерностей развития политических процессов в условиях недемократической режимной среды. Республика Башкортостан в этом смысле представляет особый интерес, поскольку относится к тем регионам, в которых авторитарный режим приобрел черты консолидации еще на заре постсоветского развития [6; 13]. Недемократический характер модели управления этого региона не подвергается сомнению большинством исследователей и находит подтверждение в основных рейтингах уровня демократичности российских регионов [11].

В данной статье Республика Башкортостан используется как эмпирический случай для анализа специфики политической агитации в условиях недемократического режима. Зачем вообще нужна агитация и политическая реклама в ситуации, когда избирательный процесс в значительной степени находится под контролем власти и административным давлением? Какую роль агитация играет в условиях доминирования «политических машин» и общей предсказуемости электорального исхода? Есть ли какой-

либо смысл агитации в отсутствии реальной политической конкуренции? Ответы на эти вопросы постарался дать автор в настоящей работе.

Политическое соперничество без демократии: кто и как конкурирует?

Хотя демократии существенно отличаются от разных форм авторитаризма, есть как минимум один компонент, который их сближает. Как это ни парадоксально, этим компонентом является политическая конкуренция. Разумеется, характер этой конкуренции сильно отличается в разных типах режимов. Если в демократии соперничество между политиками носит открытый и публичный характер, то в авторитарных режимах большую роль играют неформальные каналы конкурентного взаимодействия элит, теневые сговоры и другие элементы латентной политической борьбы. Тем не менее, наличие политической агитации в авторитарных режимах говорит о том, что роль публичной политики даже в условиях отсутствия демократии не является нулевым. В тоже время, цели и функции публичности, агитации и рекламы в авторитарных режимах принципиально иные, нежели в демократиях.

Самый простой способ понять эту разницу, это ответить на вопросы:

а) Какие главные политические акторы конкурируют?

б) Как они конкурируют друг с другом и, какие доминирующие стратегии используют?

Для ответа на эти вопросы целесообразно обратиться к типологии политических партий, разработанной Г. Хейлом [18, с. 14]. Его классификация строится на учете двух параметров, а именно наличии или отсутствии у политических игроков административного и идейного капиталов (см., табл. 1). При наличии обоих видов указанных ресурсов формируется программная партия, которая, используя эти преимущества, способна заручиться поддержкой не только элит, но и широких масс населения. При условии формирования таких партий доминирующим стилем политического соперничества становится публичная конкуренция, основанная на «борьбе по правилам» [4], что свойственно демократическим режимам. При отсутствии этих ресурсов партии не развиваются дальше «минорных», то есть слабых и маловлиятельных игроков. При отсутствии административного капитала, но наличии идейного, доминирующим типом партии становится «идейная», которая может объединять и мобилизовать широкие слои насе-

ления на основе ключевой идеи или идеологической программы, но страдает от дефицита финансовых и административных ресурсов. Наконец, при отсутствии идейного капитала, но наличии административных ресурсов, доминирующими субъектами политической конкуренции становятся «клиентелистские» партии, основанные не столько на массовой поддержке, сколько на способности кооптировать и интегрировать элиты, что достигается с помощью взаимовыгодного обмена материальными ресурсами и разделом ренты.

Таблица 1. Типы партий по Г. Хейлу*

	Идейный капитал	
Административный капитал	Высокий	Низкий
Высокий	Программные партии	Клиентелистские партии
Низкий	Идейные партии	Минорные партии

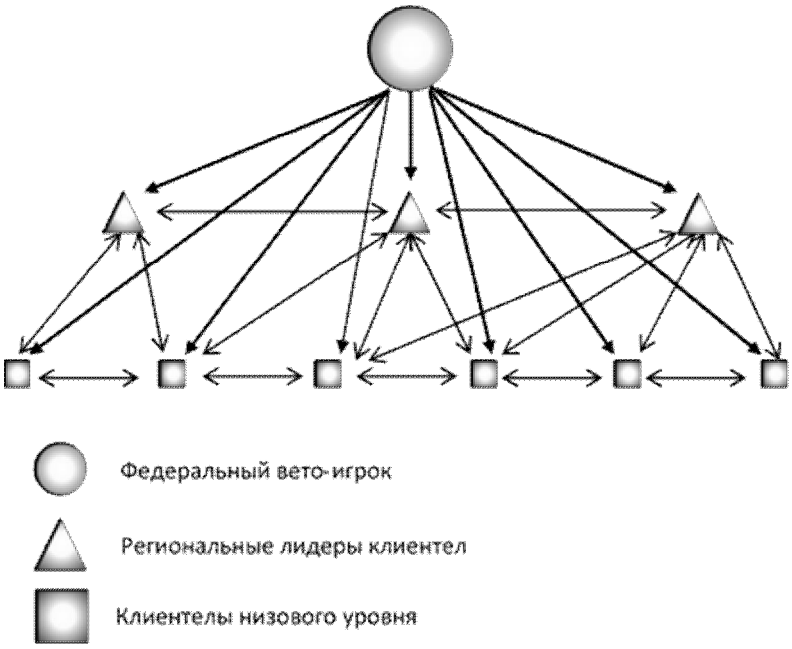
Именно последний тип партий стал доминирующим в российской политике, определив характер политической конкуренции. Таким образом, отвечая на вопрос о главных субъектах политического соперничества в России и ее регионах, можно сказать, что таковыми сегодня являются элитные группировки, сформированные на принципах патрон-клиентелистских связей. Эти группировки внешне интегрированы в партийные структуры, однако во многом независимы от них. Если в рамках программных партий элиты теряют свою автономию, вынужденные подчиняться идеологическим принципам, а также имея зависимость от административной поддержки партии, которая является ключевым каналом доступа политиков к властным позициям, то в рамках клиентелистских партий элиты теряют свою автономию только частично. Не имея идейного капитала, клиентелистские партии ограничены в возможностях массовой поддержки. Однако административные ресурсы позволяют им конкурировать за поддержку со стороны элитных сегментов. Это приводит к иска-

* Hale H. Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State. Cambridge University Press, 2006. P. 14.

жению характера политической конкуренции, которая приобретает своеобразные черты.

При отсутствии программных партий, элитные взаимодействия строятся на основе патрон-клиентелистских связей. Это означает, что отношения между элитами регулируются не столько нормами права, сколько принципами лояльности, личных договоренностей и взаимного обмена ресурсами. В условиях контроля федерального центра над основной долей экономических ресурсов и обширных конституционных полномочий российского президента, последний выступает главным патроном (доминирующим вето-игроком), а региональные главы – его клиентурой. Лояльность клиентуры основывается на ожидании вознаграждений со стороны патрона в виде бюджетных трансфертов. В свою очередь, по отношению к региональной элите губернатор выступает как патрон, который распределяет выделенные бюджетные ресурсы из федерального центра среди своей клиентуры. Эта позиция регионального главы как посредника в распределении ресурсов позволяет ему занимать позицию доминирующего игрока и также поощрять региональные элиты за лояльность или наказывать их за строптивость. Система патрон-клиентистских отношений представлена на рисунке 1.

Рисунок 1. Система патрон-клиентелистских отношений элит



Когда авторитет главы региона высок и долгосрочность его нахождения у власти не вызывает сомнений, данная модель управления является достаточно устойчивой. Однако в момент смены главы региона и его низкого авторитета среди региональных элит существующие патронажные сети могут выйти из под контроля доминирующего вето-игрока и вступить в конкуренцию друг с другом. Институт выборов в этом смысле играет ключевую дестабилизирующую роль, поскольку может запустить противоречивые стимулы для элитных группировок, составляющих клиентелистскую базу поддержки регионального главы. Эти клиенты в момент выборов словно «брокеры» могут менять свои предпочтения, создавая ситуацию «кризиса наследования власти» [17].

В случае наличия влиятельной альтернативы инкумбенту и неопределенности электорального исхода бизнес-элиты и ключевые политические игроки могут, преследуя свои личные прагматические цели, поддержать альтернативного игрока или занять позицию нейтралитета, отказав в поддержке действующему губернатору. Все это способно запустить процесс довольно острой и жесткой политической конкуренции. Однако, в отличие от демократического режима эта конкуренция лишь отчасти связана с борьбой за голоса избирателей. В целом же ключевой чертой политического соперничества в условиях доминирования патронажно-клиентелистских сетей является конкуренция клиентел за расположение по отношению к вышестоящему патрону. Данное обстоятельство накладывает отпечаток на логику всего политического процесса, в том числе и на характер агитации, которая разрабатывается и апробируется в период выборов.

Республика Башкортостан как случай конкуренции патронажно-клиентелистских сетей

В отличие от Республики Татарстан, где смена главы региона произошла с учетом интересов старых элит, Башкортостан можно отнести к случаю ротации политического лидера по модели пришлого «варяга». Попытки первого президента Башкирии М. Рахимова оставить у власти своего преемника потерпели крах [22]. Решением Москвы в эту должность вступил не имеющий тесных связей с местной элитой Р. Хамитов, что привело к обострению межэлитных взаимодействий на уровне региона.

К 2010 г., когда произошла смена главы Башкортостана, региональная политическая элита уже была усилиями Кремля интегрирована в пар-

тию власти «Единая Россия» [5]. М. Рахимов и Р. Хамитов были членами этой партии и, поэтому их соперничество не могло пойти по линии партийной конкуренции. Конфликт сразу стал приобретать формы конкуренции между группировками элит и клиентелистских сетей. Конкретные стратегии и действия политических игроков обуславливались их текущими проблемами и задачами.

Главной проблемой М. Рахимова после отставки стал тот факт, что при потере административного влияния существенно повысились риски лишиться им и экономических активов. Возраст делал весьма сомнительной ставку на его возвращение к власти через выборные процедуры, тем более что это означало пойти на резкий конфликт с Кремлем. Поэтому доминирующей стратегией М. Рахимова стала защита, а не нападение. Она была направлена на сохранение status quo и формирование условий, которые вели к повышению издержек для потенциальных нападающих в случае попыток атаки с их стороны на подконтрольные ему экономические ресурсы.

На практике эта стратегия выражалась в формировании разветвленной сети социального патронажа, на что щедро использовались активы БФ «Урал». Конечно, нельзя утверждать, что средства фонда использовались только для решения политических задач. Безусловно, значительная часть ресурсов шла и идет на решение важных социальных проблем. Тем не менее, масштабность и медийность ряда проектов позволяет предположить, что решение об их финансировании обуславливалось сугубо политической необходимостью. В частности, это касается спонсирования хоккейной команды «Салават Юлаев», строительства Сборной мечети в Уфе, безвозмездной материальной помощи участникам программы «Развитие малоэтажного жилищного строительства в Республике Башкортостан «Свой дом» на 2007-2010 гг. и других [10]. При всей социальной значимости данного финансирования, необходимо отметить, что в данном случае речь идет о помощи не столько тяжело нуждающимся слоям населения, сколько поддержки сугубо имиджевых проектов. Целью такого финансирования является не столько непосредственное решение какой-то конкретной проблемы, сколько позиционирование БФ «Урал» и лично М. Рахимова как крайне важных социальных субъектов, ликвидация которых приведет к масштабному общественному разочарованию и даже дестабилизации ситуации в регионе. Именно этот сигнал культивировался данной стратегией и был адресован к федеральным властям.

В свою очередь, для Р. Хамитова ключевыми проблемами являлись нелояльность или «растерянность» региональных элит, которые в ситуации сохранения существенных экономических ресурсов в руках М. Рахимова и его неформального авторитета не могли сразу полностью «переключиться» на нового патрона и интегрироваться в его патронажную сеть. Эти настроения «элитного шатания» усилились вследствие решения Кремля в 2012 г. о возврате к прямым выборам глав регионов. Это актуализировало вопрос о степени долгосрочности пребывания в качестве регионального главы Р. Хамитова, что в значительной степени зависело как от позиции Кремля, так и от решимости старых элит выставить из своих рядов альтернативного кандидата на будущих выборах. Неопределенность данных вопросов вынуждало региональную элиту придерживаться осторожной позиции, остерегаясь, как открыто, оппонировать действующему главе, так и полностью поддерживать его без оглядки на сигналы из Кремля и действия М. Рахимова. Не менее важной проблемой Р. Хамитова являлась его низкая узнаваемость среди населения, обусловленная его слабыми связями с республикой.

В определенной степени ситуацию нового главы республики, лишенного полноценной поддержки элит, можно сравнить с проблемами, которые встали перед М. Горбачевым в канун инсталлированной им перестройки. Неслучайно данный «синдром Горбачева» проявился в очень похожей стратегии, которую выбрал Р. Хамитов и которую можно обозначить как «либерализация без демократизации». Ее составными элементами стали: противопоставление нового курса старому режиму; стимулирование критики снизу как противовеса элитной фронде; формирование имиджа «демократического лидера», открытого для общения и отзывчивого к нуждам простых людей.

Действительно, при сохранении контроля за электоральными процессами, первые годы руководства Р. Хамитова в Башкирии ознаменовались определенной либерализацией общественной жизни. В частности, это проявилось в заметном изменении формата и содержании ряда региональных СМИ, когда в эфир были допущены оппозиционеры или независимые эксперты, что при М. Рахимове представить себе было невозможно. В Башкирии был запущен интернет-проект «Открытая республика», целью которого было провозглашено формирование «новой формы открытого диалога власти и граждан» [9]. Сам Р. Хамитов начал активно вести свой собственный интернет-блог, демонстрируя открытость и доступность в общении. Новый

глава стал активно поддерживать в Уфе развитие велоспорта, лично участвуя в массовых спортивных мероприятиях, подчеркивая свой «демократический» стиль управления. Главным слоганом политической агитации «партии власти» в республике стал: «Работать для людей!».

Специфика политической агитации в условиях конкуренции клиентел

Стратегические ходы Р. Хамитова оказались достаточно эффективными для решения проблемы изначально низкого уровня его узнаваемости. К 2012 г. популярность нового главы Башкирии достигла достаточного уровня, чтобы на выборах городского Совета Уфы (первые значимые выборы в период руководства республикой Р. Хамитовым) члены партии власти баллотировались, используя фамилию главы региона. Эти события проходили после довольно скандальных выборов российской Государственной Думы, завершившихся волной протестов. В результате бренд «Единой России» в глазах значительной части электората оказался девальвированным. Стремясь минимизировать издержки от этого факта, кандидаты от партии власти на выборах городского Совета предпочли не афишировать свою партийную принадлежность. В партийной агитации этой избирательной кампании лейбл «Единой России» был полностью исключен и заменен на общий слоган «Команда Хамитова».

Главным конкурентом партии власти на этих выборах стал не М. Рахимов, который, как уже указывалось выше, избрал защитную стратегию и предпочел не вмешиваться в политические процессы, а недавно созданная политическая партия под названием «Российская партия народного управления» (РПНУ), которую возглавил местный предприниматель и владелец ряда республиканских СМИ А. Мухамедьяров. Согласно мнению некоторых экспертов, политическая активность последнего имела поддержку на уровне федерального центра и была связана с интересами чиновника из президентской администрации РФ Р. Хабирова. Не вдаваясь в дискуссию о конкретных мотивах этих интересов, замечу, что та легкость, с которой А. Мухамедьярову удалось зарегистрировать свою партию и создать единственный прецедент, когда общефедеральная партия создана не в столице, а в регионе, позволяет предположить, что мнение о его поддержке на уровне Кремля не лишено оснований.

Избирательная кампания, которую проводил А. Мухамедьяров, в ходе этих выборов является классическим примером клиентелистской стратегии и служит прекрасной иллюстрацией специфики конкуренции и агитации в условиях субнационального авторитаризма. Главной задачей этой агитации являлась не столько расширение собственного электората за счет собственного позиционирования, сколько дискредитация власти. Поэтому важной частью пропагандистской технологии А. Мухамедьярова стал черный PR и агрессивно критические репортажи и статьи о действиях региональной власти, которые транслировались по каналам оппозиционных СМИ. Большое внимание при этом уделялось работе, направленной на расширение информационного резонанса этой критики до федерального уровня. Оппозиция стремилась заинтересовать своими критическими сюжетами федеральные СМИ, и именно попадание в их поле зрения региональной политической проблематики расценивалось как значимый успех.

Ответом региональных властей стала атака на медийные активы А. Мухамедьярова. Так, в 2013 г. в Уфе было прекращено вещание ряда радиостанций, подконтрольных оппозиционеру [2]. В том же году он лишился лицензии на вещание в регионе телеканала «Рен ТВ» [1]. Пытаясь защитить свои СМИ, А. Мухамедьяров перешел к стратегии прямого действия, организовав ряд протестных митингов. Характерно, что некоторые из них проходили с откровенно лояльными по отношению к федеральным властям и В. Путину лозунгами. Когда А. Мухамедьярову отказали в согласовании на проведении митинга в поддержку российского президента, оппозиционер стал апеллировать к федеральным властям с жалобами, подчеркивая, что региональная власть и лично Р. Хамитов решили установить «монополию на поддержку российского президента» [8].

Схожая стратегия использовалась А. Мухамедьяровым и в 2013 г. в ходе выборов регионального парламента. Шансы на попадание его партии в легислатуру были изначально малы. Однако целью участия в избирательной кампании для РПНУ было вовсе не электоральный успех, а дискредитация власти посредством придания скандальности выборному процессу. В определенной степени это удалось сделать. В этом смысле относительным успехом оппозиции стал разоблачительный ролик о коррупции высших чиновников региональной администрации, который удалось снять активистам партии РПНУ. Этот инцидент имел широкий резонанс, в том числе на уровне федеральных СМИ [3].

Все эти действия оппозиции являются хорошей иллюстрацией того, что когда электоральные процессы в условиях авторитаризма не являются ключевыми факторами, определяющими ротацию элит, конкурирующие элитные группы начинают соперничать не столько за голоса избирателей, сколько за расположение по отношению к патрону. Специфика избирательной кампании А. Мухамедьярова заключается в том, что его политическая агитация была направлена не столько на попытки мобилизовать электорат, сколько дискредитировать в глазах федеральной власти своего политического оппонента и позиционировать себя как сравнительно лучшую альтернативу. По существу это можно рассматривать, как попытку А. Мухамедьярова интегрироваться в патронажную сеть федерального уровня и убедить вышестоящих патронов в том, что действующий губернатор не является наилучшим выбором. Цель этой стратегии состояла в том, чтобы подвести федеральную власть к вопросу о новой кандидатуре и позиционировать себя как более лояльного клиента, чем иные претенденты.

Неудивительно поэтому, что когда в 2014 г. накануне избирательной кампании главы Башкирии федеральная власть однозначно сделала выбор в пользу сохранения в этой должности Р. Хамитова, А. Мухамедьяров прекратил всякую политическую деятельность и фактически свернул все политические проекты. После снятия административным путем с выборов Р. Сарбаева, который являлся серьезным оппонентом Р. Хамитова, победа инкумбента фактически была предрешена [7]. Тем любопытнее представляется агитационная кампания Р. Хамитова, которая, даже в условиях отсутствия значимых конкурентов, тем не менее, проводилась достаточно масштабно.

В содержательном смысле агитационные материалы в поддержку Р. Хамитова являлись достаточно консервативными и использовали приемы, которые уже были апробированы раньше на предыдущих выборах. Главным слоганом избирательной кампании стал «Время созидания», что являлось лишь слегка модифицированной версией уже использовавшегося девиза на парламентских выборах в Башкирии годом ранее. Тогда девиз звучал как «Время обновления». Лейбл партии «Единая Россия» был исключен из рекламных плакатов, на которых кандидат в лице Р. Хамитова был представлен на синем фоне в гордом одиночестве.

Однако более важным представляется не столько содержательные приемы агитации инкумбента, сколько количественные составляющие про-

пагандистских материалов, которые отличались масштабом и широтой охвата как медийного, так и географического пространства. В этой связи возникает вопрос о рациональности подобного размаха агитации в ситуации, когда значимые конкуренты исключены из избирательного процесса и электоральный исход заведомо предрешен. Конечно, нельзя исключать, что большая доля материальных и финансовых средств для расходов на политическую рекламу и агитацию была зарезервирована заранее, поскольку характер уровня конкуренции предсказать было сложно и никто не гарантировал инкумбенту, что его наиболее опасные соперники будут исключены из избирательной гонки. Не менее реалистичным является предположение, что сами по себе расходы на агитацию включают в себя существенную коррупционную составляющую и поэтому игроки, работающие в избирательном штабе главы региона, имели стимулы по максимизации трат на политическую рекламу, получая от этого вполне конкретную материальную выгоду. Вместе с тем, наряду с этими экономическими объяснениями, можно отметить и сугубо политические факторы, которые обуславливают чрезмерные траты на политическую агитацию даже в условиях низкой конкуренции.

Анализ показал, что на примере случая Республики Башкортостан мы можем наблюдать подтверждение уже замеченных рядом исследователей закономерностей в проведении избирательной кампании в условиях авторитаризма [14; 20]. Представим следующие: Во-первых, большие траты на рекламу и политическую агитацию необходимы инкумбенту для сохранения консолидации патронажно-клиентелистских сетей и минимизации рисков нелояльности отдельных элитных групп. Масштаб информационно-агитационного потока во многом является сигналом для элит среднего и низового звена о степени ресурсного превосходства инкумбента над альтернативными элитными сетями, бросившими вызов власти. Абсолютное доминирование в поле «виртуальной политики» [23] в этом смысле имеет отнюдь не виртуальный интерес и направлено на сохранение лояльности тех элитных сегментов, которые потенциально могут дезертировать в альтернативные клиентелистские сети. Посредством мощной агитации и информационного доминирования власть добивается демонстрационного эффекта, с помощью которого у наблюдателей формируется убеждение в бесперспективности усилий контр-элит и неизбежной победе инкумбента. Это приводит к тому, что даже недовольные властью элитные сегменты

предпочитают сохранять нейтралитет или лояльность по отношению к инкумбенту и отказываются вступать в коалицию с оппозицией, выбирая прагматичную стратегию самосохранения; Во-вторых, агитационное доминирование инкумбента имеет целью внести раскол и дезорганизацию в стан конкурирующих элит. Тотальное вытеснение оппозиции в информационное гетто призвано вселить у ее лидеров разочарование и неверие в свои собственные силы. В результате это приводит к пассивности политических оппонентов и менее наступательной стратегии действий с их стороны. Все это уже заранее программирует поражение оппозиции; в-третьих, агитационное доминирование имеет не только адресатов в лице различных сегментов элит, но и направлено на широкий электорат. В данном случае задача агитации состоит не столько в том, чтобы убедить население в правильности идей или программы власти (которых может и не быть вовсе), сколько в том, чтобы сформировать у населения устойчивое убеждение, что на политическом рынке просто нет иной альтернативы, кроме властвующих элит. Монополизация информационного пространства и интенсивность агитации призваны вытеснить всех оппозиционных акторов на периферию интереса для избирателей. Для авторитарной власти это особенно важно с точки зрения воздействия на медианного избирателя и сохранения электорального сверхбольшинства, что само по себе является важным фактором устойчивости авторитарных режимов [12]. В контексте субнационального авторитаризма и конкретно случая Республики Башкортостан необходимость для регионального лидера получения на выборах не просто победы, а победы оглушительной, крайне важно с точки зрения политического выживания. Дело в том, что способность получать высокие электоральные результаты рассматривается федеральной властью как признак эффективности действующего губернатора. Кроме того, для главы Башкорстана особую роль играет сравнение своих электоральных результатов с аналогичными показателями в соседнем Татарстане. Более низкие показатели могут служить аргументом для оппозиции в утверждении о слабости нового главы Башкирии и неспособности его обеспечить хорошие результаты для партии власти и российского президента на выборах федерального уровня, что для Кремля является принципиально важным. Все это запускает специфическое соревнование между соседними регионами, конкурирующими друг с другом по степени управляемости выборов и мощи агитационного аппарата. В-четвертых, спецификой политической агитации в

условиях субнационального авторитаризма является ее реализация функции публичной легитимации непубличных сговоров и кулуарных элитных договоренностей. Хотя основные электоральные процессы могут жестко управляться властями через административные механизмы, тем не менее, на выходе результаты должны быть достаточно реалистичными и получить легитимность в глазах населения. Политическая агитация в этом смысле играет роль публичной репрезентации политических игроков, чем создается иллюзия их активности, политической работы и реальной борьбы за голоса избирателя. Победа того или иного кандидата от власти часто объясняется активной избирательной кампанией и эффективной политической агитацией. Тем самым неформальные договоренности публично легитимизируются посредством агитационных технологий.

В современных авторитарных режимах конкуренция и выборы не являются исключением, а скорее правилом. Поэтому избирательные кампании и политическая агитация в недемократических режимах являются вполне рутинными атрибутами политического функционирования. В тоже время их характер, цели и функции в условиях авторитарной власти имеют существенную специфику. Не менее своеобразные аспекты конкуренции и политической агитации можно выделить в рамках недемократического режима на субнациональном уровне.

Республики Башкортостан можно рассматривать как идеальный эмпирический случай для анализа специфики конкуренции и агитации в условиях регионального авторитаризма. Исследование последних лет политического развития этого региона с этой точки зрения позволило выявить и систематизировать основные специфические характеристики политической конкуренции и агитации.

Главным выводом исследования является тезис, согласно которому дефицит демократии и распространение патрон-клиентелистских отношений на уровне региона вовсе не обязательно приводит к сокращению элитной конкуренции, но существенно деформирует ее логику. В таких условиях объектом апелляции конкурирующих игроков становятся не столько массовые слои населения, сколько федеральные вето-игроки. Хотя лояльность населения имеет значение, в авторитарных условиях данный фактор становится важен не столько с точки зрения электоральной легитимности, сколько всего лишь как аргумент политических игроков, главным адресатом которых является федеральная бюрократия, курирующая внутреннюю

политику. Для представителей последней факт способности действующего губернатора заручиться поддержкой населения является значимым критерием его эффективности. Напротив, сигналы о низком доверии регионального населения к действующей власти или элементы социальной дестабилизации в регионе служат опасным оружием в руках политических оппонентов, желающих смены губернатора. В результате конкуренция между региональными сегментами элит происходит не столько за голоса избирателей, сколько за расположение по отношению к вышестоящему патрону.

Это ведет к существенной деформации основных функций политической агитации. В отличие от демократии, где политическая реклама выполняет задачи позиционирования игроков на политическом рынке в соответствии с электоральным спросом, в условиях авторитаризма агитация больше выполняет функции сигнализации и обмена символической информацией между элитными группами разных уровней.

Опыт Республики Башкортостан показывает, что даже в условиях низкой конкуренции избирательного процесса и предопределенности электорального исхода инкумбенты могут продолжать инвестировать в агитационные ресурсы. Политические объяснения этих действий связаны с прагматичными интересами властвующих групп. Последние используют агитационный ресурс для следующих целей: сохранения консолидации патронажно-клиентелистских сетей и минимизации рисков нелояльности своих клиентел; внесения раскола и пессимизма в оппозиционные круги; воздействия на медианного избирателя и сохранения электорального сверхбольшинства; реализации публичной легитимации непубличных сговоров и кулуарных элитных договоренностей.

Дальнейшие исследования логики развития авторитарных режимов способно расширить наши знания о специфике функционирования в недемократической среде политических институтов, конкуренции, агитации и других явлений политической жизни.

Литература

1. Баширов Б., Павлова Н. Альберт Мухамедьяров потерял право на вещание «Рен» в Уфе // Коммерсантъ – Башкортостан. 05.06.2013. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2204954 (Дата обращения 05.12.2015).

2. Баширов Б., Павлова Н. У «Европы» нашли котельные недостатки // Коммерсантъ – Башкортостан. 05.02.2013. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2120602 (Дата обращения 05.12.2015).

3. Башкирский Уотергейт: администрация пыталась подкупить оппозиционеров // Телеканал «Дождь». URL: https://tvrain.ru/teleshow/here_and_now/bashkirskij_uotergejt_administratsija_pytalas_podkupit_oppozitsionerov-348392/ (Дата обращения 05.12.2015).

4. Гельман В.Я. Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Полис. 2007. №2.

5. Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. 2008. Т. 12.

6. Гревингхольт Й. Республика Башкортостан: через государственный суверенитет к авторитарному режиму. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2004.

7. Карпенко М. Раиль Сарбаев «легитимно» снят с выборов в Башкирии // Коммерсантъ. 10.07.2014. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2520777 (Дата обращения 05.12.2015).

8. Опальный кандидат в депутаты Горсовета Уфы провёл у завода УППО митинг в поддержку Владимира Путина // РИА Башкирия. URL: http://www.ria-bashkiria.com/video/214.html (Дата обращения 05.12.2015).

9. Открытая республика. URL: https://www.openrepublic.ru/about/ (Дата обращения 05.12.2015).

10. Официальный сайт БФ «Урал». URL: http://бфурал.рф/ (Дата обращения 05.12.2015).

11. Петров Н., Титков А. Рейтинг демократичности регионов московского центра Карнеги: 10 лет в строю. М.: Московский центр Карнеги, 2013.

12. Рогов К. Сверхбольшинство для сверхпрезидентства // Pro et Contra. 2013. Т. 7. №34.

13. Шкель С.Н. Становление политических приоритетов электората Республики Башкортостан. Дисс... канд.полит.н. Уфа, 2002.

14. Bunce V.J., Wolchik S.L. Defeating Dictators: Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes // World Politics. 2010. Vol. 62. №1.

15. Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian institutions and survival of autocrats // Comparative political studies. 2007. Vol. 40. №11.

16. Gandhi J., Reuter O. The incentives for pre-electoral coalitions in non-democratic elections // Democratization. 2013. Vol. 20. №1.

17. Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // World Politics. 2005. Vol. 58. №1.

18. Hale H. Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State. Cambridge University Press. 2006.

19. Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. UK: Cambridge University Press. 2010.

20. Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 2006.

21. Schedler A. The logic of electoral authoritarianism // Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / ed. by A. Schedler. Boulder, CO, und London, UK: Lynne Rienner Publishers. 2006.

22. Sharafutdinova G. Elite Management in Electoral Authoritarian Regimes: A View from Bashkortostan and Tatarstan // Central Asia Affairs. 2015. №2.

23. Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven and London: Yale University Press. 2005.

References

1. Bashirov B., Pavlova N. Al'bert Mukhamed'yarov poteryal pravo na veshchanie «Ren» v Ufe. Kommersant" – Bashkortostan. 05.06.2013. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2204954 (Data obrashcheniya 05.12.2015).

2. Bashirov B., Pavlova N. U «Evropy» nashli kotel'nye nedostatki. Kommersant" – Bashkortostan. 05.02.2013. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2120602 (Data obrashcheniya 05.12.2015).

3. Bashkirskii Uotergeit: administratsiya pytalas' podkupit' oppozitsionerov. Telekanal «Dozhd'». URL: https://tvrain.ru/teleshow/here_and_now/bashkirskij_uotergejt_administratsija_pytalas_podkupit_oppozitsionerov-348392/ (Data obrashcheniya 05.12.2015).

4. Gel'man V.Ya. Iz ognya da v polymya? (Dinamika postsovetskikh rezhimov v sravnitel'noi perspektive). Polis. 2007. №2.

5. Golosov G. Elektoral'nyi avtoritarizm v Rossii. Pro et Contra. 2008. T. 12.

6. Grevingkhol't I. Respublika Bashkortostan: cherez gosudarstvennyi suverenitet k avtoritarnomu rezhimu. Ufa: Zdravookhranenie Bashkortostana, 2004.

7. Karpenko M. Rail' Sarbaev «legitimno» snyat s vyborov v Bashkirii. Kommersant". 10.07.2014. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2520777 (Data obrashcheniya 05.12.2015).

8. Opal'nyi kandidat v deputaty Gorsoveta Ufy provel u zavoda UPPO miting v podderzhku Vladimira Putina. RIA Bashkiriya. URL: http://www.ria-bashkiria.com/video/214.html (Data obrashcheniya 05.12.2015).

9. Otkrytaya respublika. URL: https://www.openrepublic.ru/about/ (Data obrashcheniya 05.12.2015).

10. Ofitsial'nyi sait BF «Ural». URL: http://bfural.rf/ (Data obrashcheniya 05.12.2015).

11. Petrov N., Titkov A. Reiting demokratichnosti regionov moskovskogo tsentra Karnegi: 10 let v stroyu. M.: Moskovskii tsentr Karnegi, 2013.

12. Rogov K. Sverkhbol'shinstvo dlya sverkhprezidentstva. Pro et Contra. 2013. T. 7. №34.

13. Shkel' S.N. Stanovlenie politicheskikh prioritetov elektorata Respubliki Bashkortostan. Diss... kand.polit.n. Ufa, 2002.

14. Bunce V.J., Wolchik S.L. Defeating Dictators: Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes. World Politics. 2010. Vol. 62. №1.

15. Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian institutions and survival of autocrats. Comparative political studies. 2007. Vol. 40. №11.

16. Gandhi J., Reuter O. The incentives for pre-electoral coalitions in non-democratic elections. Democratization. 2013. Vol. 20. №1.

17. Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia. World Politics. 2005. Vol. 58. №1.

18. Hale H. Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State. Cambridge University Press. 2006.

19. Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. UK: Cambridge University Press. 2010.

20. Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 2006.

21. Schedler A. The logic of electoral authoritarianism. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. ed. by A. Schedler. Boulder, CO, und London, UK: Lynne Rienner Publishers. 2006.

22. Sharafutdinova G. Elite Management in Electoral Authoritarian Regimes: A View from Bashkortostan and Tatarstan. Central Asia Affairs. 2015. №2.

23. Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven and London: Yale University Press. 2005.

Н.А. Омельченко,
Ф.М. Гасратова

ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Аннотация
В статье рассмотрены теоретические аспекты процесса легитимации политической власти, определены составляющие данного процесса, его виды. Особое внимание уделяется выявлению влияния политической культуры на процессы легитимации в современной России, как на федеральном, так и на региональном (республики Северо-Кавказского федерального округа) уровнях. В исследовании использованы результаты интернет-опроса студентов северокавказского региона по восприятию ими современных политических реалий, позволившие выявить политические ценности, разделяемые наиболее «продвинутыми» представителями северокавказской молодежи, проводится сравнение выявленных предпочтений в молодежной среде северокавказских республик с характером восприятия этих ценностей в России в целом. Важное место авторы статьи отводят анализу особенностей процессов легитимации деятельности правительства, парламента и политических партий России. В статье также дана характеристика легитимационных практик, реализуемых федеральными и региональными властями.

Ключевые слова:
легитимность, легитимация власти, политическая культура, политические институты, политические ценности, Северный Кавказ.

N. Omelchenko,
F. Gasratova

PROBLEMS OF LEGITIMATION OF POLITICAL POWER IN MODERN RUSSIA: FROM THEORY TO PRACTICE

Abstract
This article deals with theoretical aspects of the process of legitimation of political power, defines the components of the process, its types. Influence of political culture on the features of the process of legitimation on both federal and regional (republics of the North Caucasian Federal District) levels is considered. There are results of the online survey of students of the North Caucasian region on the perception of political values. The survey reveals political values shared by the most "advanced" representatives of the North Caucasian youth. There is a comparison of value preference among the youth of the North Caucasian republics and Russian citizens in general on the perception of these values. Authors of the article analyze characteristics of the processes of legitimating of government, parliament and political parties in Russia. Characteristic of legitimation practices implemented by federal and regional authorities is considered.

Key words:
legitimacy, legitimation of power, political culture, political institutes, political values, North Caucasus.

Проблемы легитимности политической власти, равно как и современные легитимационные практики в последнее время привлекают внимание не только ученых-политологов, но и представителей других областей науки - социологов, юристов, философов, психологов и, строго говоря, становятся предметом междисциплинарных исследований.

В практическом значении слова легитимация политической власти является одной из разновидностей процесса легитимации и представляет собой сложный двунаправленный процесс наделения и обретения властью легитимности. Как и любой политический процесс, процесс легитимации власти обладает сложной структурой, включающей в себя субъекты и объекты легитимации, средства, методы и ресурсы, обеспечивающие приобретение властью легитимности. Среди факторов, оказывающих влияние на процесс легитимации, исследователи выделяют в качестве основных: имидж (персональный и институциональный), эффективность, авторитет, время, фактор новизны, политическая коммуникация, фактор стабильности, интегративный фактор и др.. Данный перечень остается открытым. Для исследователя важен также анализ уровней, концепций и режимов легитимации власти.

Основаниями для выделения тех или иных видов легитимации могут выступать: направленность процесса легитимации, характер политического режима, признаки рациональности, признаки формальности, масштаб, средства. По направленности процесса легитимации различают восходящий и нисходящий характер легитимации. Восходящая легитимация политической власти связана с процессом признания власти населением, выражением согласия или несогласия с властью с помощью формальных (например, выборы) или неформальных (например, создание неформальных объединений, публичные протесты) практик. В отличие от этого нисходящий характер легитимации политической власти связан, прежде всего, с воздействием самих субъектов политической власти на население/целевые группы с целью завоевания доверия, обеспечения согласия с властью и поддержки ее решений. Если в рамках восходящей легитимации население/целевые группы принято рассматривать в качестве активного субъекта легитимации власти, то, напротив, нисходящая модель легитимации отводит населению/целевым группам роль пассивного объекта воздействия со стороны институтов политической власти. В случае с нисходящей легитимацией основная цель власти заключается в стремлении добиться расположения и поддержки граждан через легитимацию политической системы, стратегий, решений, планов и пр.

Политические институты, решения, действия власти выступают в данном случае в качестве непосредственных (первичных) объектов легитимации, тогда как население, его сознание и поведение рассматривается как вторичный объект легитимации.

Можно утверждать, что большинство современных легитимационных технологий имеют преимущественно нисходящий и в определенной степени манипулятивный характер. Согласно новейшим исследованиям, в эпоху постмодерна человек теряет политическую субъектность, постепенно превращается в объект политики и «лишь периодически «подключается» к властно-политическому порядку с помощью таких процедур, как выборы, референдумы, соцопросы» [14, с. 83]. Не трудно понять, что эти особенности современного процесса легитимации власти создают широкие возможности для комплексного манипулирования людьми через чувства, инстинкты, потребности, эффекты восприятия, вместо традиционных методов воздействия на разум людей с помощью идей.

Наряду с принятым в науке и практике разделением технологий легитимации власти на рациональные и нерациональные представляется важным в рамках рациональной группы выделить формальные (или политико-правовые) и неформальные технологии и механизмы.

К формальным технологиям и механизмам легитимации власти относят выборы и референдум, к неформальным – построение персонального или институционального имиджа, символьную политику, политическую коммуникацию и пр. К числу нерациональных технологий и механизмов легитимации власти принято относить различные инструменты сакрализации власти: политические мифы, культы, обряды и ритуалы. Сложнее обстоит дело с отнесением СМИ в какую-либо из названных групп технологий и механизмов легитимации, так как, с одной стороны, СМИ, так или иначе, охватывают все современное политическое пространство, с другой стороны, посредством СМИ осуществляется и рациональная, и иррациональная легитимация власти.

В конечном счете, содержание и особенности легитимационных технологий определяются характером и особенностями политической культуры той или иной страны, того или иного общества. Так, в западных странах с присущим им формально-правовым сознанием основным средством оправдания власти выступают выборы, вокруг которых, если можно так выразиться, «вращается» политическая жизнь. В отличие от правового отношения евро-

пейских граждан к государственным институтам, отношение русских к государству всегда было более эмоциональным, личностным; «русские люди не терпели посредников между собой и верховной властью и отрицательно относились к государственной бюрократии…» [18, с. 50]. В России с неотработанными механизмами взаимодействия власти и общественности, преобладающим уважением к личности во власти, а не к институту власти выборы не носят такого легитимационного потенциала, и власти сталкиваются с необходимостью повторной легитимации после выборов посредством неформальных и иррациональных средств с опорой на административный ресурс.

Интерес в этой связи представляет точка зрения современного исследователя Р. Роуза, рассматривающего российское общество в виде общества песочных часов, в верхней и нижней части которого протекает активная социальная жизнь, но связи между верхами и низами ограничены. В обществе песочных часов граждане не могут оказать на государство никакого влияния и дистанцируются от него. Для такого общества характерно «институциональное лицемерие», когда люди думают одно, но делают то, чего от них требуют [10, с. 44]. Как бы то ни было, отношения между властью и населением в России характеризуются доминирующей ролью власти и пассивной позицией «невмешательства» граждан, которые считают власть чем-то обособленным и недосягаемым. В этой ситуации власть должна сама принимать меры для обеспечения признания ее права на легитимное принуждение, т.е. мы имеем дело с формой легитимации, которую ранее определили как нисходящую легитимацию [10, с. 65].

Политическое поведение россиян отличается электоральным абсентеизмом и пассивностью. О политической пассивности населения говорят данные, опубликованные Левада-Центром в апреле 2015 г.: 71% опрошенных не готовы активно участвовать в политике; значительная часть опрошенных (36%) считает, что политика - не для рядовых граждан; 26% из числа не желающих участвовать в политике просто в ней ничего не понимают и не знают, как работают органы власти [3]. Выводы напрашиваются сами – при разработке легитимационных технологий власть должна прилагать максимум усилий для преодоления абсентеизма населения и заботиться о распространении политического знания, повышения уровня политической культуры граждан, их политической социализации.

Среди многообразия легитимационных практик в современной России можно выделить следующие: сакрализацию власти и ее носителей, религи-

озную легитимацию, построение персонального имиджа, «легитимацию через будущее», «легитимацию через отрицание», возведение современности в ранг истории, символьную политику, легитимацию через партию власти, медиатизацию политики и медиалегитимацию власти, «прямые линии» с Президентом, формирование «образа врага». Определенную роль может играть ситуативный фактор. Аналитики обращают внимание на высокий уровень легитимности Президента по сравнению с легитимностью законодательной и исполнительной властей.

О том, насколько высоко оценивается населением роль Президента в общественной и политической жизни страны, говорят результаты опроса, проведенного ВЦИОМ в 2014 году. Так, 55% опрошенных считали, что носителем суверенитета и источником власти в России является Президент, причем, среди сторонников «Единой России» такой ответ дали 57% опрошенных, а среди приверженцев непарламентских партий – 40%. Только незначительная часть опрошенных источником власти в государстве называла народ (23% опрошенных респондентов), многие в качестве источника власти приводили Парламент страны (11%) [5]. Приведенные данные позволяют сделать вывод о политической неграмотности и пассивности значительной части населения, которая не видит себя источников власти и не считает, что каким-то образом может влиять на принятие управленческих решений.

Исследователь Демидова О.А. провела сравнительный эконометрический анализ уровня доверия населения различных стран к основным социальным и политическим институтам, сгруппировав рассмотренные страны в 5 самостоятельных кластеров. Россия по результатам проведенного исследования вошла в самый многочисленный третий кластер (здесь же оказались все ранее входившие в состав Советского Союза национальные республики, приобретшие статус самостоятельных государств). Для стран этого кластера характерна выстроенная система предпочтений: «армии доверяют больше, чем полиции; правительству больше, чем парламенту; а последнему, в свою очередь, больше, чем политическим партиям (это самый непопулярный институт)» [8, с. 124]. Показательно, что старшее поколение стран третьего кластера доверяет политическим институтам в значительно большей степени, чем молодежь, из чего напрашиваются вполне очевидные выводы.

В России уровень легитимности парламента и правительства по последним данным оказывается невысоким по сравнению с уровнем легитимности Президента. Так, согласно проведенному Левада-Центром в начале

2015 г. опросу население России оценило роль Правительства в жизни страны на 3,71 балла по пятибалльной шкале, что ставит Правительство России на 5-е место в рейтинге после Президента (4,5 балла), ФСБ (3,93 балла), Вооруженных сил (3,91 балла) и Президентской администрации (3,8 балла) [19]. В то же время 48% населения выступает против отставки Правительства (за отставку выступило только 28% респондентов). По мнению заместителя директора Левады-Центра Алексея Гражданкина, такие результаты связаны с тем, что, во-первых, у населения нет представления о том, кто бы другой справился лучше на месте нынешнего правительства; во-вторых, из-за ухудшения ситуации, связанной с внешними обстоятельствами, сейчас не время для перемен, т.е. «риски от смены правительства воспринимаются серьезнее, чем его неэффективность …» [20].

Важно отметить, что роль парламента в стране оценивается гражданами России ниже роли правительства. Роль Совета Федерации в жизни страны оценена респондентами на 3,49 балла (8 место), а роль Государственной Думы на 3,38 балла (11 место) [19]. 39% респондентов уверены, что России нужна Госдума, однако, по мнению 43% опрошенных, жизнь страны может быть с не меньшим успехом организована указами Президента, что еще раз подтверждает низкую популярность нижней палаты Парламента среди населения [17]. Половину опрошенных даже не интересует, чем занимаются депутаты Государственной Думы (51% респондентов), практически столько же совершенно не осведомлены о том, чем занимаются депутаты, каковы их политические цели и предпочтения - 49% [17].

В качестве мер, способствующих увеличению степени доверия к основным институтам, исследователь О.А. Демидова называет снижение уровня коррупции в стране, пропаганду семейных ценностей (так как семейный статус способствует большему доверию к основным институтам), создание благоприятных условий для роста благосостояния населения (с ростом дохода степень доверия к основным социальным и политическим институтам увеличивается) [8, с. 127].

В последнее время высказывается мнение о необходимости введения прямых выборов членов Совета Федерации, что позволит, по мнению специалистов, набирать в верхнюю палату парламента людей, имеющих непосредственную связь с регионом, знающих проблемы региона, который они представляют. Данная мера должна сократить дистанцию между властью и народом, повысить уровень доверия к парламенту в целом, так

как позволит гражданам выбирать и знать, кто представляет их регион в верхней палате парламента.

Одним из самых непопулярных политических институтов в стране по данным опросов населения выступают политические партии, их роль в жизни России оценена респондентами на 2,95 балла по пятибалльной шкале; в общем рейтинге политические партии занимают 18 строку, ниже оказались только Общероссийский народный фронт, интеллигенция и профсоюзы [20]. Более половины респондентов (65%) считают, что партии борются за свои интересы, мнение людей при этом игнорируется, и результат борьбы не приносит народу пользы [16, с. 103].

В связи с этим некоторые специалисты указывают на необходимость внесения изменений в ФЗ «О партиях» относительно минимальной численности членов партий, увеличив ее с 500 до 5000. Маленькие партии априори не могут составить серьезную конкуренцию партиям-монополистам и объективно не в состоянии выражать интересы широких слоев населения. Как выход из положения, приводится пример политических практик ряда развитых демократических государства, в которых партиям, активно участвующим в избирательном процессе, предоставляются дополнительные права, в то время как в отношении электорально пассивных партий вводятся санкции [22].

Описанные особенности легитимации властных отношений в России на федеральном уровне, в целом характерны и для легитимационных практик на уровне регионов Российской Федерации, на характеристике которых мы остановимся подробнее. В данном случае нас будут интересовать республики Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Сразу укажем на весьма ограниченное число научных работ, освещающих вопросы легитимации власти в республиках Северного Кавказа. Большая часть научных публикаций, предметом исследования которых являются республики СКФО, посвящены либо изучению социально-экономического развития республик, либо анализу геополитических проблем региона.

Прежде всего, важно понимать, что выявление и анализ особенностей легитимации властных отношений в республиках Северного Кавказа невозможно без внимательного анализа и творческого осмысления национального менталитета и политической культуры северокавказских народов, которые, собственно говоря, и определяют своеобразие региональных общественно-политических процессов. Существующие научные исследования по данной проблематике показывают, что для политической культуры республик ха-

рактерны этнический и профессиональный корпоративизм, персонифицированная власть, поиск харизматичного лидера, установки на авторитаризм и клиентелизм, большая роль традиционных ценностей. В то же время народам северокавказских республик в большей степени свойственны абсентеизм и политический пессимизм. С другой стороны, неспособность светской власти решить проблемы региона привела к росту влияния исламской идентичности, что делает актуальной задачу распространения светских ценностей, не допущения деструктивного баланса гражданской и религиозной идентичностей. Непременным атрибутом эффективной власти для населения региона является императив силы, который сочетается со способностью решать актуальные социально-экономические проблемы.

Для проведения сравнительного анализа используем некоторые результаты проведенного в 2013 г. кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова масштабного политико-психологического исследования «Политические ценности и их восприятие российским обществом» [24, с. 64]. Респондентам было предложено оценить политические ценности как понятия по шкале: «отрицательное значение», «не имеет значения», «имеет небольшое значение», «довольно значимо», «очень значимо». Сравним распределение ценностей в российском обществе (на основе данных указанного выше исследования) и распределение ценностей в республиках СКФО (на основе проведенного исследователем интернет-опроса студентов республик Северо-Кавказского федерального округа). Всего в период с октября по декабрь 2015 г. было опрошено 150 человек (пропорционально численности населения в республиках) в возрасте от 18 до 23 лет. На наш взгляд, такая выборка позволяет выявить политические ценности, разделяемые наиболее «продвинутыми» представителями северокавказской молодежи, активными пользователями интернета, которые в недалеком будущем будут определять тенденции региональной политической жизни. Данное сравнение ни в коем случае не противопоставляет Россию республикам СКФО, но позволяет выявить объективно существующие различия в оценках определенных ценностей. В ходе опроса было также измерено эмоциональное отношение респондентов к тем или иным политическим ценностям. Для выявления эмоционального отношения использовалась методология, примененная исследователем И.В. Богданом: доли выбравших определенную оценку из общего количества респондентов умножались на веса («-3», «0», «1», «+2», «+3») и складывались по каждой

отдельной ценности. Таким образом, итоговое значение «3» предполагает оценку ценности респондентами максимально положительно, а «-3» – максимально отрицательно [2, с. 74].

При анализе имеющихся данных бросается в глаза более яркая эмоциональная оценка ценностей респондентами из республик СКФО. Единственной антиценностью со знаком минус для данной категории респондентов оказался «национализм» со значением «-0,34», данная антиценность также представляет собой наименее популярную среди российских респондентов в целом (0,05).

Исследователь И.В. Богдан объясняет расхождение между оценкой национализма как неактуальной ценности и распространенностью националистических взглядов среди населения России тем, что «распространенный среди населения национализм – скорее бытовой, а не политический», «подавляющее большинство придерживается … «кухонного национализма», «когда люди ворчат на кухне, но считают неприличным заявлять об этом публично» [2, с. 93]. Считаем, что наряду с признанием факта «кухонного национализма», приведенные данные свидетельствуют также о том, что северокавказская молодежь не рассматривает национализм как ценность, которая бы определяла идеальное государство, а это, на наш взгляд, значит, что не следует утрировать ситуацию и преувеличивать значение национализма для местного населения в политической жизни республик.

Не меньший интерес представляют такие ценности как «равенство» и «толерантность», которые вошли в группу непопулярных ценностей среди российских респондентов со значениями 1,52 и 1,24 соответственно, однако студенты северокавказского региона оценили их выше (2,27 и 2,21 соответственно), что позволяет их включить в группу актуальных и положительно оцениваемых. Можно утверждать, что высокие значения этих ценностей в ответах северокавказской молодежи во многом объясняются многонациональным составом региона и многовековым опытом совместного проживания северокавказских народов. «Коллективизм» и «традиционность» также оценены северокавказскими респондентами выше - 1,54 и 1,76 соответственно, но, тем не менее, вошли в группу неактуальных ценностей по сравнению с остальными. Трудно назвать существенной разницу в оценках двух групп респондентов понятия «традиционность» как политической ценности (1,76 – студенты СКФО; 1,22 – респонденты России в целом), однако, совершенно

очевидно, что для студенческой молодежи северокавказского региона данная ценность не является самой актуальной.

Самыми популярными ценностями среди российских респондентов в целом оказались – «безопасность» (2,51), «мир» (2,49), «законность» (2,47), а среди студентов северокавказских республик – «справедливость» (2,78), «безопасность» и «порядок» (по 2,71), а также «мир» (2,69). Столь высокая оценка «справедливости» северокавказскими студентами (которая в оценках российских респондентов заняла лишь шестую позицию со значением 2,35) позволяет сделать вывод, что респонденты северокавказских республик чувствуют себя «брошенными», забытыми властями. В то же время в оценках респондентов северокавказского региона «законность», как ценность, оказалась лишь на шестой позиции после «справедливости», «безопасности», «порядка», «мира», «прав человека» и «свободы». Можно предположить, что респонденты рассматривают закон не как единственную возможность решения проблем, возможно даже готовы признать другие источники, лишь бы в регионе были решены проблемы безопасности и порядка. Сказанное в значительной мере относится и к такой актуальной для России ценности, как «демократия». Несмотря на то, что оценки студентами северокавказских республик большинства политических ценностей выше, чем оценки тех же ценностей по России, «демократия» оценивается ими даже ниже чем в России в целом: значение 1,44 (СКФО) против 1,49 (Россия в целом). При этом надо иметь в виду, что в данном случае был приведен только срез по студентам, а не опрос всех категорий населения. Таким образом, даже среди студенческой молодежи демократические ценности сегодня не пользуются популярностью, они дискредитировали себя в регионе и вера в них утрачивается, что, на наш взгляд, является достаточно тревожным явлением.

С другой стороны, низкие оценки студентами северокавказского региона таких ценностей, как «национализм», «коллективизм» и «традиционность», на наш взгляд, позволяют предположить, что в недалеком будущем картина региональной политической жизни претерпит определенные изменения. Эти ценности теряют свою актуальность среди молодежи перед лицом социально-экономических и политических проблем региона. Вполне вероятно, в случае если молодежь получит от федерального центра и региональной власти модель властных отношений, основанную на ценностях, которые она ждет от власти – справедливость, безопасность, порядок и мир – тогда

можно будет говорить о легитимной, современной, эффективной региональной власти. Если же ситуация останется прежней, то федеральный центр может столкнуться с большими проблемами, чем нелегитимность местных органов власти.

Чтобы разобраться в реальном положении дел, следует обратиться к оценкам деятельности законодательной и исполнительной властей в республиках СКФО. Определенную помощь в этом нам могут оказать данные исследований парламентских институтов в республиках Северного Кавказа, проводимых Центром политических технологий. К основным особенностям, характеризующим деятельность парламентов северокавказских республик, по результатам исследований были отнесены: высокая степень зависимости законодательной власти от исполнительной, низкий уровень профессиональной подготовки депутатов, незначительная доля депутатов, работающих на постоянной (профессиональной основе), что в совокупности предопределяет крайне низкую степень участия депутатов в подготовке законопроектов для обсуждения их в региональных парламентах. Как справедливо отмечается в итоговом заключении, подготовленном Центром политических технологий по результатам проведенного исследования, по сути, «республиканские парламенты превращаются в органы формального представительства различных групп местной элиты, этнических кланов, землячеств, бизнеса и т.п.» [21, с. 14]. При такой системе властных отношений обратная связь с обществом по большей части осуществляется через личные связи («преференции определённым этносам, землякам и родственникам», а не по формальным каналам и не на основе законодательства) [21, с. 19].

В известной мере отмеченная специфика в деятельности республиканских парламентов на Северном Кавказе объясняется особенностями и современным состоянием избирательных систем республик СКФО. На сегодняшний день практически во всех из них – кроме Республики Северная Осетия-Алания – выборы депутатов региональных парламентов осуществляются на основе пропорциональной избирательной системы. В Республике Северная Осетия-Алания депутаты парламента избираются на основе смешанной мажоритарно-пропорциональной системы (Закон Республики Северная Осетия-Алания от 29.12.2006 №69-РЗ (ред. от 06.06.2013) «О выборах депутатов Парламента Республики Северная Осетия-Алания»); последние выборы депутатов по этой избирательной системе были проведены 14 октября 2012 г. Выборы в Народное Собра-

ние (Парламент) Карачаево-Черкесской Республики первоначально также осуществлялись по мажоритарно-пропорциональной системе (так, на выборах парламентариев 1 марта 2009 года 37 депутатов были избраны по общереспубликанским спискам кандидатов и 36 депутатов - по одномандатным избирательным округам). Однако в 2014 г. депутаты парламента единогласно приняли законопроект, согласно которому изменялся тип избирательной системы, и предусматривалось избрание депутатов народного собрания республики только по партийным спискам. Последние выборы в республиканский парламент проводились 14 сентября 2014 года на основе пропорциональной избирательной системы [4].

Безусловно, само по себе преобладание пропорциональных избирательных систем в республиках Северного Кавказа не может рассматриваться как главный критерий указанных недостатков в работе региональных парламентских институтов. Для этого существует множество других факторов, связанных, в том числе, как мы уже пытались показать, с национальными традициями, характером и особенностями политической культуры общества. В то же время нельзя недооценивать и важности правильного выбора типа избирательной системы, учитывающего особенности политического развития общества, наличие в стране развитой партийной системы и другие факторы. Несомненно, в случае, если политические партии поддерживаются населением, пропорциональная избирательная система может способствовать легитимации парламента. Парламентские выборы, организованные на основе пропорциональной избирательной системы, как показывает практика, обходятся для бюджетов субъектов гораздо дешевле и в идеале могут оказывать благотворное влияние на развитие самих партий. Однако в условиях, когда роль политических партий в регионе чрезвычайно низка, пропорциональная избирательная система очень часто используется местными элитами для обслуживания своих корпоративных интересов. Именно это имел в виду ингушский правозащитник Магомед Муцольгов, заявляя о необходимости замены пропорциональной системы смешанной системой выборов депутатов Народного собрания Республики Ингушетия. По словам правозащитника, политическим партиям в республике «отводится скромная роль статистов, обслуживающих интересы власть имущих и их ближайших родственников, которые далеки от интересов народа» [15]. Аналитики и практики называют и ряд других недостатков пропорциональной избирательной системы на парламентских выборах в республиках. Указывается на эффект

отчуждения депутатов, избранных по партийным спискам, от своих избирателей, непопулярной пропорциональную систему может сделать и то, что «система распределения голосов зачастую непонятна плохо информированным избирателям».

Бесспорно, действующие в республиках избирательные системы не являются раз и навсегда установленными. Республики Северного Кавказа, как и все субъекты страны, находятся «в поисках тех политических институтов и тех практик, которые в наибольшей степени позволяют народу ощущать, что он действительно влияет на власть и власть выражает его интересы» [11]. Следует согласиться с мнением исследователя А.В. Кынева, считающего, что в условиях России необходима вариативность избирательных систем на региональном уровне, обеспечивающая более полный учет этноконфессиональных, исторических, культурных, социально-экономических, географических и иных особенностей регионов страны. Однако любой вариант избирательной системы должен предполагать соблюдение стандартов свободных и справедливых выборов и исключать электоральные манипуляции.

Важным требованием, в свете сказанного, представляется часто обсуждаемое в политических дискуссиях требование возвращения минимального порога явки избирателей на региональные выборы, что, по мнению специалистов, не только позволит повысить авторитет и легитимность региональных властей, так как избиратели будут воспринимать выборы как более честные, но и будет способствовать преодолению традиционного электорального абсентеизма в республиках,. По мнению вице-президент Центра политических технологий А.В. Макаркина, умеренным на региональных выборах можно считать порог явки в 25%, более высокий порог явки может привести к необходимости неоднократного проведения избирательных кампаний ввиду слабой активности избирателей [6]. Мы склонны согласиться с этим мнение политолога, и считаем справедливым и своевременным отклонение внесенного в 2015 г. в Государственную Думу членом Комитета Госдумы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления Маргаритой Свергуновой (ЛДПР) проекта закона, устанавливающего минимальный порог явки не менее 50 процентов от внесённых в списки избирателей на выборах всех уровней, кроме местного самоуправления [9].

Следует отметить, что лидеры северокавказских республик, для того чтобы удержаться у власти, используют различные легитимационные прак-

тики, начиная от «прямых линий» с населением, участия в социальных сетях и ведения блогов, организации встреч с населением, апелляции к религиозной легитимации, привлечения молодежи и заканчивая созданием «Советов старейшин» при главах республик. Тем не менее это не отменяет того факта, что реальная практика властных отношений в регионе основана на других основаниях. По мнению специалистов, существующие модели легитимации власти на Северном Кавказе могут быть охарактеризованы преимущественно как горизонтальные, в рамках которых доверие народа к власти может не учитываться, достаточно лишь взаимного признания членов элиты.

Неспособность формальных институтов решить проблемы региона приводит к возникновению сети неформальных институтов, альтернативных официальным органам власти. Нередко неформальные структуры, апеллирующие к традициям народов региона, намеренно создаются местными властями для обеспечения дополнительной легитимации, позиционируются как строительство институтов гражданского общества снизу. Как правило, такие структуры носят декоративный характер и не имеют реальной силы. С другой стороны, бессилие и неэффективность светских властей ведет к росту влияния исламской идентичности в регионе.

Независимо от национальной принадлежности жители республик Северного Кавказа недовольны существующим положением дел в своих республиках. Большинство авторов, исследующих протестные настроения на Северном Кавказе, убеждены, что снизить протестный потенциал посредством лишь политических технологий уже не удастся, необходимо решать волнующие население проблемы: безработица, коррупция, терроризм и др. [23, с. 16]. С нашей точки зрения, инициатором модернизационных процессов в регионе может стать только федеральный центр, от которого требуются политическая воля и последовательность в политике, в то время как до последнего времени политика центра была направлена по преимуществу на обеспечение лояльности местного общества и его элиты. Что касается региональных властей, то их внимание и силы должны быть направлены на решение насущных проблем региона, региональная власть должна продемонстрировать результативность функционирования, способность оправдать надежды населения, успешно справляться с поставленными задачами.

При всех возможных вариантах способы организации региональной власти как компоненты государственной вертикали власти, по нашему мнению, должны вписываться в общую схему организации власти в стране и

быть едиными для всех субъектов России. Точно так же как ошибочным является, с нашей точки зрения, поощрение традиционализма на Северном Кавказе, нельзя согласиться с широко распространенными утверждениями о невозможности встраивания региона в общероссийский модернизационный процесс [21, с. 47]. Более прав в этом смысле, как нам представляется, современный исследователь А. Зубов, трактующий популярный среди части региональных элит концепт национально-территориальной федерации как «бомбу, заложенную под здание российской государственности» [13, с. 210]. В качестве реальной альтернативы исследователь указывает на необходимость пропаганды светских ценностей в регионе и интеграции региона в единое культурное пространство России [13, с. 238].

Совершенно очевидно также, что одним из направлений модернизационного процесса в регионе должно стать создание эффективной системы обратной связи между обществом и властью. Необходимо вернуть населению возможность прямых выборов глав республик и обеспечить честность и открытость выборов, чтобы не уничтожить окончательно веру населения в демократические процедуры.

Интерес представляет точка зрения, согласно которой наиболее оптимальным вариантом реформ для развития демократических процедур в регионах должно стать формирование «региональным парламентом подотчетного ему правительства на основе коалиции депутатского большинства», поскольку подобная коалиционность позволит «демократическим путем обеспечить балансы между различными элитными группами, в том числе де-факто образованными по этническому признаку» [12]. Вполне реалистичным выглядит также предложение о наделении региональных парламентов правом выражать недоверие главе региона и конкретным чиновникам администрации с последующей их отставкой, что усилило бы сдержки и противовесы и стимулировало бы «региональные администрации к принятию более сбалансированных и адекватных решений, в том числе кадровых» [12].

В качестве возможных мер предлагается создание школ молодых управленцев (в т.ч. на базе существующих общественно-политических молодежных организаций) в республиках, «перезагрузка» социальных лифтов в республиках, антрепренерский способ рекрутирования политических элит. Возможны и другие варианты и модели развития. Член правления Института современного развития, профессор Е.Ш. Гонтмахер предлагает, например, сменить властные элиты Северного Кавказа через

использование soft power - опоры на местное гражданское общество, а также «вернуть в регион тех выходцев с Северного Кавказа, которые сделали успешную карьеру в других частях России», и интегрировать северокавказские элиты в элиту общероссийскую [7].

Мы рассмотрели наиболее важные аспекты исследуемой проблемы, связанные с особенностями легитимационных процессов в современной России на федеральном и региональном уровнях. Для нас совершенно очевидно, что модернизация легитимационных практик, реализуемых федеральными и региональными властями – улица с двусторонним движением. Центр в своей региональной политике должен учитывать этноконфессиональные, историко-культурные, социально-экономические и иные особенности развития регионов, но при условии сохранения государственного единства и интеграции регионов в единое политико-государственное пространство страны. Региональная власть должна научиться вырабатывать и реализовывать новые формы взаимодействия с населением, быть более открытой и готовой к диалогу со всеми слоями общества и, по крайней мере, не допускать деструктивного баланса гражданской и религиозной идентичностей. Пока же пример северокавказского региона дает нам другую картину: с одной стороны, региональная власть стремится доказать свою лояльность федеральной власти, заручиться ее доверием и поддержкой (политической и экономической) и оправдать свою власть в глазах Центра; с другой стороны, в ряде республик Северного Кавказа в ситуации так называемого «постконфликтного синдрома» после Кавказской войны мы наблюдаем недоверие федеральному центру, «который со стороны этнических меньшинств идентифицируется как «русская власть» [1, с. 232].

Литература

1. Ашхамахова А.А. Социально-философский анализ менталитета: общее и особенное: дис… док. филос. наук. Майкоп: Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им Т.Н. Керашева, 2006.

2. Богдан И.В. Восприятие политических ценностей гражданами современной России (политико-психологический анализ): дис… канд. полит. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015.

3. Взаимодействие граждан и государства. Левада-Центр. 06.04.2015. URL: http://www.levada.ru/06-04-2015/vzaimodeistvie-grazhdan-i-gosudarstva (дата обращения 25.10.2015).

4. В Карачаево-Черкесии выборы в парламент назначены на 14 сентября. Кавказский узел. 11.06.2014 г. URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/244073/ (дата обращения 09.12.2015).

5. Власть в России: по Конституции и по жизни. ВЦИОМ. 11.12.2014. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115087 (дата обращения 10.12.2015).

6. Возвращение порога явки на региональных выборах реально - эксперты. РИА Новости. URL: http://ria.ru/politics/20130116/918399135.html (дата обращения 10.12.2015).

7. Гонтмахер Е.Ш. Новая политика: Как интегрировать Кавказ. 1.11.2013. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/11/01/kak-integrirovat-kavkaz (дата обращения 05.12.2015).

8. Демидова О.А. Моделирование доверия населения к основным социальным и политическим институтам: сравнительный эконометрический анализ // Прикладная эконометрика. 2011. №1(21).

9. Дятловская Е. Голосуй «за» или не ходи. Новые известия. URL: http://www.newizv.ru/politics/2015-10-20/229213-golosuj-za-ili-ne-hodi.html (дата обращения 08.12.2015).

10. Кузнецова С.В. Правовые и символические аспекты легитимации политической власти в России: дис... канд. полит. наук. Саратов: СГУ имени Н.Г. Чернышевского, 2003.

11. Кунекова Р. Избирательная система 2013-2014. URL: http://of-law.ru/stati/izbiratelnaya-sistema-2013-2014.html (дата обращения: 05.12.2015).

12. Кынев А. Не Кавказом единым. Газета.ru. 27.03.2013. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2013/03/27_x_5118061.shtml (дата обращения 05.12.2015).

13. Литвинова Т.Н. Политические институты на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Litvinova_Politicheskie_instituty.pdf (дата обращения 06.12.2015).

14. Мартьянов В.С. «Человек политический»: модели оправдания власти // Человек. 2009. №4.

15. Муцольгов М. По выборам: Открытое обращение Координационного совета неправительственных организаций Республики Ингушетия. Кав-

казский узел. 16.12.2011. URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/342/posts/10092 (дата обращения 20.11.2015).

16. Общественное мнение – 2014. М.: Левада-Центр, 2015. URL: http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2014 (дата обращения 05.12.2015).

17. Общественное мнение о деятельности Госдумы и депутатах. Левада-Центр. 26.11.2013. URL: http://www.levada.ru/26-11-2013/obshchestvennoe-mnenie-o-deyatelnosti-gosdumy-i-deputatakh (дата обращения 05.10.2015).

18. Роль социальных институтов. Левада-Центр. 12.02.2015. URL: http://www.levada.ru/12-02-2015/rol-sotsialnykh-institutov (дата обращения 25.10.2015).

19. Россияне оказались не готовы к отставке Правительства. Левада-Центр. 10.02.2015. URL: http://www.levada.ru/10-02-2015/rossiyane-okazalis-ne-gotovy-k-otstavke-pravitelstva (дата обращения 23.11.2015).

20. Современная эволюция политической системы на Северном Кавказе и перспективы модернизационных процессов. Центр политических технологий. Июнь, 2011. URL: http://www.politcom.ru/tables/otchet_tur.pdf (дата обращения 07.12.2015).

21. Фонд развития гражданского общества. Российская партийная система: текущее состояние и перспективы развития. 02.12.2013. URL: http://civilfund.ru/doklad_rossiyiskaya_partiynaya_sistema_forgo.pdf (дата обращения 12.11.2015).

22. Хайкин С.Р., Попов Н.П. Протестные настроения на Северном Кавказе: общее и особенное (Часть 1) // Мониторинг общественного мнения. 2012. №4(110).

23. Шестопал Е.Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны. 2014. URL: http://www.politstudies.ru/files/File/2014/22/2014-2-Shestopal.pdf (дата обращения 05.12.2015).

References

1. Ashkhamakhova A.A. Sotsial'no-filosofskii analiz mentaliteta: obshchee i osobennoe: dis… dok. filos. nauk. Maikop: Adygeiskii respublikanskii institut gumanitarnykh issledovanii im T.N. Kerasheva, 2006.

2. Bogdan I.V. Vospriyatie politicheskikh tsennostei grazhdanami sovremennoi Rossii (politiko-psikhologicheskii analiz): dis… kand. polit. nauk. M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 2015.

3. Vzaimodeistvie grazhdan i gosudarstva. Levada-Tsentr. 06.04.2015. URL: http://www.levada.ru/06-04-2015/vzaimodeistvie-grazhdan-i-gosudarstva (data obrashcheniya 25.10.2015).

4. V Karachaevo-Cherkesii vybory v parlament naznacheny na 14 sentyabrya. Kavkazskii uzel. 11.06.2014 g. URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/244073/ (data obrashcheniya 09.12.2015).

5. Vlast' v Rossii: po Konstitutsii i po zhizni. VTsIOM. 11.12.2014. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115087 (data obrashcheniya 10.12.2015).

6. Vozvrashchenie poroga yavki na regional'nykh vyborakh real'no - eksperty. RIA Novosti. URL: http://ria.ru/politics/20130116/918399135.html (data obrashcheniya 10.12.2015).

7. Gontmakher E.Sh. Novaya politika: Kak integrirovat' Kavkaz. 1.11.2013. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/11/01/kak-integrirovat-kavkaz (data obrashcheniya 05.12.2015).

8. Demidova O.A. Modelirovanie doveriya naseleniya k osnovnym sotsial'nym i politicheskim institutam: sravnitel'nyi ekonometricheskii analiz // Prikladnaya ekonometrika. 2011. №1(21).

9. Dyatlovskaya E. Golosui «za» ili ne khodi. Novye izvestiya. URL: http://www.newizv.ru/politics/2015-10-20/229213-golosuj-za-ili-ne-hodi.html (data obrashcheniya 08.12.2015).

10. Kuznetsova S.V. Pravovye i simvolicheskie aspekty legitimatsii politicheskoi vlasti v Rossii: dis... kand. polit. nauk. Saratov: SGU imeni N.G. Chernyshevskogo, 2003.

11. Kunekova R. Izbiratel'naya sistema 2013-2014. URL: http://of-law.ru/stati/izbiratelnaya-sistema-2013-2014.html (data obrashcheniya: 05.12.2015).

12. Kynev A. Ne Kavkazom edinym. Gazeta.ru. 27.03.2013. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2013/03/27_x_5118061.shtml (data obrashcheniya 05.12.2015).

13. Litvinova T.N. Politicheskie instituty na Severnom Kavkaze v kontekste razvitiya rossiiskoi gosudarstvennosti. URL:

http://www.isras.ru/files/File/Publication/Litvinova_Politicheskie_instituty.pdf (data obrashcheniya 06.12.2015).

14. Mart'yanov V.S. «Chelovek politicheskii»: modeli opravdaniya vlasti // Chelovek. 2009. №4.

15. Mutsol'gov M. Po vyboram: Otkrytoe obrashchenie Koordinatsionnogo soveta nepravitel'stvennykh organizatsii Respubliki Ingushetiya. Kavkazskii uzel. 16.12.2011. URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/342/posts/10092 (data obrashcheniya 20.11.2015).

16. Obshchestvennoe mnenie – 2014. M.: Levada-Tsentr, 2015. URL: http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2014 (data obrashcheniya 05.12.2015).

17. Obshchestvennoe mnenie o deyatel'nosti Gosdumy i deputatakh. Levada-Tsentr. 26.11.2013. URL: http://www.levada.ru/26-11-2013/obshchestvennoe-mnenie-o-deyatelnosti-gosdumy-i-deputatakh (data obrashcheniya 05.10.2015).

18. Rol' sotsial'nykh institutov. Levada-Tsentr. 12.02.2015. URL: http://www.levada.ru/12-02-2015/rol-sotsialnykh-institutov (data obrashcheniya 25.10.2015).

19. Rossiyane okazalis' ne gotovy k otstavke Pravitel'stva. Levada-Tsentr. 10.02.2015. URL: http://www.levada.ru/10-02-2015/rossiyane-okazalis-ne-gotovy-k-otstavke-pravitelstva (data obrashcheniya 23.11.2015).

20. Sovremennaya evolyutsiya politicheskoi sistemy na Severnom Kavkaze i perspektivy modernizatsionnykh protsessov. Tsentr politicheskikh tekhno-logii. Iyun', 2011. URL: http://www.politcom.ru/tables/otchet_tur.pdf (data obrashcheniya 07.12.2015).

21. Fond razvitiya grazhdanskogo obshchestva. Rossiiskaya partiinaya sistema: tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya. 02.12.2013. URL: http://civilfund.ru/doklad_rossiyiskaya_partiynaya_sistema_forgo.pdf (data obrashcheniya 12.11.2015).

22. Khaikin S.R., Popov N.P. Protestnye nastroeniya na Severnom Kavkaze: obshchee i osobennoe (Chast' 1). Monitoring obshchestvennogo mneniya. 2012. №4(110).

23. Shestopal E.B. Tsennostnye kharakteristiki rossiiskogo politicheskogo protsessa i strategiya razvitiya strany. 2014. URL: http://www.politstudies.ru/files/File/2014/22/2014-2-Shestopal.pdf (data obrashcheniya 05.12.2015).

Е.Г. Морозова,
А.С. Фалина

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ: НА СТЫКЕ ПОЛИТИКИ И АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Аннотация
На стыке политики и администрирования рассмотрена одна из ветвей власти – исполнительная. Проведен сравнительный анализ зарубежных моделей с российской практикой. Акцентировано внимание, что без многопартийности и реальных выборов обходились тоталитарно-автократические режимы XX века. Успешно развивающиеся социально, экономически Великобритания и страны Содружества по настоящее время не озаботились принятием конституции как единого основного закона страны. Доказано, что Россия оказалась в такой политически и экономически сложной ситуации, которая испытывает на прочность всю систему государственного управления. Руководству государства, ставящему перед собой задачу возвращения статуса мировой державы, необходимо переходить на высочайший уровень эффективности и качества. Обосновано, что главным предназначением исполнительной власти является не только максимально полное исполнение принимаемых парламентом законов (с этим нельзя не согласиться), но и компетентное, достойное уважения своих граждан политическое и управленческое лидерство в осуществлении исторических целей России. Успех в глобальном противоборстве, по утверждению высококвалифицированных экспертов, зависит от трех основных факторов: качества человеческих ресурсов; качества институтов; качества государственного управления, воплощением и сердцевиной которого и является исполнительная власть.

Ключевые слова:
Россия, государство, исполнительная власть, политическая власть, политическое управление.

E. Morozova,
A. Falina

EXECUTIVE POWER: ON A JOINT OF POLICY AND ADMINISTRATION

Abstract
On a joint of policy and administration one of branches of the power – executive is considered. The comparative analysis of foreign models with the Russian practice is carried out. The attention is focused that the totalitarian and autocratic modes of the 20th century did without multi-party system and real elections. Great Britain and the Commonwealth countries which are successfully developing socially, economically haven't attended till present to adoption of the constitution as uniform country constitution. It is proved that Russia has appeared in such politically and to economically difficult situation which tests all system of public administration for durability. The leaders of the state setting the task of return of the status of the world power need to move to the highest level of efficiency and quality. It is proved that the main mission of executive power is not only the fullest performance of the laws adopted by parliament (it is necessary to agree with it), but also competent, worthy respect of the citizens political and administrative leadership in implementation of the historical purposes of Russia. The success in a global antagonism, according to highly skilled experts, depends on three major factors: qualities of human resources; qualities of institutes; qualities of public administration which embodiment and a core is executive power.

Key words:
Russia, state, executive power, political power, political management.

Исполнительная власть представляет собой одну из ветвей государственной власти, базовый элемент системы государственного устройства. Не имея парламента, тысячелетиями и столетиями управляли своими государствами императоры Китая и Японии, султаны мусульманских стран, абсолютные монархи Европы и самодержцы России. Без многопартийности и реальных выборов вполне обходились тоталитарно-автократические режимы XX века. А успешно развивающиеся Великобритания и страны Содружества до сих пор не озаботились принятием конституции как единого основного закона страны.

Сегодня Россия оказалась в такой политически и экономически сложной ситуации, которая испытывает на прочность всю систему государственного управления. Стране, ставящей перед собой задачу возвращения статуса мировой державы, необходимо переходить на высочайший уровень эффективности и качества. К сожалению, опросы общественного мнения, осуществляющиеся на протяжении последнего десятилетия, неизменно показывают устойчивость негативных оценок функционирования государственных институтов любого уровня и, прежде всего, исполнительной власти. Как показали результаты исследования «Левада-Центра» [4], проведенные весной 2014 г., только у 12% опрошенных россиян нет претензий к деятельности правительства. На первых местах в рейтинге претензий – рост цен и падение доходов населения (41% опрошенных), отсутствие продуманной программы экономического развития страны (26%), а также коррумпированость и деятельность в своих собственных интересах (25%).

Своим современным пониманием понятие исполнительной власти обязано автору теории разделения властей Ш.-Л. Монтескье, утверждавшему, что «свободе нет места», когда законодательная власть соединена с исполнительной и судебной, когда «одно и то же лицо или одна и та же коллегия … осуществляет три власти совместно: власть издавать законы, исполнять общественные постановления, судить преступления и споры между гражданами» [8, с. 290-291]. Сформулированные Монтескье принципы стали основой современной государственности большинства стран мира. В соответствии с ними ключевой функцией органов исполнительной власти является исполнение законов, принимаемых законодательной властью, осуществление текущей политики государства.

В ключе данного подхода часто формулируются определения исполнительной власти. «Исполнительная власть, – пишет, например, Т.Н. Радько, – самостоятельная ветвь государственной власти, обособившаяся в условиях реализации принципа разделения властей (наряду с законодательной и судебной) власть, главное назначение которой – исполнение принимаемых парламентом законов» [11, с. 11].

На многообразии функций и ресурсов исполнительной власти делает акцент известный отечественный правовед С.А. Авакьян. Согласно его определению, назначение исполнительной власти состоит в том, «чтобы заниматься реализацией законов, исполнять их требования, управлять и обеспечивать повседневное функционирование государственного механизма, экономики и рынка, удовлетворение запросов и нужд населения. Чтобы выполнять свои задачи исполнительная власть использует – на основе законов и утвержденного парламентом государственного бюджета – финансы, материальные объекты (транспорт, связь, иные промышленные предприятия), а также военные и военизированные подразделения» [1].

По сравнению с правоведами, политологи характеризуют исполнительную власть менее развернуто, но тоже вполне утилитарно. Так, в одном из политологических словарей уточняется, что исполнительная власть осуществляется не только центральной государственной властью, но и органами местного самоуправления, а, также отмечается специфика положения исполнительной власти, состоящая в том, что она напрямую встроена в жизнь общества, взаимодействует с его организациями и конкретными гражданами, находится в «шаговой» для них доступности [9].

Как организована исполнительная власть? Кто ею управляет? Современная наука – государствоведение, право, политология – стоит на той позиции, что наиболее укорененным институтом государственного управления является правительство. В строгом понимании правительство – это коллегиальный орган, осуществляющий руководство исполнительной и распорядительной (т.е. управленческой, административной) деятельностью в стране. Хотя правительство – орган коллегиальный, определяющую роль в нем играет премьер-министр. Иногда даже говорят о «диктатуре премьер-министра» в правительстве, подразумевая под этим его право на определение состава правительства, общего вектора правительственной политики.

Роль правительства в системе исполнительной власти понятна. Но всегда ли оно является единственным «держателем» этой власти? И, если нет, то с кем оно эту власть делит? Начнем с монархий. В парламентарных монархиях (Великобритания и др.) в соответствии с законодательством исполнительная власть принадлежит монарху. На деле реальной власти он не имеет и, соответственно, главой исполнительной власти не является. Руководит исполнительной властью в парламентарных монархиях правительство. В дуалистических монархиях (Иордания и др.) власть монарха уже гораздо более реальна. А вот в полуабсолютных монархиях (Саудовская Аравия и др.) именно монарху, а вовсе не правительству, принадлежит вся полнота государственной власти.

В республиках дело обстоит тоже не однозначно. Исполнительная власть в них может принадлежать: президенту (такая республика называется президентской), президенту и правительству (такая республика называется смешанной), только правительству (такая республика называется парламентской). Первым в истории примером президентской республики являются США – страна, по конституции которой президент одновременно является главой государства и главой исполнительной власти [3]. По выражению известного специалиста по проблематике президентских республик Хуана Линца, в чисто президентских республиках президент, избираемый прямым голосованием на определенный срок и обладающий значительными конституционными полномочиями, прежде всего, является главой государства и руководителем исполнительной власти [7]. Вполне очевидно, что подобный статус свидетельствует о широчайшем круге политической и административной ответственности президента, включающей деятельность в ранге главного должностного лица государства и единственного реального главы исполнительной власти.

В парламентской республике исполнительная власть принадлежит только правительству. Хотя президент в такой республике имеет статус главы государства и определенные полномочия, он обязан действовать «по совету» правительства. Все его акты недействительны без контрасигнатуры - дублирующей подписи премьер-министра или уполномоченного министра. В республиках смешанного типа руководство исполнительной властью называется «бицефальным» (Франция и др.). Французские практики распределения исполнительной власти заслуживает особого внимания. И не по причине своей эксклюзивности (исполнительная власть во

многих странах носит дуалистический характер), а в силу пережитого страной опыта организации бицефальной власти, которая сейчас вполне успешно функционирует как в «полупрезидентском», так и в «полупарламентском» режимах [13, с. 90-95].

Опыт Франции поучителен. После окончания Второй мировой войны в стране был установлен новый политический строй - 4-я республика (1946-1958 гг.), являвшая собой режим «абсолютного парламентаризма», всевластия парламента. Главой государства по конституции являлся президент, которого исследователи назвали «конституционным республиканским монархом». Он избирался не гражданами, а парламентом, выполнял лишь представительские функции, был лишен полномочий по назначениям и отставкам, не имел права самостоятельной подписи собственных президентских актов без контрасигнации председателя правительства и одного из его министров. Руководимая председателем правительства исполнительная власть также находилась под неусыпным контролем парламента, что фактически блокировало ее работу. В отсутствие дееспособной исполнительной власти, при безвластном президенте страна была лишена тех рычагов, посредством которых можно было адекватно отреагировать на вызовы экономического спада, социальной нестабильности, длительных колониальных войн и, прежде всего, жесточайшей войны в Алжире.

В 1958 г. 4-я республика уступила место функционирующей по настоящее время 5-й республике, конституция которой значительно укрепила исполнительную власть, упорядочила работу парламента, сохранив при этом парламентскую традицию контроля над правительством. Значительно усилились полномочия президента, которого стали избирать прямым всенародным голосованием, давшим главе государства столь необходимую условиях системного кризиса легитимность для принятия неотложных политических решений.

Далее распределение исполнительной власти между президентом и премьер-министром происходило в рамках двух базовых вариантов: «президенциализма» и «сосуществования» («сожительства»). Сущность «президенциализма» достаточно ясна – все важнейшие политические решения принимаются в Елисейском дворце, т.е. в резиденции президента республики. Нормы действующей французской конституции таковы, что модель президенциализма может работать только при наличии у партии президента большинства голосов в парламенте. Тогда президент сам на-

значает и отправляет в отставку премьер-министра и его правительство и, соответственно, становится единоличным руководителем исполнительной власти. В этом случае политический режим приобретает характер президенциализма. Эта модель была и остается реальным инструментом управления государством при основателе 5-й республики президенте Ш. де Голле, а также президентах Ж. Помпиду, В. Жискар д'Эстене, Ж. Шираке, Н. Саркози, Ф. Олланде [12].

«Сосуществование» как модель разделения исполнительной власти между президентом и премьер-министром возникает в ситуации антагонизма, когда на парламентских выборах побеждает не партия президента, а оппозиция. Такое «сосуществование» имело место при президентах Ф. Миттеране и Ж. Шираке, которым приходилось иметь дело с «чужими» премьер-министрами. В этом случае именно премьер-министр, опираясь на парламентское большинство, получает право самостоятельного принятия решений, пусть и за некоторым исключением. Самые важные решения по вопросам международной политики и национальной безопасности согласовываются с президентом. Решение вопросов архиважных (применение ядерного оружия и контакты на высшем уровне) - прерогатива только и исключительно президента. Однако это не мешает премьер-министру чувствовать себя более свободным, не опасаться отставки, а стране - становиться вплоть до следующих парламентских выборов парламентской республикой [16].

Убедившись, на примере Франции, в значимости бесперебойной работы механизма распределения полномочий между руководителями исполнительной власти для решения сложных проблем государственного управления, следует подчеркнуть необходимость дальнейшего изучения реальных практик функционирования этой власти. Одной из важных граней этого процесса является соотношение управления и политики в процессе реализации исполнительной власти.

Выше уже отмечалось, что определение исполнительной власти как преимущественно занятой выполнением решений власти законодательной, является упрощенным, даже ущербным. Если основное предназначение исполнительной власти усматривается исключительно в исполнении законов, как объяснить, что руководители исполнительной власти многих государств стали не просто исполнителями, а творцами новой политики, кардинальных преобразований в своих странах? Имена этих премьер-

министров, глав правительств принадлежат истории: Д. Неру и И. Ганди в Индии, У. Черчилль и М. Тэтчер в Великобритании, К. Аденауэр и Г. Коль в ФРГ, И. Рабин в Израиле. Современная Россия чтит наследие С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, выдающихся государственных деятелей, державших курс на экономический подъем и политическое развитие страны. Многие заплатили жизнью за реформы, прокладывавшие путь в будущее. Так кем были перечисленные VIP-персоны? Только исполнителями или инициаторами и разработчиками новой политики?

Сформулированный таким образом вопрос обращает нас к проблеме исполнительной власти как силы, реализующей свои возможности не только в пространстве собственно исполнения, но и во все большем масштабе на стыке политики и администрирования. Мировая практика свидетельствует о том, что теория разделения властей носит характер лишь общего принципа. Она никогда не применялась в качестве строго обязательного, неумолимо действующего закона функционирования государственной машины. В той же степени, в какой законодательная власть может выходить в целях своей наиболее полной реализации за пределы законотворчества и законодательства, власть исполнительная может вторгаться в сферу правотворчества, реализации функции контроля, применения санкционных мер и т.д. Это оправдано естественной логикой усложнения общества, большей зрелостью общественного самосознания, повышением образовательного уровня граждан. Уже в XX веке стал очевидным тот факт, что парламенты большинства стран мира не справляются с задачей монопольного законотворчества, не говоря уже об оперативном принятии решений в сложных политических и, тем более, экстремальных военно-политических ситуациях.

В силу своего профессионализма и компетентности, а именно таким было сформулированное М. Вебером [2, с. 658-659] столетие назад требование к претендентам на замещение государственных должностей в системе исполнительной власти, последняя занимает все более сильные позиции в сфере формирования государственной политики. Она широко использует право законодательной инициативы, участвует в парламентском законотворческом процессе, самостоятельно принимает нормативные акты общего характера и т.д.

То, что по традиции именуется «исполнительной властью», сегодня уже называют властью «исполнительно-распорядительной» [15, с. 281-

283; 10, с. 121], а с учетом исторической перспективы даже административно-политической или политико-управленческой. И именно потому, что она не сводится лишь к послушному исполнению политики, определяемой другими акторами. На деле именно исполнительная власть все чаще является генератором и двигателем политических идей, концепций, курса государственной политики, которая впоследствии представляется на одобрение парламентам. Совершенно оправдан тот факт, что в XX-XXI вв. руководители исполнительной власти – президенты, канцлеры, премьер-министры – являлись и являются, если не «де-юре», то «де-факто», первостепенными политическими фигурами, составляли и составляют мировую когорту лидеров.

Не случайным, в контексте сказанного, является мнение известного британского политолога Э. Хейвуда, который последовательно поддерживает идею о встроенности в комплекс органов исполнительной власти не только управления, но и политики. При этом звенья политики и администрации четко отграничены друг от друга. Задачей политического звена исполнительной власти, считает исследователь, «вести общество вперед, осуществлять в нем политическое лидерство. Данный уровень власти можно представить как «командную высоту» государства – самое его ядро. Эта роль распространяется на самые разные области, и членам политического звена исполнительной власти всегда приходится исполнять несколько функций, подчас одновременно» [14, с. 414].

Идея о существовании в недрах исполнительной власти сферы политического подвергается критике ряда авторов, считающих недопустимым вторжение политики в сферу администрирования, узурпацией чужих компетенций и полномочий. Понять критиков можно. В результате вторжения исполнительной власти в пространство разработки политических решений может произойти дублирование функций и размывание ответственности. Однако надо принимать во внимание, что политическая функция выработки политики закреплена только за высшим звеном исполнительной власти - президентом, назначенным или избранным премьер-министром, ключевыми министрами. Располагающиеся ниже в должностной иерархии представители исполнительной власти к политической функции прямого отношения не имеют и выполняют собственно административную работу исполнения принятой государственной политики. В более широком плане политическими функциями могут быть наделены и

профессиональные эксперты, назначаемые в правительство, равно как и в верхний эшелон министерств и ведомств. Они могут не принадлежать к победившей на выборах партии, а просто административно исполняют политику в соответствии с принципами политической нейтральности и лояльности в отношении политического руководства.

Особое место в политическом сегменте исполнительной власти занимают так называемые «политические назначенцы». Это собирательный термин, обозначающий лиц, замещающих высшие должности в государственных структурах на внеконкурсной и не карьерной основе. Речь идет о министрах, руководителях аппарата правительства, администраций регионов, ректорах крупнейших университетов и т.п. Списки должностей, подлежащих подобному замещению, утверждаются правительством. При этом «политические назначенцы» приходят и уходят вместе со своими «патронами». Их основной задачей является всемерная поддержка и точное проведение политического курса действующей власти.

Обращаясь еще раз к зарубежной практике, отметим относительно недавнее появление в ряде западных стран оригинальной структуры, соединившей политическое и административное начала. Речь идет, например, о департаменте в структуре британского правительства, который называется Cabinet office (Секретариат кабинета министров). Целью его деятельности является поддержка премьер-министра и обеспечение эффективной деятельности правительства. В зависимости от положения министра, руководящего данным департаментом, статус последнего может быть как политическим (уходит со сменой правительства), так и административным (остается, несмотря на смену правительства) [17].

Во французской правительственной системе также есть подобные подразделения, причем не одно. Первое является политической структурой и называется Кабинетом премьер-министра со штатом от 50 до 60 высококвалифицированных сотрудников, многие из которых состоят на государственной службе. При смене правительства штат подразделения меняется. Главная задача подразделения – способствовать определению и реализации политики премьер-министра.

Второе подразделение именуется Генеральным секретариатом правительства, имеет в своем составе около 30 компетентных сотрудников и возглавляется Генеральным секретарем правительства. Оно функционирует на постоянной основе. Штат при смене правительства остается в

своем прежнем составе. Цель его деятельности – обеспечение преемственности государственного управления [16].

Еще одним примером того, как в практике реализации функций исполнительной власти сочетаются политическое и административное начала. Это практика обеспечения деятельности премьер-министра Канады. Для достижения этой цели в правительстве созданы две структуры: аппарат премьер-министра, представляющий собой штат его личных и политических помощников, и аппарат Тайного Совета, включающий министров, компетентных государственных служащих, способных оказать премьер-министру поддержку в вопросах политики и оперативного управления. При этом, как отмечает бывший секретарь Тайного Совета Г. Робертсон, аппарат премьер-министра «набирается по партийному принципу, ориентируется на политические задачи, но учитывает практическую необходимость. Аппарат Тайного Совета набирается по непартийному принципу, ориентирован на решение практических вопросов, но при этом учитывает политическую обстановку» [5].

Усиление политического звена исполнительной власти обусловлено сегодня все большей востребованностью той из комплекса ее функций, которая состоит в осуществлении политического лидерства, определении вектора движения в будущее, формировании адекватного ситуации политического курса государства. В настоящее время исполнительная власть не только инициирует и лоббирует законопроекты, подталкивая вперед законотворческий и законодательный процессы. Во многих случаях ей самой принадлежит весьма широкий круг законодательных функций, которые она реализует через декреты, указы, распоряжения, иные правовые документы. Свою важнейшую роль здесь играет госслужба, обладающая громадными информационными и аналитическими возможностями.

В завершение приведем один любопытный факт, имеющий прямое отношение к современной миссии исполнительной власти. Речь идет об интересном совпадении значения термина «исполнительная власть» в русском и западноевропейских языках. Этимологический словарь свидетельствует, что русское прилагательное «исполнительный» является производным от старославянских слов «плънъ», «плънити», значение которых – «полнота», «наполнить», «исполнить», буквально – «сделать что-либо полностью, до конца»).

Западные аналоги понятия «исполнительная власть» (например, французское «l'executif» и английское «the executive») имеют собственную этимологию. Они восходят к латинскому глаголу «exsequor», одно из значений которого точно совпадает со значением старославянского «плънити»: «осуществить», «наполнить», «довести до конца».

Исходя из этого удивительного факта, еще раз подчеркнем, что главным предназначением исполнительной власти является не только максимально полное исполнение принимаемых парламентом законов (с этим нельзя не согласиться), но и компетентное, достойное уважения своих граждан политическое и управленческое лидерство в осуществлении исторических целей России.

Антироссийские санкции будут рано или поздно сняты. А вот тотальная конкуренция от этого никуда не исчезнет. И успех в глобальном противоборстве, по утверждению высококвалифицированных экспертов [6], зависит от трех основных факторов: качества человеческих ресурсов, качества институтов и, главное - качества государственного управления, воплощением и сердцевиной которого и является исполнительная власть.

Литература

1. Авакьян С.А. Энциклопедия юриста. М., 2005.

2. Вебер Макс. Избранные произведения. М., 1990.

3. Джанда К., Берри Д.М., Голдман Д., Хула К.В. Трудным путем демократии. Процесс государственного управления в США. М., 2006.

4. Исследование Левада-Центра: Основные претензии россиян к правительству в 2014 году // Центр гуманитарных технологий. URL: http://gtmarket.ru/news /2014/04/01/6680 (дата обращения 01.04.2014).

5. Канадская школа государственного управления. Обзор: структура государственной власти в Канаде. URL: http://www.myshared.ru/slide/337394/ (дата обращения 01.10.2015).

6. Кудрин А. Государство и общество: Как вернуть доверие // Ведомости. 2014. №3721. 21 нояб.

7. Линц Хуан Дж. Опасности президентства. Антологии. Пределы власти. Президенты и парламенты // Русский журнал. 1997. №2-3.

8. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1995.

9. Политология: словарь. М, 2010.

10. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Государственное управление и исполнительная власть: содержание и соотношение. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.

11. Радько Т.Н. Теория государства и права в схемах и определениях. М., 2011.

12. Рубинский Ю.И. Франция. В поисках новых путей. М., 2007.

13. Смирнова О., Золина Д. Исполнительная власть во Франции и ее роль в формировании внешнеполитического курса страны // Власть. 2011. №3.

14. Хейвуд Э. Политология. М., 2012.

15. Чиркин В.Е. Система государственного и муниципального управления. М., 2015.

16. Fournier Jacques. La pratique du pouvoir exécutif en France sous la cinquième République et son évolution récente. URL: http://jacquesfournier.blog.lemonde.fr/2010/03/30/la-ratique-du-pouvoir-executif-en-france-sous-la-cinquieme-republique-et-son-evolution-recente (дата обращения 10.10.2015).

17. Cabinet Office // GOV.UK. URL: https://www.gov.uk/government/organisations/cabinet-office (дата обращения 10.10.2015).

References

1. Avak'yan S.A. Entsiklopediya yurista. M., 2005.

2. Veber Maks. Izbrannye proizvedeniya. M., 1990.

3. Dzhanda K., Berri D.M., Goldman D., Khula K.V. Trudnym putem demokratii. Protsess gosudarstvennogo upravleniya v SShA. M., 2006.

4. Issledovanie Levada-Tsentra: Osnovnye pretenzii rossiyan k pravitel'stvu v 2014 godu. Tsentr gumanitarnykh tekhnologii. URL: http://gtmarket.ru/news /2014/04/01/6680 (data obrashcheniya 01.04.2014).

5. Kanadskaya shkola gosudarstvennogo upravleniya. Obzor: struktura gosudarstvennoi vlasti v Kanade. URL: http://www.myshared.ru/slide/337394/ (data obrashcheniya 01.10.2015).

6. Kudrin A. Gosudarstvo i obshchestvo: Kak vernut' doverie. Vedomosti. 2014. №3721. 21 noyab.

7. Lints Khuan Dzh. Opasnosti prezidentstva. Antologii. Predely vlasti. Prezidenty i parlamenty. Russkii zhurnal. 1997. №2-3.

8. Montesk'e Sh. O dukhe zakonov. Izbrannye proizvedeniya. M., 1995.

9. Politologiya: slovar'. M, 2010.

10. Popov L.L., Migachev Yu.I., Tikhomirov S.V. Gosudarstvennoe upravlenie i ispolnitel'naya vlast': soderzhanie i sootnoshenie. M.: Norma: INFRA-M, 2011.

11. Rad'ko T.N. Teoriya gosudarstva i prava v skhemakh i opredeleniyakh. M., 2011.

12. Rubinskii Yu.I. Frantsiya. V poiskakh novykh putei. M., 2007.

13. Smirnova O., Zolina D. Ispolnitel'naya vlast' vo Frantsii i ee rol' v formirovanii vneshnepoliticheskogo kursa strany. Vlast'. 2011. №3.

14. Kheivud E. Politologiya. M., 2012.

15. Chirkin V.E. Sistema gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. M., 2015.16. Fournier Jacques. La pratique du pouvoir exécutif en France sous la cinquième République et son évolution récente. URL: http://jacquesfournier.blog.lemonde.fr/2010/03/30/la-ratique-du-pouvoir-executif-en-france-sous-la-cinquieme-republique-et-son-evolution-recente (data obrashcheniya 10.10.2015).

17. Cabinet Office // GOV.UK. URL: https://www.gov.uk/government/organisations/cabinet-office (data obrashcheniya 10.10.2015).

.

Ю.И. Матвеенко

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И АДАПТАЦИЯ

Аннотация
В статье приводится анализ современных политических систем России и Европейского Союза. Отмечено, что политические системы России и стран Европейского Союза демократические по своему характеру. Вместе с тем в них есть и существенные отличия. Как это не раз бывало в истории, отношения между Россией и Европой в современных условиях опять оказались на распутье. Доказано, что основная проблема интеграции между Россией и странами ЕС в настоящее время заключается в преодолении недоверия сторон. Для этого необходимы надежные гарантии выполнения достигнутых договоренностей на различных уровнях взаимодействия. Акцентировано внимание, что практическая сложность заключается в нахождение компромисса по созданию эффективных форм интеграции и гарантий сохранения контроля за деятельностью каждой стороны. Автор предлагает пути интеграции политических систем России и Европейского Союза.

Ключевые слова:
политическая система, «единое европейское пространство», консолидация, геополитический блок.

Yu. Matveenko

COMPARATIVE ANALYSIS OF POLITICAL SYSTEMS OF RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION: EFFICIENCY AND ADAPTATION

Abstract
The analysis of modern political systems of Russia and the European Union is provided in article. It is noted that political systems of Russia and the countries of the European Union democratic in character. At the same time in them there are also essential differences. As it happened in the history more than once, the relations between Russia and Europe in modern conditions again appeared at the crossroads. It is proved that the main problem of integration between Russia and EU countries consists in overcoming of mistrust of the parties now. Reliable guarantees of implementation of the reached agreements at various levels of interaction are for this purpose necessary. The attention is focused that practical complexity consists in finding of a compromise on creation of effective forms of integration and guarantees of preservation of control of activity of each party. The author offers ways of integration of political systems of Russia and the European Union.

Key words:
political system, "uniform European space", consolidation, geopolitical block.

Известно, что теория политической системы разработана западными, в основном американскими политологами. Среди исследователей политических систем можно выделить Г.В. Агеева [1, с. 41-51], В.И. Буренко [3], Б.Г. Златанова [4, с. 293-294; 5, с. 297-298], О.Ф. Шаброва [9]. С этими разработками мы, в России, идем в аудиторию к студентам и в рамках срав-

нительной политологии считаем, что именно Американская и Западно-Европейская политические системы образцовы, они ведут государства к развитию и прогрессу. Так было до того момента, пока Россия не стала заявлять о своем особом мнении и в этом вопросе. А сегодня уже и не факт, что эти политические системы достойны подражания.

Политические системы Росси и стран Европейского Союза демократические по своему характеру [6, с. 70-77]. С формальной точки зрения, по своей структуре они полностью соответствуют демократии.

Вместе с тем мы хорошо помним вопросы, которые в свое время задал еще Платон: Кто должен господствовать? Или, другими словами, чья воля может и должна доминировать в обществе? На этот вопрос существует множество разных ответов. Один из таких ответов мы получили, например, от президента США Б. Обамы на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН некоторое время назад. Конечно же, исключительная нация - это США, ее воля может и должна доминировать в мировом сообществе. Ответ президента В. Путина другой – в современном мире никто не обладает исключительным правом на господство [8]. Европейские страны свой ответ на этот вопрос дают в русле американской позиции. Особенно в этом плане отличаются отдельные страны Центральной и Восточной Европы, сравнительно недавно ставшие полноправными членами объединенной Европы. Все они свои политические системы привели в соответствие с требованиями ЕС.

Как это не раз бывало в истории, отношения между Россией и Европой опять оказались на распутье. Идеи «единого европейского пространства», которые на протяжении полувека вдохновляли европейских интеллектуалов и политиков, на наших глазах теряют свою привлекательность и былых сторонников. В России, где традиции «общеевропейского » мышления всегда были сильны, также наблюдается тотальное разочарование и растущий пессимизм, которые было трудно представить всего несколько лет назад.

Казалось, что почти четверть века мы уверенно шли в правильном направлении: развивали торгово-экономическое сотрудничество и гуманитарные связи, проводили межгосударственные саммиты и экспертные обсуждения, подписывали многосторонние соглашения, создавали механизмы обеспечения общеевропейской безопасности, договаривались о единых пространствах и рисовали «дорожные карты». Но жизнь показала, что этих усилий оказалось недостаточно.

Политические, экономические и психологические барьеры, разъединяющие Россию и Европу, преодолеть так и не удалось. Политики, ученые и эксперты еще долго будут спорить о том, почему все же не состоялся «общеевропейский» проект, и на кого переложить за это ответственность. Но в самый ответственный момент и Европа, и Россия оказались неготовыми согласованно начать сложный процесс принятия решений по практической реализации ими же взятых на себя политических обязательств.

Истоки нынешнего кризиса нужно искать в принципиальном расхождении представлений о том, как должна была строиться эта «Большая Европа», какими должны были стать политические системы этих государств. На протяжении долгого времени и на Западе, и на Востоке эти расхождения пытались смягчить, преуменьшить или вообще игнорировать. Но именно они, в итоге, привели к нынешнему тупику.

Для ЕС строительство Европы от Лиссабона до Владивостока предполагало, главным образом, линейное расширение существующих западных институтов на Восток. Поэтому на переговорах с Россией представители Евросоюза стремились не столько найти разумный компромисс с учетом новых реалий, складывающихся в мире, сколько навязать европейские «правила игры». Та легкость, с которой к Евросоюзу присоединились ряд стран Центральной и Восточной Европы, породила иллюзии о полном превосходстве европейских институтов, которые безоговорочно должны быть приняты и Россией тоже.

Россия, в свою очередь, рассматривала формирование «неразделенной Европы» как результат равноправных переговоров с ЕС на основе учета взаимных интересов. Не только Россия должна была «притираться» к Европе, реформируя свою политическую систему, идя на трудные и часто непопулярные реформы, меняя устоявшиеся стандарты и привычный уклад жизни. Но, наверное, и Европа должна была предпринимать встречные шаги, учитывая особый статус России как одной из супердержав. Именно во встречном движении и взаимном обогащении виделся главный смысл движения к «неразделенной Европе»

Два столь различных подхода, разумеется, не могли не порождать сложности, а нередко и блокировать даже самые перспективные направления российско-европейского сотрудничества. Пожалуй, самый яркий пример - многолетние и, к сожалению, по большей части бесплодные попытки России и Европейского Союза договориться по энергетическим, экологическим и

ряду другим вопросам. Взаимность интересов сторон в этих сферах более чем очевидна, опыт сотрудничества накоплен значительный, в переговорных площадках никогда не было недостатка. И, тем не менее, выйти на уровень стабильного, предсказуемого сотрудничества так и не удалось.

Последние события на Украине и вокруг нее лишь подтвердили глубину кризиса в отношениях между Россией и Европой. Будь эти отношения по-настоящему партнерскими, у сторон нашлось бы достаточно средств, чтобы не допустить украинской драмы.

Означает ли все это, что равноправное общеевропейское сотрудничество не достижимо и наши политические системы столь различны, что этот проект надо окончательно списать в архив? Разумеется, нет. Надежды на грядущее европейское единство имеют право на жизнь. Но с учетом существующего кризиса в отношениях между Россией и Европой, наши политические системы пока еще далеки от совместимости. И в этом нет никакой трагедии. Тот же президент Обама на юбилейной сессии Генеральной Ассамблее ООН высказал убежденность в том, что государства имеют право на свою демократию. Однако эти верные слова никак не влияют на соблазн у США экспортировать свою демократию, свою политическую систему в другие общества, в другие государства. «Стихийные революции», инспирированные США в Северной Африке, были в значительной степени фальшивыми, они всего-навсего стал частью разработанной по ту сторону Атлантики стратегии по установлению власти «Братьев-мусульман» по всему Ближнему Востоку. Также никто не может отрицать, что успешными эти «революции» стали лишь в тех странах, где правящая власть не нравилась Вашингтону. Ни в одной из стран союзников США на Ближнем Востоке - в частности, в Саудовской Аравии и Катаре – ничего подобного не наблюдалось.

И что теперь – четыре года спустя? К чему привели эти революции? Ни к чему положительному, если уж совсем начистоту. Если и раньше в этих странах жизнь была далека от идиллии, то теперь все стало намного хуже: царит полная дезорганизация, налицо разрушения и разрозненность. Революции подорвали безопасность (гражданская война, терроризм), развязали руки преступности (убийства, похищения, контрабанда оружия), привели к экономическому краху (остановка производства, уход иностранных предприятий, разрушению инфраструктуры), массовому исходу населения (отъезд иностранных рабочих, беженцы, миграция в Европу), выдворению религиозных меньшинств (в основном христиан) и разрушению памятников все-

мирного наследия. В итоге появление псевдодемократических движений, которые так активно поддерживал Запад (а точнее – манипулировал), оказались катастрофическими для стран, их населения и самих идеалов демократии. Также очевидно, что уроков из этого явно никто не извлек, поскольку аналогичная динамика, похоже, все так же прослеживается. К примеру, в последние месяцы наблюдается рост критики в отношении государств, которые проявляют недовольство в отношении проводимой Западом политики (Венгрия, Чехия). А раз они не угодили Вашингтону, то нельзя исключать, что и там в скором времени может случиться «народная революция».

В этой ситуации сегодня можно предположить, что либо Европа изменит свое отношение к США и будет проводить более самостоятельную политику, и в отношении к России в том числе - проявить готовность к равноправному диалогу, взаимным уступкам, а возможно и к серьезным внутренним реформам во имя общеевропейского единства, некой общей наднациональной политической системы, либо Россия должна дать ход назад и принять современные европейские «правила игры». Однако, ни то, ни другое сегодня просто невозможно.

Значительно более вероятным выглядит сценарий ускоренной консолидации двух геополитических блоков - Евро-Атлантики и Евразии. На это указывают многие эксперты. Этот процесс уже приобретает реальные очертания. С одной стороны, активно укрепляются механизмы и институты трансатлантического партнерства при лидирующей роли США. С другой стороны, набирает обороты строительство новых многосторонних институтов в евразийском пространстве. Из восточного форпоста Объединенной Европы Россия превращается в западный форпост Евразии.

При анализе политических систем России и Европейского Союза мы видим много общего. И общей основой для всех, конечно же, является демократия. Однако имеющиеся противоречия в подходах и реальные шаги по интеграции и развитию этих систем в ближайшем будущем будут сопровождаться издержками для всех сторон, но такова плата за упущенный исторический шанс. Но при всем при этом, политические системы Росси и Европейского Союза, не противостоят друг другу, а скорее пусть небольшими, но реальными шагами идут по пути своей интеграции.

Европейский Союз, безусловно, более институционально структурирован, чем любая международная организация, однако его нельзя рассматривать как государство, тем более как государство классического вестфаль-

ского типа. Однако ряд критериев позволяет говорить о ЕС как о политической системе. Во-первых, ЕС имеет сложившуюся и развитую систему институтов. Во-вторых, процесс интеграции в целом ряде областей предполагает делегирование компетенций с национального уровня на уровень наднациональный. Таким образом, распределительной и регулирующей инстанцией становятся органы ЕС, а не государства-члена. В-третьих, ЕС оказывает серьезное влияние на социально- экономическое и политическое развитие своих членов: сфера компетенции ЕС постоянно расширяется. Правовые нормы ЕС имеют прямое действие, т.е. они не требуют инкорпорации в национальное законодательство. Членство в ЕС оказывает самое серьезное влияние на национальную экономику. В-четвертых, между социально-экономическими и политическими процессами в ЕС и его институциональной системой существуют устойчивые обратные связи. Так, наиболее существенные изменения вносятся посредством дополнений в учредительные договоры или механизма Межправительственной конференции. Тактические адаптации осуществляются Европейским Советом, а также через плотную систему консультаций и согласований в (и «вокруг») Комиссии ЕС. Фактически есть лишь один критерий, отсутствие которого, казалось бы, не позволяет считать ЕС политической системой: инструменты принуждения, прежде всего силовые органы, остаются на национальном уровне. Недаром ЕС называют «civilian power» (гражданской силой), которая действует через экономические механизмы и институты. И этим она отличается от «soft power» (мягкой силы), которую активно проводят США [7]. Однако сейчас исследователи не считают силовое принуждение и государственный аппарат, безусловно, необходимыми условиями наличия политической системы. Государство как форма политической организации возникло в определенном географическом, культурном, политическом, социально-экономическом контексте и, видимо, является не единственной формой территориальной организации общества. Евросоюз можно рассматривать как новый тип общественного устройства, который в будущем (возможно) будет рассматриваться не как нечто исключительное, но как «нормальная» форма организации общества [2].

Основная проблема интеграции между Россией и странами ЕС в настоящее время заключается в преодолении недоверия сторон. Для этого необходимы надежные гарантии выполнения достигнутых договоренностей. Если договоренности выполняются, то с течением времени доверие сторон возрастает. Практическая сложность заключается в том, что необходимо од-

новременно выработать компромисс по созданию довольно эффективных форм интеграции и гарантий сохранения контроля за деятельностью каждой стороны. Возможно консолидация двух геополитических блоков - Евро-Атлантики и Евразии даст возможность решить и эту важную проблему. В СМИ в начале ноября 2015 г. появилась информация о том, что США направили письмо в адрес российской стороны, в котором высказана заинтересованность в возможном взаимодействии двух геополитических блоков.

Литература

1. Агеев Г.В., Крючков В.А., Сковиков А.К. Политическая система общества как объект системного анализа: теоретический аспект // Youth World Politic. 2014. №2.

2. Бусыгина В., Филиппов М. Политическая система Европейского Союза: какие изменения вносит Европейский договор? // Аналитические записки. 2009. Вып. 2(42).

3. Буренко В.И. Россия: от властвования – к политической системе // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. №3(171).

4. Златанов Б.Г. Модернизация в политической системе // Евразийский юридический журнал. 2015. №9(88).

5. Златанов Б.Г. Особенности политической модернизации в современных условиях // Евразийский юридический журнал. 2015. №11(90).

6. Златанов Б.Г. Особенности политической модернизации на постсоциалистическом пространстве // Знание. Понимание. Умение. 2015. №1.

7. Матвеенко Ю.И., Галаева М.Г. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики // PolitBook. 2015. №1(2).

8. Путин В.В. Выступление на Генассамблее ООН // Первый канал. URL: http://www.1tv.ru/news/polit/293099 (дата обращения 29.09.2015).

9. Шабров О.Ф. Политическая система: демократия и управление обществом // Государство и право. 2004. №5.

10. Shumilov A.V. Manipulation of results of elections in «young democrats» // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. 2013. Т. 18. №2-3(18).

References

1. Ageev G.V., Kryuchkov V.A., Skovikov A.K. Politicheskaya sistema obshchestva kak ob"ekt sistemnogo analiza: teoreticheskii aspekt. Youth World Politic. 2014. №2.

2. Busygina B., Filippov M. Politicheskaya sistema Evropeiskogo Soyuza: kakie izmeneniya vnosit Evropeiskii dogovor? Analiticheskie zapis-ki. 2009. Vyp. 2(42).

3. Burenko V.I. Rossiya: ot vlastvovaniya – k politicheskoi sisteme. Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2015. №3(171).

4. Zlatanov B.G. Modernizatsiya v politicheskoi sisteme. Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2015. №9(88).

5. Zlatanov B.G. Osobennosti politicheskoi modernizatsii v sovremennykh usloviyakh. Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2015. №11(90).

6. Zlatanov B.G. Osobennosti politicheskoi modernizatsii na postsotsialisticheskom prostranstve. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2015. №1.

7. Matveenko Yu.I., Galaeva M.G. «Myagkaya sila» kak faktor sovremennoi geopolitiki. PolitBook. 2015. №1(2).

8. Putin V.V. Vystuplenie na Genassamblee OON. Pervyi kanal. URL: http://www.1tv.ru/news/polit/293099 (data obrashcheniya 29.09.2015).

9. Shabrov O.F. Politicheskaya sistema: demokratiya i upravlenie obshchestvom. Gosudarstvo i pravo. 2004. №5.

10. Shumilov A.V. Manipulation of results of elections in «young democrats» // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. 2013. Т. 18. №2-3(18).

Ю.А. Головин,
Е.Ю. Дан-Чин-Ю,
И.Ю. Киселев

ТЕХНОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В РАМКАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация
Взаимодействие органов власти и общества – важное условие функционирования любого государства. В современной России формируется механизм такого взаимодействия. Организационной основой механизма взаимодействия власти и граждан стали общественные палаты федерального, регионального и муниципального уровней, некоммерческие общественные организации. Динамика политического процесса и политических отношений в Ярославской области – предмет исследований ярославских ученых – политологов. Доказано, что уровень доверия к власти, особенно на региональном и муниципальном уровне находится на низком уровне, но и роль общественных организаций в развитии гражданской активности граждан и взаимодействии с органами власти должна быть больше.

Ключевые слова:
гражданская активность, конфликт, сотрудничество, общественная палата, некоммерческие организации, Ярославская область, Россия.

Yu. Golovin,
Ue. Dan-Chin-Ue,
I. Kiselev

TECHNOLOGIES OF ENHANCING CIVIL PARTICIPATION THROUGH INTERACTION OF THE REGIONAL AUTHORITIES AND PUBLIC ORGANISATIONS

Abstract
interaction of authorities and public society is vital for any state. Such interaction mechanism is being shaped in Russia now. The institutional basis of interaction of the authorities and civil society is represented by the civic chambers on a federal, regional and municipal levels as well as by non-governmental public organisations. The political process dynamics in the Yaroslavl Oblast is heavily studied by the politologists in Yaroslavl. It is proved that trust level to the power, especially at the regional and municipal level is at a low level, but also the role of public organizations in development of civil activity of citizens and interaction with authorities has to be more.

Key words:
civil participation, conflict, co-operation.

В современной России становится всё более актуальным развитие гражданской активности, взаимодействия и взаимопонимания власти и об-

щества. В условиях негативных явлений в социально-экономической сфере, сложной внешнеполитической обстановки, обострения внутриполитических противоречий требуется создание эффективного механизма взаимодействия органов государственной и муниципальной власти и общественных организаций [4]. Не секрет, что некоторые некоммерческие организации, созданные в 90-х годах прошлого века при финансовой поддержке зарубежных фондов, занимали деструктивную позицию по отношению к органам государственной власти. События, происходящие в настоящее время на Украине показывают, к каким негативным последствиям приводит такая позиция. Среди исследователей современных проблем политической власти, модернизации и управления необходимо выделить – В.И. Буренко [1, с. 16-20], Б.Г. Златанова [5, с. 297-298.], Л.Г. Титову [9], О.Ф. Шаброва [10, с. 116-118]. Работы вышеуказанных исследователей позволяют нам сделать более объективный прогноз политическому развитию рассматриваемому субъекту Российской Федерации.

Большие надежды по совершенствованию механизма взаимодействия власти и общества возлагаются на общественные палаты, которые созданы на федеральном, региональном и даже муниципальном уровнях. На примере общественных палат Ярославской области, а в состав общественных палат Ярославской области и города Ярославля входят преподаватели нашей кафедры – социально-политических теорий Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, можно сказать, что с этой задачей они справляются. Сам институт общественных палат, не без оснований, критикуют за способы его формирования, недостаточные ресурсы по влиянию на принимаемые органами власти управленческие решения. Тем не менее, общественные палаты становятся основой механизма разрешения конфликтов между органами власти и общественными организациями и повышения гражданской активности [7, с. 2668-2672].

Летом 2015 г. в Ярославле прошел уже XIII Гражданский форум Ярославской области. Ежегодные Гражданские форумы стали уникальной диалоговой площадкой для органов власти и общественности. Проведению форума предшествует большая научно-исследовательская работа по выявлению тенденций общественно-политической обстановки в регионе.

Департаментом общественных связей в период с 1 по 21 октября 2014 г. проведено социологическое исследование: генеральная совокупность – жители Ярославской области старше 18 лет. Общее количество

респондентов – 1200 человек. Метод сбора эмпирической информации – личное интервью по месту жительства респондентов. Выборочная совокупность репрезентативна для области в целом. Уровень достоверности данных составляет в целом по области 95%, статистическая погрешность находится в рамках диапазона ±3,1%; по городу Ярославлю – 95% и ±4,8%. Опрос проводился в г. Ярославле, Рыбинске, Переславле-Залесском, Тутаеве, Угличе и сельских населенных пунктах [6].

Согласно данным проведенного опроса, подавляющее большинство жителей Ярославской области с различной степенью регулярности следят за событиями в регионе, в том числе за деятельностью Губернатора и Правительства Ярославской области (85,2%). Однако, лишь 9,8% регулярно знакомятся с новостной информацией о деятельности региональных органов власти и ее отдельных представителей.

По оценкам 56,3% опрошенных, информации о работе органов власти Ярославской области в средствах массовой информации вполне достаточно, и получить ее можно без каких-либо затруднений. Не согласны с этим утверждением 27,4% опрошенных; а каждый десятый респондент (8,5%) убежден, что информации о работе региональных органов власти в СМИ нет вовсе.

В целом, доступность органов власти Ярославской области для простых граждан, по данным опроса, невысока: 38,3% респондентов считают, что органы региональной власти доступны для простых людей, в то время как 47,9% придерживаются противоположной точки зрения – органы власти недоступны для граждан. При этом, 46,5% убеждены, что органы власти проводят недостаточную работу по прямому общению с жителями региона (встречи, собрания, заседания, круглые столы и пр.).

Учитывая мнение жителей Ярославской области о доступности органов власти региона, а также общественную оценку работы органов власти по прямому общению с жителями региона, становится вполне объяснимо распределение ответов респондентов на вопрос анкеты о наличии/отсутствии возможности у граждан оказывать влияние на решения органов власти: лишь 12% уверены, что такие возможности существуют и они эффективны; 37,1% заявляют о наличии таких возможностей и их неэффективности; 29,0% уверены, что у них нет возможности влиять на решения региональных органов власти. Еще 21,9% затруднились ответить на соответствующий вопрос.

В целом, как показал опрос, удовлетворены возможностями участия в решении задач региона и принятии решений органами исполнительной власти в области 42,1% жителей ярославского региона.

Система «Народного правительства» – это одна из форм гражданского участия в жизни своего региона и государства. Согласно опросу, о ней знают либо что-то слышали 39,8% жителей Ярославской области. Учитывая тот факт, что она начала работать лишь в 2013 году, можно без преувеличения говорить о высокой осведомленности населения о системе «Народного правительства» Ярославской области.

Рассуждая о том, что такое «Народное правительство» мнения жителей области разделились. Однако, относительное большинство жителей области «правильно» понимают причину создания и функции системы «Народного правительства»: 33% респондентов полагают, что это один из способов участия граждан в обсуждении и принятии решений органов власти и взаимодействия с органами власти, еще 11% заявили что «Народное правительство» - это альтернативное правительство из простых граждан.

Не тем, что такое «Народное правительство» и для чего оно было создано 38,7%.

Большинство положительно относятся к созданию системы «Народного правительства» - 70,2%. Однако хотели бы принять участие в его работе лишь 6,2% жителей области. Негативно к созданию системы «Народного правительства» отнеслись 18% жителей области. По их мнению, это пустая трата времени и способ отвлечь людей от действительно важных вопросов.

По мнению участников опроса, деятельность «Народного правительства» прежде всего, должна быть направлена на решение наиболее актуальных проблем населения, защиту прав и свобод граждан при реализации государственной политики, осуществление контроля за деятельностью региональных органов власти.

В январе 2015 года среди сотрудников органов власти и управления Ярославской области НКО «Центр социального партнерства» был проведен опрос, направленный на анализ деятельности гражданского общества, некоммерческих организаций и общественных объединений в регионе. К участию в опросе были привлечены представители 14-ти региональных органов государственной власти и структурных подразделений

Правительства Ярославской области, а так же сотрудники администраций 15-ти муниципальных образований [6, с. 51-58]. Всего в опросе приняли участие 66 экспертов – сотрудников региональных органов власти и местного самоуправления.

По мнению проинтервьюированных экспертов – представителей органов власти регионального и местного уровня, гражданское общество в Ярославской области сегодня характеризуется с одной стороны инертностью (20,0%), с другой стороны ростом активности (24,0%). Рост активности в гражданском обществе представители региональных и местных органов власти, очевидно, связывают с созданием механизмов взаимодействия власти и общества (диалоговые площадки, общественные советы, общественный контроль и т.п.), на что в ходе опроса указали 12,0% экспертов и активной работой общественных организаций – 4,0%. Значительная часть представителей органов власти указывают на несформированность гражданского общества в Ярославской области (16,0%), на наличие в нем разобщенности (8,0%), а так же – боязливости граждан (8,0%) и равнодушия (6,0%). Интересно, что если представители региональных органов власти чаще говорили о несформированности гражданского общества в Ярославской области, то эксперты, работающие в местных органах власти – об инертности общества.

Среди наиболее эффективных форм взаимодействия власти и общественных организаций (НКО) эксперты выделяли такие как Общественная палата (со средним баллом 3,8 по пятибалльной шкале), институт обращения граждан (3,6), система распределения грантов и субсидий (3,5), общественные советы при органах исполнительной власти (3,4). Менее продуктивными, но все же получившими положительную оценку оказались: институт публичных слушаний (3,1) и социальный заказ (3,0). Самую низкую оценку экспертов по итогам 2014 года получила такая форма взаимодействия, как экологическая экспертиза (средний балл по 5-ти балльной шкале составил - 2,4). Год назад наименьшая оценка была выставлена - общественной экспертизе законодательства (2,4 балла по итогам 2013 года по 5-ти бальной шкале).

Деятельность общественных организаций и НКО приносит пользу органам региональной и местной власти – в этом уверены 95,5% экспертов. По их мнению, польза заключается, прежде всего, в информировании граждан (25,0%), помощи в решении проблем местного значения

(20,5%) и участии организации и проведении различных мероприятий и проектов (20,5%).

Рассуждая об Общественной палате Ярославской области и ее деятельности, большинство экспертов (75,8%) заявили, что, по их личному убеждению, для региональной Общественной палаты приоритетными являются интересы населения; а, по мнению 37,9% участников опроса, для неё первостепенны интересы власти. Интересно, что те, кто сталкивались с деятельностью Общественных палат (местных и региональной), чаще говорят о приоритетности в её деятельности интересов власти (43,8%, что 6 п.п. выше среднего показателя).

В целом работу Общественной палаты Ярославской области второго созыва эксперты оценили на 5,6 баллов по 10-ти бальной школе. Следует обратить внимание, что оценки экспертов, взаимодействующих с Общественной палатой в течение периода её работы, были более позитивны, чем тех, кто с ней не взаимодействовал (6,3 баллов и 5,2 балла соответственно).

Интересные результаты показал опрос о состоянии гражданской активности, проведенный в 29-30 января 2015 года среди жителей Ярославской области в возрасте 18 лет и старше. Опрос проводился методом (телефонного интервью) по мету жительства респондентов по заранее разработанной анкете [6, с. 7-21]. В опросе приняли участие 615 человек - представители различных социально-демографических групп проживающие в различных населенных пунктах Ярославской области:

Выборка репрезентативна для области в целом. Уровень достоверности данных составляет в целом по области 95%, статистическая погрешность находится в рамках диапазона 5,0%.

Анализируя оценки респондентов в отношении текущего уровня развития гражданской активности в их населенном пункте, можно увидеть, что они достаточно сдержаны. Только каждый четвёртый участник опроса (22,5%) охарактеризовал его как «высокий» (4,6%) либо «скорее высокий» (17,9%). Чаще остальных такого мнения придерживались жители малых городов и сельских населенных пунктов. Остальные респонденты, не считая тех, кто затруднился ответить на соответствующий вопрос (17,9%), оценивают уровень общественной активности в населенном пункте своего проживания как «скорее низкий» (34,5%) и «безусловно низкий» (25,2%).

Анализ результатов двух социологических замеров, сделанных в декабре 2013 года и конце января 2015 года, на первый взгляд говорит о заметном снижении гражданской активности в муниципальных образованиях Ярославской области. Если в декабре 2013 года 30,8% респондентов заявили о высоком/среднем уровне гражданской активности, то в январе 2015 таких набралось 22,5% (минус 8,3 п.п.). Однако, при проведении сравнительного анализа результатов указанных замеров нужно учитывать исключительность 2013 года для Ярославской области с точки зрения таких общественно-политических событий – арест мэра г. Ярославля, главы г. Рыбинска. Указанные события и сопутствующие им мероприятия активно и всестороннее освещались в региональных и местных средствах массовой информации. Можно предположить, что оценочные характеристики уровня гражданской активности, выставленные респондентами в 2013 году, во многом стали следствием эмоционального восприятия гражданами указанных эпизодов [2, с. 73-82].

Согласно полученным данным, без учета института выборов, самыми распространенными и широко представленными в Ярославской области формами гражданской активности, на сегодняшний день, являются: письма и сбор подписей под обращениями (61,1%), митинги и публичные акции (53,2%), благотворительные акции (49,3%).

Широкая распространенность, встречаемость отдельных форм общественной активности в населенных пунктах Ярославской области не говорит о высоком уровне вовлеченности в них граждан и их массовости. Так, сообщи о том, что принимали участие в митингах лишь 13,7% респондентов и это несмотря на имеющиеся возможности и осведомленность населения о их проведении (коэффициент соотношения показателей «представлены» и «учувствовал» ранен 0,25). Данный факт позволяет говорить о непопулярности среди населения региона данного механизма решения наиболее злободневных вопросов жизни общества.

Результаты говорят о том, что сегодня среди жителей Ярославской области самые популярные формы участия в жизни общества (без учета института выборов) – сбор подписей под обращениями в органы власти (социальные организации) (23,3%) и благотворительные акции (22,1%). Однако, и эти цифры в два-три раза меньше потенциальных, учитывая распространенность (представительность) данных форм гражданской активности на территории Ярославской области.

Каждый десятый житель Ярославской области (11,9%) используют в осуществлении своей общественной деятельности и отстаивании своей гражданской позиции (сбор подписей) сеть Интернет и это притом, что имеют такую возможность и знают о ней 29,6% жителей области. Данная форма общественной активности имеет одно из лучших соотношений показателей «представлены» и «участвовал» (0,4), больше лишь у «благотворительных акций» (0,44). Очевидно, это связано с тем, что граждане могут принять участие в сборе подписей, данном случае, не выходя из своего дома и даже не вставая с «кресла».

Если говорить о деятельности некоммерческих организаций, представленных в населенных пунктах Ярославской области, то здесь можно отметить важность актуализации информации об их деятельности и дальнейшего увеличения числа НКО и числа их отделений (филиалов) в городах, поселках, селах региона [8, с. 155-170]. Это позволит увеличить число их участников в два-три раза. Данный вывод опирается на закономерность, наблюдаемую в соотношении показателей «представительность» и «участие» других форм гражданской активности. На начало 2015 года заявляют о наличии в их населенном пункте некоммерческой организации (её отделения/филиала) 20,5% респондентов. Сообщают о личном участии в деятельности некоммерческой организации лишь 3,6%.

Согласно результатам исследования, 45,9% жителей Ярославской области в той или иной мере сталкивались с ситуациями, когда возникала необходимость защищать свои законные права перед местными или региональными органами власти. Из них: лично оказались в такой ситуации – 31,4%, в такое положение попали знакомые – 10,1%, еще 4,4% просто слышали о таких случаях в целом [3, с. 122-128].

Если говорить о личном опыте столкновения с нарушениями прав и интересов граждан, то здесь чаще, чем остальным свои законные права приходится защищать ярославцам (36,6%) и жителям сельских населенных пунктов (31,9%).

В Ярославской области ситуации с нарушением прав граждан, как правило, возникают в трех сферах: жилищно-коммунального хозяйства (60,9%), трудовых прав (25,3%) и здравоохранения (24,5%). Особенно часто, согласно результатам опроса, законные права граждан в сфере ЖКХ нарушаются в малых городах (70,0%), в сфере трудовых прав боль-

ше всего нарушений фиксируется в г. Рыбинске (31,6%), в сфере здравоохранения – в крупных и малых городах региона (28,0%).

Две трети тех, кто в той или иной мере сталкивался с ситуациями, когда возникала необходимость защищать свои законные права перед местными или региональными органами власти, сообщили, что им или их знакомым удалось полностью либо частично отстоять свои законные права (69,7%).

Никогда не слышали о ситуациях, когда гражданам нужно было защищать свои законные права перед местными или региональными органами власти 41,0% респондентов.

О деятельности Общественных палат (Российской Федерации, Ярославской области, муниципального образования области) знают лишь 22,1% жителей Ярославской области. Причем осведомленность населения ограничивается лишь двумя общественными институтами федеральной Общественной палатой и региональной (43,2% и 39,2% соответственно). В ходе исследования многие участники опроса путали Общественную палату с различными органами власти, их подразделениями и структурами (например: счетной палатой).

Большинство жителей региона не знают, чьи интересы, прежде всего, являются приоритетными для Общественной палаты Ярославской области. На соответствующий вопрос ответ «населения» дали только 27,2% респондентов.

По мнению относительного большинства участников опроса, основными мотивами работы членов Общественной палаты Ярославской области являются их меркантильные интересы: возможность получения финансирования (24,1%), статус (23,6%), возможность лоббирование интересов своей организации (12,8%). Каждый третий полагает, что членов Общественной палаты Ярославской области мотивация вообще отсутствует.

Таким образом, уровень доверия к власти, особенно на региональном и муниципальном уровне находится на низком уровне, но и роль общественных организаций в развитии гражданской активности граждан и взаимодействии с органами власти должна быть больше.

Литература

1. Буренко В.И. Мимикрия как политическая технология в условиях демодернизации // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. №16.

2. Головин Ю.А. Политические технологии в избирательных кампаниях 2011-2012 годах // Конфликтология. 2012. №3.

3. Дан-Чин-Ю Е.Ю. Участие населения в местном самоуправлении: формы и модели взаимодействия // Социология власти. 2011. №1.

4. Златанов Б.Г. Модернизация в политической системе // Евразийский юридический журнал. 2015. № 9 (88).

5. Златанов Б.Г. Особенности политической модернизации в современных условиях // Евразийский юридический журнал. 2015. №11(90).

6. Моисеев А.Н., Шумилов А.В. Эффективность и инновации молодежной политики в современной России: противоречия теории и практики измерения // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1-1.

7. О состоянии гражданского общества в Ярославской области за 2014 год: доклад Общественной палаты Ярославской области. Ярославль, 2015.

8. Сковиков А.К. Власть и гражданское общество: диалог взаимодействия // Фундаментальные исследования. 2014. №12-12.

9. Титова Л.Г. Региональный аспект политической активности // Конфликтология. 2010. №3.

10. Титова Л. Государство и общественно-политические движения в современной России // Государственная служба. 2006. №4.

11. Шабров О.Ф. Стандарты качества в государственном управлении и политике // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Т. 2. №5.

12. Шумилов А.В. Инновационные факторы гражданской активности молодежи (региональная специфика) // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6.

References

1. Burenko V.I. Mimikriya kak politicheskaya tekhnologiya v usloviyakh demodernizatsii. Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2014. №16.

2. Golovin Yu.A. Politicheskie tekhnologii v izbiratel'nykh kampaniyakh 2011-2012 godakh. Konfliktologiya. 2012. №3.

3. Dan-Chin-Yu E.Yu. Uchastie naseleniya v mestnom samoupravlenii: formy i modeli vzaimodeistviya. Sotsiologiya vlasti. 2011. №1.

4. Zlatanov B.G. Modernizatsiya v politicheskoi sisteme. Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2015. № 9 (88).

5. Zlatanov B.G. Osobennosti politicheskoi modernizatsii v sovremennykh usloviyakh. Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2015. №11(90).

6. Moiseev A.N., Shumilov A.V. Effektivnost' i innovatsii molodezhnoi politiki v sovremennoi Rossii: protivorechiya teorii i praktiki izmereniya. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. №1-1.

7. O sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Yaroslavskoi oblasti za 2014 god: doklad Obshchestvennoi palaty Yaroslavskoi oblasti. Yaroslavl', 2015.

8. Skovikov A.K. Vlast' i grazhdanskoe obshchestvo: dialog vzaimodeistviya. Fundamental'nye issledovaniya. 2014. №12-12.

9. Titova L.G. Regional'nyi aspekt politicheskoi aktivnosti. Konfliktologiya. 2010. №3.

10. Titova L. Gosudarstvo i obshchestvenno-politicheskie dvizheniya v sovremennoi Rossii. Gosudarstvennaya sluzhba. 2006. №4.

11. Shabrov O.F. Standarty kachestva v gosudarstvennom upravlenii i politike. Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proekti-rovanie. 2009. T. 2. №5.

12. Shumilov A.V. Innovatsionnye faktory grazhdanskoi aktivnosti molodezhi (regional'naya spetsifika). Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. №6.

В.И. Буренко

КАК СОХРАНИТЬ СВОБОДУ В ПОСТТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ (К. ЯСПЕРС И СОВРЕМЕННОСТЬ)

Аннотация
На основе анализа творческого наследия К. Ясперса в статье рассматриваются условия преодоления тоталитарного наследия на пути к демократии. Показано, что особое внимание К. Ясперс обращал на а) политическое просвещение и воспитание народа, б) его участие в решении конкретных задач политической (общественной) жизни в) организацию подлинных выборов г) ограничение власти правовом, то есть утверждение правового государства д) осуществление разрыва преемственности с преступным государством. Проводятся некоторые параллели о проблемах утверждения свободы и демократии в 60-е годы XX века в ФРГ и проблемах демократического транзита в постсоциалистических государствах в конце XX - начале XXI века. Делается вывод о том, что в условиях слабости гражданского общества наличие слоя критически независимых интеллектуалов становится важным фактором продвижения страны по пути к свободе и демократии.

Ключевые слова:
политическая свобода, демократия, гражданское общество, правовое государство.

V. Burenko

HOW TO PRESERVE FREEDOM IN POST-TOTALITARIAN SOCIETY (KARL JASPERS AND MODERN)

Abstract
On the basis of the creative legacy of Karl Jaspers The article considers the conditions of overcoming the totalitarian legacy on the road to democracy. It is shown that special attention paid Jaspers, firstly, on the political education and education of the people. His participation in the solution of specific problems of political life. Organization of genuine elections. Limiting the legal authorities, that is the statement of law. Implementation of the continuity of the break with a criminal state. Spend some parallel problems assertion of freedom and democracy in the 60 years of the twentieth century in Germany and the problems of democratic transition in post-socialist countries in the late XX - early XXI century. The conclusion is that the weakness of civil society under the presence of a critical layer of independent intellectuals become an important factor about the movement of the country on the path to freedom and democracy.

Key words:
political freedom, democracy, civil society, legal state.

В 2013 году научная общественность отмечала 130-летие со дня рождения Карла Ясперса (23 февраля 1883 - 26 февраля 1969) – немецкого философа и психолога, одного из главных представителей экзистенциализма.

В год смерти немецкого мыслителя мы, студенты-первокурсники философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, штудировали древ-

негреческую философию, которую нам преподавал один из самых известных советских философов – Валентин Фердинандович Асмус. До изучения проблем современной философии нам ещё предстояло учиться три года. Но имя и некоторые идеи Ясперса уже стали известны нам – первокурсникам. И не только потому, что в том 1969 году завершил свой жизненный путь всемирно известный мыслитель и на философском факультете МГУ не могли не обсуждать его мировоззренческие взгляды. Дело в том, что в западной литературе широко обсуждалась статья Ясперса «Куда движется ФРГ» (1966 г), в которой содержалась острая критика наступления на свободу и демократию в поствоенной и посттоталитарной ФРГ. Критические стрелы К. Ясперса в адрес западногерманской политики того времени нашли широкую поддержку в советской публицистике. Идеи К. Ясперса получили отклик и в вузовской среде, в том числе в научных и учебных изданиях, аудиториях философского факультета МГУ. Так, в фундаментальном учебном пособии для студентов высших учебных заведений «Современная буржуазная философия», вышедшем в 1972 году в издательстве Московского государственного университета, среди трудов Ясперса указаны работы, раскрывающие социально-политические взгляды мыслителя: «О происхождении и цели истории» (1949), «Атомная бомба и будущее человечества», (1958), «Жизненные вопросы немецкой политики» (1963), «Куда идёт Федеративная республика» (1966) и др. В главе учебника, посвящённой экзистенциализму в Германии, отмечено, что «в отличие от большинства буржуазных философов, стремящихся замаскировать связь своей философии с политикой, Ясперс совершенно определённо утверждает, что «нет философии без политических выводов». Более того, он убеждён, что именно политические выводы наилучшим образом характеризуют сущность философии того или иного мыслителя» [6, с. 552].

Политические взгляды Ясперса представляют сегодня не только историко-философский интерес. Они важны в первую очередь в качестве особого объекта политологического исследования и сравнительного анализа с современностью.

Взгляды Ясперса формировались в тесной связи с событиями истории Германии XX века (первых 70-ти лет). История Германии особенно остро выдвигала на первое место обсуждение вопросов политической свободы и демократии. Защита свободы и демократии стала особенно актуальной в связи с оживлением консервативных настроений в западно-

германском обществе в 60-годы XX века. В этот период реакционные силы в ФРГ стали поднимать вопрос о прекращении преследования нацистских преступников, развернули нападки на ослабевшие за годы нацизма демократические силы страны.

Конец XX – начало XXI века привнёс много дополнительного эмпирического материала, который актуализирует политические идеи немецкого мыслителя. Речь идёт о путях преодоления тоталитарного наследия, о попытках продвижения к свободе и демократии в более чем двух десятках постсоциалистических стран и наступлении реакционно-консервативного отката в некоторых из них. Политические процессы, происходящие в этих странах, свидетельствует о чрезвычайной остроте и плодотворности творческого наследия К. Ясперса. Именно в этой связи в данной статье обращается внимание к некоторым аспектам политической мысли Ясперса.

На уровне политической практики под свободой Ясперс понимает «… участие всех граждан в волеизъявлении целого, доступ для них к знанию и деятельности…» [8, с. 166].

Немецкий экзистенциалист исходит из того, что свобода – самое драгоценное благо; оно никогда не приходит само, не сохраняется автоматически. Свобода всегда подвергается нападению, всегда в опасности. Там, где эта опасность не ощущается, свобода легко может быть утрачена.

Для Ясперса было понятно, что нет абсолютно надежного механизма, который мог бы гарантировать наличие свободы. Сохранить и расширять свободу можно лишь там, где она осознана и где ощущается ответственность за нее. Поэтому в свободном обществе всегда ощущается забота, о том, чтобы «сохранить в неприкосновенности наиболее для него существенное, самое свободу, права человека, правовое государство, оградить их от посягательств и от временно пребывающей у власти партии большинства» [8, с. 178]. В этой формуле Ясперс показал не только необходимость ответственности за свободу, но и указал одного из её врагов – «временно пребывающей у власти партии большинства» часто вырождающейся в тиранию партии большинства.

Какие же средства указывает Ясперс для защиты свободы и демократии?

Первое средство – политическое просвещение и воспитание народа. Единственное средство – приобщать всех людей к знанию, пробуждать их

волю, чтобы они научились, размышляя, постепенно осознавать ее. Привести людей к свободе – значит привести их в такое состояние, когда они в диалоге будут открываться друг перед другом.

Политическое просвещение народа не сводится к чтению лекций в аудиториях. Политическое просвещение требует дискуссий, полной осведомленности или информированности, свободы прессы, собраний и т.п. На протяжении всех своих политических работ Ясперс отстаивает мысль о том, что свобода требует открытой, ничем не ограниченной дискуссии, на основе полной осведомленности. Свобода требует ознакомления со всеми доступными людям сведениями, со всеми данными, с аргументацией мнений всех сторон, причем это требование обращено ко всему населению. Поэтому необходима свобода прессы, собраний, свобода слова.

В Конституциях многих современных государств, осуществляющих в конце XX-начале XXI века переход от тоталитаризма к демократии содержатся статьи о гарантиях свободы мысли и слова, о праве свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, о гарантиях свободы массовой информации и запрете цензуры. Однако слабость гражданского общества в некоторых странах привела к тому, что эти статьи Конституций не работают. Власть принимает законы, ограничивающие свободу граждан искать, получать и распространять информацию, в том числе и в Интернете. Власть прямо или опосредованно монополизирует основные СМИ. Тем самым, в отсутствии общедоступности и полноты информации существенно ограничиваются ресурсы общества влиять на власть, менять её, контролировать и т.д. Таким образом, политическая свобода в этих обществах сужается как «шагреновая кожа». Власть имущие контролируют СМИ, обладают большей полнотой информации, получают огромные возможности для манипулирования массами.

Партийная олигархия, засевшая в парламентах, - отмечает Ясперс, - «склоняется к тому, чтобы лишить народ информации. Пусть уж он лучше остается темным. Народу не нужно знать цели, которые ставит перед собой партийная олигархия, если они вообще есть у нее. Вместо этого ему можно преподносить возбуждающие фразы, общие выражения, замысловатые требования морального характера и тому подобное» [4, с. 283].

Только в условиях свободы прессы, подчёркивает Ясперс, выявляется смысл деятельности демократической оппозиции: оживление поли-

тической жизни посредством споров, контроля; готовность, несмотря на различные цели, самой взять на себя правительственную ответственность и показать себя в этом качестве с хорошей стороны. Действительно, вне свободы прессы массы не знают о существовании политической оппозиции, о существовании альтернативных проектов, направленных на решение общественных проблем.

Второе средство защиты и развития свободы, как отмечает Ясперс, – это «практическое самовоспитание народа посредством участия большинства в решении конкретных задач» [8, с. 181], например, посредством свободного и ответственного за свои действия, коммунального управления. Главная задача состоит в том, чтобы привлечь народ к участию в политической жизни.

Ясперс остро дискутирует с теми, кто утверждает, что народ должен «созреть», прежде чем ему можно предоставить политическую свободу. Он убедительно показывает, что скрытого, естественного процесса созревания народа не бывает; только в результате свободных политических акций, организуемых мелкими группами и отдельными лицами, народ начинает понимать то, что для него важно. Народ созревает для демократии в процессе собственной политической активности. Если народу не позволяют участвовать в политической деятельности, не существует другого способа для его созревания. Политическая зрелость не наступит сама собой. Поэтому предпосылкой демократии является понимание народом необходимости его широкого участия в политической жизни и его действительное участие в ней, доверие к народу – не к такому, каков он есть, а к такому, каким он может стать.

Только политическая активность народа позволит достичь его политической зрелости. Политически зрелый народ становится ответственным за судьбу целого за судьбу страны. Там же, где невозможны ответственность за судьбу целого и свободное участие в управлении – там все рабы. Таков вывод Ясперса.

Оставим заинтересованному читателю возможность составить перечень законов, принятых в последние годы в России, направленность которых очевидна – ограничить политические права и свободы гражданина, ограничить его участие в политической жизни общества только приходом на избирательный участок в день выборов или по указанию административной руки явиться на митинг.

Третье средство – организация избирательной кампании. Решающим фактором сохранения свободы и законности, устранения деспотизма и террора являются подлинные выборы. Признаком деспотизма служит устранение подлинных выборов, замена их видимостью выборов, посредством которых деспотизм как будто отдает должное укоренившемуся в наше время стремлению к свободе. Устранение подлинных выборов, пишет Ясперс, напоминает казни королей в прошлом; теперь казнь совершается над народным суверенитетом. Уничтожение подлинных выборов как истоков легитимности влечет за собой чудовищное насилие и уничтожение свободы.

Ясперс очень точно подмечает, что в наше время выборы являются не только демократическим институтом, посредством которого осуществляется смена власти и её контроль. Выборы как политический институт стали широко использовать для приобретения власти и устранения свободы. «К народу обращаются оба – и демократ, и тиран. К народу обращается как тот демагог, замышляющий преступление и обман, так и тот, чьи намерения благородны, кто служит свободе. Кто из них преуспеет, может решить только народ. Тем самым он предрешает и свою собственную судьбу. Тирания изобретает такие методы, которые в оглушительном грохоте избирательной кампании создают видимость волеизъявления народа, методы, с помощью которых люди многое узнают (чтобы служить пригодным орудием политической борьбы), но остаются неспособными вынести собственное суждение» [8, с. 180].

Одна из проблем политического класса многих постсоциалистических стран заключается в том, что ради удержания власти эти новые политические силы пренебрегают легитимностью избирательного процесса. Значительная доля населения в этих странах не верит в честность и справедливость выборов. Продолжает снижаться доверие россиян к выборам. Согласно опросу социологов (ВЦИОМ) который состоялся спустя две недели после президентских выборов 2012 года, доверяют итогам выборов только 44% россиян, что на 9% меньше, чем было после предыдущих президентских кампаний в 2008 и 2004 гг. [2].

Только широкое участие самого народа в избирательном процессе может поправить ситуацию. Но и здесь власть имущие изобретают целую систему уловок, чтобы не допускать контроля за ходом выборов на всех этапах. Вместе с тем, политические события последних двух десятилетий

в целом ряде стран показывают, что чем ниже уровень доверия к выборам, тем большая вероятность насилия в обществе, тем больше рост ограничений в правах и свободах граждан.

Отметим ещё одно необходимое средство обеспечения свободы, на которое обращает внимание К. Ясперс.

Свобода существует только в правовом государстве. Правовым, согласно Ясперсу, называется государство, в котором действует свобода, основанная на законах. Свобода может быть завоевана только в том случае, если власть преодолевается правом. Идеи Ясперса на этот счёт кажутся тривиальными, поскольку очевидны. Но следует подчеркнуть, что эти идеи утверждаются авторитетнейшим учёным и настойчиво воспроизводятся в период угроз для свободы и демократии. И благодаря этому идеи и усилия К. Ясперса важны и работали в защиту свобод в посттоталитарной ФРГ.

Огромная опасность для демократии и свободы заключается в неограниченной власти политических лидеров. Даже величайшие заслуги перед государством, – пишет Ясперс, – не являются основанием для неприкосновенности власти индивидуума. Человек остается человеком, и даже лучший из людей может стать опасным, если его власть не сдерживается определенными ограничениями.

Для многих постсоциалистических государств задача ограничения правом произвола лиц, находящихся у власти, остаётся самой сложной задачей. Посттоталитарные общества во многих странах слишком слабы, чтобы осуществить «принуждение» власти к праву. К числу этих стран относится и Россия. В одном из аналитических докладов Института права и публичной политики, подготовленного группой ведущих ученых из различных университетов России констатируется: «ряд предусмотренных Конституцией базовых принципов – разделение властей, равенство всех перед законом, светский характер государства, политический плюрализм – фактически не соблюдаются. …Что можно говорить сегодня о российском конституционализме, – пишет доктор юридических наук, профессор И. Шаблинский, – если власть – то есть узкая правящая группа во главе с бессменным лидером – фактически ничем не ограничена» [7, с. 4].

Рассматривая вопрос о государстве и свободе в посттоталитарный период, Ясперс ставит вопрос о необходимости разрыва преемственности с преступным государством. «Сознание необходимости нравственно-

политической революции после 1945 года, безграничная воля к прекращению преемственности от преступного государства, понимание необходимости и желание создать что-то новое – все это предпосылка для нас, если у нас есть будущее» [1]. Согласно Ясперсу, «преступным государством является такое, которое в принципе не создает и не признает правопорядок. То, что называется правом и что это государство рождает в потоке законов, представляет для него средство для усмирения и покорения народа, а не нечто такое, что оно само уважает и соблюдает» [1]. Преодоление преемственности с преступным нацистским государством в ФРГ осуществлялось многолетними мероприятиями по денацификации государственной и общественной жизни, проведением последовательных кампаний по перевоспитанию, содержанием которых был, например, показ документальных фильмов о лагерях смерти, экскурсии в концлагеря и т.п.

В вопросе о преступном государстве наиболее сложным является вопрос об идентификации государства, ещё только становящегося преступным. В те времена, когда оно утверждается, далеко не каждому понятна его преступная суть. Многие не понимают происходящего. В одной из бесед с Ясперсом корреспондент газеты «Шпигель» говорит: «ныне все люди доброй воли видят, что нацистское государство было преступным. Однако в то время требовались определенная острота мышления и идейное мужество, чтобы осознать это со всеми вытекающими отсюда последствиями. Очень многое притупляло бдительность народа: заключались договоры и союзы с иностранными государствами, проходили олимпийские игры, церковь много раз предупреждала о необходимости занимать лояльную позицию и поддерживать государство». И Ясперс солидаризируется с этим мнением: «К сожалению, все эти факты правильные» [1].

Действительно, только «острота мышления и идейное мужество» позволяли узнавать в начале 30-х годов в немецком государстве будущее фашистское преступное государство. Так, например, в сентябре 1933 года в Германии выходит книга известного австрийского психоаналитика Вильгельма Райха «Психология масс и фашизм», жившего с 1930 года в Германии, в которой преступное будущее фашистского государства уже можно было отмечено.

Но для массового сознания «острота мышления» не присуща. Немецкий народ голосовал на выборах 1932 года и отдал коммунистам и социал-демократам 12-13 млн. голосов, гитлеровской партии и другим

националистам – 19-20 млн. голосов [5, с. 39-40]. Можно ли винить народ за то, что он не смог предвидеть, к чему приведёт его выбор? Ясперс считает, что в таком выборе есть и вина народа: «Почему стал возможен 1933 год? Это был не результат какого-то естественного процесса, не мнимая историческая необходимость, а дело рук самих немцев» [8, с. 287-288]. Такой же позиции придерживается и В. Райх когда пишет: «Я хотел бы, чтобы и трудящиеся массы так же ясно осознали свою ответственность за фашизм» [5, с. 13].

И, как вытекает из всего творческого наследия К. Ясперса, именно поэтому (фашизм как дело рук самих немцев) он так остро и настойчиво ставит задачу политического просвещения, воспитания и самовоспитания народа. Ясперс вполне осознаёт сложность и проблематичность этой задачи. Ведь ни кто иной, как он сформулировал основной политический вопрос нашего времени: «Всемирно-историческим основным политическим вопросом нашего времени является вопрос о том, можно ли демократизировать массы, способен ли вообще средний по своей природе человек фактически включить в свою жизнь ответственное соучастие в качестве государственного подданного посредством соучастия в знании и принятии решений об основных направлениях политики» [8, с. 346].

Особую сложность политического просвещения масс Ясперс связывает с необходимостью преодоления многовековых авторитарно-подданнических традиций, укоренившихся в массовой культуре. «Со времен веками существовавшего сословного государства у народа остались привычки, которые сильны еще и сегодня: …верноподданность по отношению к власти; готовность к слепому почитанию; вера в то, что правительство сделает все, что надо. Верноподданные рассуждают так: …правительство позаботится о нашем благополучии и о нашей безопасности в мире; мы горды тем, что живем в могучем государстве и можем предъявлять загранице справедливые и солидные требования. Короче говоря, общественное сознание у нас часто представляет собой сознание верноподданности, а не демократическое сознание свободного гражданина. Одна из величайших опасностей кроется в терпении верноподданных, довольных своим бытием, пока они получают свою долю благосостояния. Они не сознают своей ответственности за политику, они покорны. Вначале они мирятся с едва заметными оковами, а, в конце концов, оказываются в застенке, из которого уже нет выхода» [8, с. 287].

Но если при демократии посредством свободы голосования уничтожается сама свобода, если окончательное решение выносит народ, то необходимо сделать все возможное, чтобы помочь ему принять правильное решение. И Карл Ясперс своими политическими работами, своей просветительской деятельностью вносил огромный вклад в то, что бы народ научался принимать правильное решение. «Свободная страна нуждается в критиках, не повязанных структурами власти» [3, с. 75] – такой вывод сделал Р. Дарендорф, анализируя процесс движения к свободе в постсоциалистических странах Восточной Европы. Карл Ясперс относился к такому слою критически независимых интеллектуалов.

В условиях слабости гражданского общества наличие такого слоя критически независимых интеллектуалов, как свидетельствует опыт демократического транзита в постсоциалистических странах, становится важным фактором продвижения этих стран по дороге свободы.

Литература

1. Беседа К. Ясперса с Р. Аугштейном (журнал «Шпигель» 1965 г.) // Независимый психиатрический журнал. 2005. №1.

2. Лишь 44% россиян считают итоги президентских выборов достоверными // ВЦИОМ. URL: http://news.rambler.ru/13171962/ (дата обращения 17.09.2015).

3. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. №9.

4. Куда движется ФРГ? Факты. Опасности. Шансы // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М.: Изд-во «Мысль», 1997.

5. Райх В. Психология народов и фашизм. СПб.: Университетская книга, 1997.

6. Современная буржуазная философия. Под ред. Проф. А.С. Богомолова, проф. Ю.К. Мельвиля, проф. И.С. Нарского. М.: Изд-во «Московского университета». 1972.

7. Шаблинский И.Г. Россия на конституционной развилке // Независимая газета. 2012. 11 окт.

8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат. 1991.

References

1. Beseda K. Yaspersa s R. Augshteinom (zhurnal «Shpigel'» 1965 g.). Nezavisimyi psikhiatricheskii zhurnal. 2005. №1.

2. Lish' 44% rossiyan schitayut itogi prezidentskikh vyborov dostovernymi. VTsIOM. URL: http://news.rambler.ru/13171962/ (data obrashcheniya 17.09.2015).

3. Darendorf R. Doroga k svobode: demokratizatsiya i ee problemy v Vostochnoi Evrope. Voprosy filosofii. 1990. №9.

4. Kuda dvizhetsya FRG? Fakty. Opasnosti. Shansy. Antologiya mirovoi politicheskoi mysli. T. 2. M.: Izd-vo «Mysl'», 1997.

5. Raikh V. Psikhologiya narodov i fashizm. SPb.: Universitetskaya kniga, 1997.

6. Sovremennaya burzhuaznaya filosofiya. Pod red. Prof. A.S. Bogomolova, prof. Yu.K. Mel'vilya, prof. I.S. Narskogo. M.: Izd-vo «Moskovskogo universiteta». 1972.

7. Shablinskii I.G. Rossiya na konstitutsionnoi razvilke. Nezavisimaya gazeta. 2012. 11 okt.

8. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M.: Politizdat. 1991.

.

Л.Г. Титова,
О.И. Карпухин,
О.А. Нестерчук

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ, СИМВОЛОВ И НОРМ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ИНДИВИДОВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация
В контексте политической культуры и идеологии рассмотрено влияние ценностных ориентаций на политическое поведение индивидов. Аргументирован тезис относительно опыты России, что резкие ценностные переориентации, осуществляемые, в течение недолгого времени в современной истории, негативно повлияли на общество и политическую власть в целом. Доказано, что политические ценности – не представляют собой единственных определителей политической активности граждан. Кроме них существуют символы, нормы и идеологии. Идеология устанавливает связь между мировоззрением и нормами поведения людей, придает смысл изменениям, совершающимися в обществе, соотносит реалии с высшими ценностями, оказывает влияние на лиц находящихся на уровне принятия стратегических решений в определение вектора развития общества. Идеология помогает общности поднять себя до уровня народа, усвоить свое место и роль в истории человечества, а человеку помогает найти устойчивые точки ориентации для своей деятельности.

Ключевые слова:
Россия, политическая идеология, политическая культура, символы, ценности.

L. Titova,
O. Karpukhin,
O. Nesterchuk

INFLUENCE OF VALUABLE ORIENTATIONS, POLITICAL IDEOLOGIES, SYMBOLS AND NORMS ON POLITICAL BEHAVIOR OF INDIVIDUALS IN THE CONTEXT OF POLITICAL CULTURE

Abstract
In the context of political culture and ideology influence of valuable orientations to political behavior of individuals is considered. The thesis relatively experiences of Russia is reasoned that sharp valuable reorientation, carried out, during short time in modern history, have negatively influenced society and the political power in general. It is proved that political values – don't represent the only determinants of political activity of citizens. Except them there are symbols, norms and ideologies. The ideology establishes connection between outlook and standards of behavior of people, gives sense to changes, made in society, correlates realities to the supreme values, exerts impact on persons of the strategic decisions which are at the level of acceptance in definition of a vector of development of society. The ideology helps a community to lift itself to the level of the people, to acquire the place and a role in the history of mankind, and to the person helps to find steady points of orientation for the activity.

Key words:
Russia, political ideology, political culture, symbols, values.

Неизбежный процесс разрушения ценностей прошлого, традиционных ценностей и смена ценностных ориентаций – болезненное явление. На уровне общества это затрагивает и начинает разрушать ядро культуры, а на уровне личности приводит к потере самоидентификации [14, с. 21-30]. Без привычных ценностных ориентаций человек начинает терять ощущение прочности бытия, лишается той опоры, которую он находил в убеждениях и усвоенных нормах, в своем понимании того, что есть общественное устройство и порядок [16, с. 16-23].

В переломные эпохи даже подготовленное к переменам сформировавшееся сознание воспринимает новые ценностные предложения как нечто себе чуждое и, во всяком случае, неорганичное. Данное мироощущение может привести к необратимым последствиям для общества, где безнравственность и следующие за ней криминал и произвол могут стать нормой в отношениях между людьми. В общественном сознании начинают возникать апокалипсические настроения, появляется ощущение глобальной катастрофы. Изучая социально-психологический механизм подчинения власти, психологи, исследовавшие психологический механизм властного воздействия и властного подчинения, показывали, что последствия потери человеком веры в надежность, устойчивость и незыблемость существующих порядков могут стать необратимыми, привести к массовой социальной депрессии [12].

Опыт России последних двух десятилетий продемонстрировал, что резкие ценностные переориентации, осуществляемые, вдобавок, в течение недолгого времени, негативно повлияли на общество и самое власть. Политические ценности – не единственные определители политической активности граждан. Кроме них существуют символы, нормы и идеологии. Идеология устанавливает связь между мировоззрением и нормами поведения людей, придает смысл изменениям, совершающимися в обществе, соотносит реалии с высшими ценностями. Идеология помогает общности поднять себя до уровня народа, усвоить свое место и роль в истории человечества, а человеку помогает найти устойчивые точки ориентации для своей деятельности [11, с. 57-60]. В идеологии вырабатывается совокупность ценностей, к которым может обращаться человек и социальные группы для узнавания и общения.

Российский политолог К.С. Гаджиев выделяет как минимум два подхода в современной России к идеологическому строительству. Первый – это поиск идеи, способной объединять людей, несмотря на их разнообразие и формирующейся в головах людей или в глубинах народного сознания. Второй подход вытекает из того, что общенациональная, интегративная идея прорастает в гражданском обществе по мере его вызревания и помогает группам сложиться в целостность. В полиэтнической и поликонфессиональной России интегративная идеология может возникнуть на базе диалога между носителями этих ценностей.

Политическая идеология связана с мировоззрением данной эпохи. В структуру политической идеологии определенного периода входят: программные установки, стратегия реализации программных установок, пропаганда, конкретные шаги по реализации программ [5].

Неотъемлемой частью идеологии является символика - знаковая система, которая со времен Древней Греции рассматривалась как идентификация некоей общности и поэтому являлась общественно-политической. Политическая символика – это знаки, существующие и используемые в политической жизни, совокупность политических средств, придающих политической жизни, политическому действию, различным формам материализации политики явный, особенно очевидный, подчеркнутый или скрытый смысл. В политической символике отражается не только исторический опыт власти, но и ее преемственность. Политический символ выполняет функцию легитимизации власти посредством политико-психологического объединения нации, в этом качестве он должен быть «узнаваем» всеми гражданами страны и опираться на те ценности, которые составляют ядро культуры данной нации. Это касается, прежде всего, гимна страны, ее знамени и герба. «Периферийные» элементы культуры могут входить в содержание политических символов как идеологические ценности и восприниматься частью населения. В таком случае политический символ выполняет функцию политико-организационной или электоральной мобилизации населения (это «цвета» партии, знамени, мелодия гимна, значки и т.д.). Важнейшим символом является политический язык данной власти как способ вербального воздействия на индивидуальное и массовое сознание. Символы отражают историческое прошлое, являясь знаковой частью культуры народа [1, с. 188-189]. Первоначальный смысл, уходящий корнями в то время, когда народ начинает

осознавать себя таковым и у него появляется потребность идентифицировать свою осознанную целостность в неких знаках, может теряться и его извлечением из видимого образа занимаются специалисты-историки и специалисты в геральдике. Но основная идея, заложенная в существо государственной символики – единение государства и общества.

В дискуссии, развернувшейся вокруг государственной символики на рубеже второго и третьего тысячелетий отразилось несколько проблем: преемственности – объединения исторического прошлого с историческим настоящим с тем, чтобы достойно создавать будущее. В условиях обострившихся противоречий внутри российского общества, принятие символики соответствующей интересам большинства, помогает достижению не временных компромиссов, а закладывает фундамент отношений, которые буду определять развитие российского общества в будущем тысячелетии. В.В. Путин, в своей речи в Кремле по поводу принятия российских государственных символов – герба в виде двуглавого орла, трехцветного, бело-сине-красного знамени и гимна на музыку Александрова - показал свое стремление объединить историческое (монархическое) прошлое, недавнюю социалистическую реальность и сегодняшнюю «демократию», обеспечивая преемственность досоветской, советской и постсоветской эпохи. С технологической точки зрения это важный прием, обеспечивающий В.В. Путину поддержку населения старшего поколения, которое становится большинством в стране в силу быстрого старения населения и которому «привычнее и легче было в советской стране». Российские «левые» заметили, что В. Путин заключил «сделку» с народом, гербом, знаменем и гимном.

Если иметь в виду будущее страны, то эклектическое соединение монархического символа с гимном страны, принципиально отвергшей монархию, не решило, на наш взгляд, проблемы воспроизводства российского бытия в новых исторических условиях как компромиссного и взаимно терпимого существования разных социальных слоев и групп в обществе как целом. Оно решило электоральные проблемы, обеспечило власти передышку в условиях накопившихся проблем и демонстрирует большие возможности власти в применении средств манипулирования сознанием населения. Есть прошлое и прошлое [3. с. 16-20]. Не всякое прошлое может служить опорой настоящему, не любая традиция прогрессивна.

Принятие государственной символики обнаружило отсутствие ясного представления власти о своих социальных и исторических целях, которые она должна осуществлять, о национальной идее, которую она должна воплощать и гарантировать ее реализацию. В первые годы Советской власти создание герба рассматривалось как важнейшая государственная задача, ее решением занимались специалисты в области геральдики, каждая деталь герба была значима. Процесс создания первого символа Советской державы отразил те задачи, которые стояли перед страной.

В целом же историческая преемственность и общенациональная идея, заключенные в государственной символике, могут служить действенным фактором объединения и мобилизации народа в целях выхода из кризиса и стабилизации общественного бытия.

Политический процесс - это деятельность политических субъектов как реальная, так и вербальная. Власть активно использует лексический состав речи для манипулирования сознанием граждан путем смешения смыслов, сужения понятий, наполнения их новым содержанием. Политическая лексика так же подвержена изменениям, как и те политические институты и процессы, которые она отражает. Объективно лексическая трансформация связана с динамикой политических процессов – политическими реалиями исторической данности. Субъективно приход в политическую жизнь новых политиков, рост их профессиональной и общей культуры способствует существенному пополнению их политического лексического запаса. Темпы изменений в первом случае определяются глубиной политических преобразований: чем они основательней, тем быстрее накапливается новый лексический материал, отбрасывается старый, меняется смысл первичных понятий.

Слова – знаковая система эпохи. Слово может быть источником, поводом и свидетельством разворачивающегося в обществе конфликта, чему объективно способствует многозначность слов, проявляющаяся в политической практике, во время которой на поверхность извлекаются определенные смыслы, соответствующие целям политических субъектов и институтов, ими представляемых. Содержание и объем используемой лексики определяется характером, типом политической культуры общества, уровнем политической культуры политического субъекта, целями властных субъектов, масштабами политического процесса. Являясь, как и сим-

волы, знаковой системой, лексический состав речи – явление устойчивое, но, обладающее свойством отражения, и мобильное: политические изменения накладывают отпечаток на лексику, превращая ее в знаковую составляющую эпохи. Поскольку в языковом содержании и строе языка отражается национально-единое и наиболее устойчивое в национальной культуре, затрагивающее глубинные основы психики человека, консервативную сторону сознания – смены языковых норм и резкие изменения лексического содержания болезненно сказываются на состоянии национального сознания и могут в большей степени повлиять на конфликтное состояние общества в период трансформаций, чем прямое посягательство на благосостояние личности и ее права [15] .

Рассматриваемая проблема приобретает острое звучание в современной России, где есть все признаки манипулирования значением слов, наполнения их смыслами, необходимыми политическим субъектам. Происходит подмена понятий, используется минимум значений слов – в соответствии с целями властных субъектов [10, с. 8-20]. Кроме того, словарный запас современного политического языка отражает происходящие в обществе процессы падения образовательного уровня населения, что, в свою очередь, является следствием государственной политики в сфере образования [17, с. 106-109].

В России значительно затруднен процесс формирования языка, адекватного целям становления социально ориентированной личности [13, с. 42-47]. Скорее, он отражает ту противоречивую реальность, в которой сегодня осуществляется бытие человека, а не тот выбор, который делает человек в период переломов. Лексика «зоны», проникающая в обыденную речь «низов», отражает происходящий в обществе раскол.

Способом охраны национального языка является активное подключение специалистов-филологов к созданию общества охраны национального языка как общественного достояния. Борьбу за чистоту языка должны включиться все патриотические движения страны. Наконец, необходимо создать систему государственного контроля над филологическим образованием в стране в виде общенационального стандарта языкового обучения. Существенное значение будет иметь увеличение часов в школьных программах на преподавание русского языка, а не их сокращение и снижение требований, как это происходит в настоящее время [12].

Свойство политической символики состоит в том, что она как бы синтезирует различные знаки из иерархии знаковых систем и использует их в своих целях. Как и язык, политическая символика исполняет функции коммуникации, развития личности, социализации [8]. Вырабатывая новую идеологию, политики должны учитывать, что в ее основе будут находиться символы.

Ценностные ориентации, политические идеологии, символы и нормы влияют на политическое поведение индивидов, образуя смысловые программы такой политической деятельности, которая адекватна состоянию человека. Однако интеграцию общества и задачу социализации личности идеология выполняет тогда, когда ее составляющей является общенациональная идея.

Российский суперэтнос – результат смешения большого числа народов России, среди которых невозможно выделить собственно русских. Поэтому правомерно использование современными политиками понятия «россияне» означающее всех народов России, всех ее граждан [2]. В силу этого создание так называемой русской идеи – акт национализма, увековечивающий претензии и амбиции одного народа на многонациональной территории страны. Учитывая это, а также общенациональный характер российской государственности, можно вести речь об общегосударственнной или общероссийской идее [4]. Такой идеей было в СССР построение коммунистического общества.

В странах Западной Европы не было общегосударственной идеи. В собственном смысле этого понятия общегосударственная идея означает форму взаимодействия массового и индивидуального сознания в ходе социально-политической деятельности людей, в которой осуществляется создание ценностей, отражающих совместность бытия народа как данной территориально-культурной общности, осознание этих ценностей массовым и индивидуальным сознанием как собственных, придающих высший смысл их общественному бытию [9]. После второй мировой войны были идеи строительства благополучной, демократической страны в США, преодоления разрухи и движения вперед в ходе экономической реформы в Германии, идея процветания во Франции в период генерала де Голля. Общегосударственная задача выйти в конце столетия на уровень передовых странах мира была поставлена в Японии. Общегосударственная идеология должна исходить из нескольких предпосылок: она должна об-

ладать конструктивной функцией по отношению к действительности и должна иметь социального субъекта, деятельность которого была бы ориентирована на общество [7].

На пути формирования общенациональной идеи в России находится немало трудностей: наличие многих экономико-географических слоев, социальное и территориальное расслоение населения, выделение крупнейших центров, оторванных от основного населения страны – Москвы и Санкт-Петербурга. Тем более, что национальная идея – не технология массовой консолидации, как это представляют себе российские политические субъекты и как уже было обозначено при оценке ситуации вокруг принятия гимна. Она содержит те нормативы, которые равно понятны всему населению страны, всеми приемлются и опираются на историческую и культурную традицию. Западной культуре свойственна институциональная национальная идентичность. Дороги, банки и фаст-фуд типа Макдональдса держат Америку такими скрепами, которые не могут расшатать никакие идеологические, религиозные противоречия. Однако подобный рациональный опыт явно неприемлем для России, для русского народа, объединяемого в политической и исторической практике более сильными факторам, такими, как своеобразием и сложностью исторического прошлого, социально-психологическими особенностями нации с ее нравственным и духовным поиском. В плане духовном можно утверждать, что российские политические процессы всегда содержали и опирались на исторически иную, духовную, иррационально-рациональную, а не прагматически-рациональную институциональность [6].

В современной научной литературе появилось понятие «ресоциализация», под которым понимается переобучение, усвоение новых стандартов и ценностей, в том числе, и приобретение новой нравственности, отличной, как можно понять, например, из статьи М.Ю. Попова, от нравственных ориентиров, вырабатываемых в советскую эпоху и находившихся в зависимости от революционно марксисткой идеологии. Авторы, обращающие внимание на зависимость нравственных постулатов советской эпохи от классовых и идеологических ценностей, все же недоучитывают тот факт, что победа большевиков и имевшаяся у них социальная поддержка были обусловлены в немалой степени тем, что их идеологические постулаты совместились с ценностями, господствовавшими в народном сознании, крестьянском по своей массовой сути – ценности коллективиз-

ма, взаимопомощи, ответственности перед Отечеством и перед Богом, Правды, что обеспечивало совместную выживаемость народа в самые трудные периоды истории [5]. Следовательно, если российские политические процессы останутся делом властвующей элиты, им всегда будет недоставать гуманитарно-нравственной составляющей.

Литература

1. Авцинова Г.И. Мифы и реальность устойчивого развития // Власть. 2012. №5.

2. Авцинова Г.И. Социальная сплоченность российского общества: некоторые аспекты политического дискурса и программы действий // Социальная политика и социология. 2009. №3(45).

3. Буренко В.И. Консерватизм и традиционализм в политическом процессе современной России // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. №7.

4. Буренко В.И. Мимикрия как политическая технология в условиях демодернизации // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. №16.

5. Головин Ю.А. Политическая безопасность личности в российском государстве // Общество. Государство. Политика. 2009. №1.

6. Златанов Б.Г., Киселев И.Ю., Сковиков А.К., Усманов Б.Ф. Влияние глобализации на политический процесс в современной России // Евразийский юридический журнал. 2015. №12(91).

7. Златанов Б.Г. Модернизация в политической системе // Евразийский юридический журнал. 2015. №9(88).

8. Ледяев В.Г. Власть, интерес и социальное действие // Социологический журнал. 1998. №1-2.

9. Ледяев В.Г. Социально-философский анализ власти в локальных сообществах (зарубежный опыт) // Знание. Понимание. Умение. 2012. №3.

10. Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Основания легального авторитета: манипуляция и убеждение // PolitBook. 2013. №4.

11. Нестерчук О.А. Сопряжение мифологического образа и политической реальности в политико-коммуникативном пространстве // Человеческий капитал. 2012. №5(41).

12. Нестерчук О.А. Опасный контент как технология скрытого управления массовым сознанием и поведением в современных условиях // Безопасность Евразии. 2013. №2(46).

13. Нестерчук О.А. Позитивный имидж системы образования как фактор эффективного развития человека // Человеческий капитал. 2008. №1(7).

14. Титова Л.Г. Культура сопротивления как способ разрешения конфликтов и укрепления социальности // Конфликтология. 2008. №4.

15. Титова Л. Государство и общественно-политические движения в современной России // Государственная служба. 2006. №4.

16. Титова Л.Г. Современные проблемы культуры российского политического процесса // Философские науки. 2013. №1.

17. Шабров О.Ф. Образование – концентрированное выражение политики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. Т. 6. №1(27).

References

1. Avtsinova G.I. Mify i real'nost' ustoichivogo razvitiya // Vlast'. 2012. №5.

2. Avtsinova G.I. Sotsial'naya splochennost' rossiiskogo obshchestva: nekotorye aspekty politicheskogo diskursa i programmy deistvii // Sotsial'naya politika i sotsiologiya. 2009. №3(45).

3. Burenko V.I. Konservatizm i traditsionalizm v politicheskom protsesse sovremennoi Rossii // Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2014. №7.

4. Burenko V.I. Mimikriya kak politicheskaya tekhnologiya v usloviyakh demodernizatsii // Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2014. №16.

5. Golovin Yu.A. Politicheskaya bezopasnost' lichnosti v rossiiskom gosudarstve // Obshchestvo. Gosudarstvo. Politika. 2009. №1.

6. Zlatanov B.G., Kiselev I.Yu., Skovikov A.K., Usmanov B.F. Vliyanie globalizatsii na politicheskii protsess v sovremennoi Rossii // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2015. №12(91).

7. Zlatanov B.G. Modernizatsiya v politicheskoi sisteme // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2015. №9(88).

8. Ledyaev V.G. Vlast', interes i sotsial'noe deistvie // Sotsiologicheskii zhurnal. 1998. №1-2.

9. Ledyaev V.G. Sotsial'no-filosofskii analiz vlasti v lokal'nykh soobshchestvakh (zarubezhnyi opyt) // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. №3.

10. Ledyaev V.G., Ledyaeva O.M. Osnovaniya legal'nogo avtoriteta: manipulyatsiya i ubezhdenie // PolitBook. 2013. №4.

11. Nesterchuk O.A. Sopryazhenie mifologicheskogo obraza i politicheskoi real'nosti v politiko-kommunikativnom prostranstve // Chelovecheskii kapital. 2012. №5(41).

12. Nesterchuk O.A. Opasnyi kontent kak tekhnologiya skrytogo upravleniya massovym soznaniem i povedeniem v sovremennykh usloviyakh // Bezopasnost' Evrazii. 2013. №2(46).

13. Nesterchuk O.A. Pozitivnyi imidzh sistemy obrazovaniya kak faktor effektivnogo razvitiya cheloveka // Chelovecheskii kapital. 2008. №1(7).

14. Titova L.G. Kul'tura soprotivleniya kak sposob razresheniya konfliktov i ukrepleniya sotsial'nosti // Konfliktologiya. 2008. №4.

15. Titova L. Gosudarstvo i obshchestvenno-politicheskie dvizheniya v sovremennoi Rossii // Gosudarstvennaya sluzhba. 2006. №4.

16. Titova L.G. Sovremennye problemy kul'tury rossiiskogo politicheskogo protsessa // Filosofskie nauki. 2013. №1.

17. Shabrov O.F. Obrazovanie – kontsentrirovannoe vyrazhenie politiki // Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2013. T. 6. №1(27).

А.А. Горелов,
Т.А. Горелова

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ФОРМАТЕ ГЛОБАЛЬНОГО НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Аннотация
Капиталистическая идеология рассматривается в данной статье как специфическое порождение западной цивилизации, что отражено как в формационной концепции К. Маркса, так и в цивилизационной концепции О. Шпенглера. Капитализм как экономическая система действует по принципу насилия: изъятие прибавочной стоимости у рабочих, обман и разорение мелких вкладчиков и предприятий-конкурентов. Становление капитализма совпадает с созданием мировой колониальной системы, т.к его функционирование связано с использованием все нарастающего количества ресурсов и созданием мирового рынка производства и сбыта продукции. Поэтому колониализм неотделим от капитализма. Глобальный экономический дисбаланс по оси «Север-Юг» ведет к денежному тоталитаризму, т.е. финансовой зависимости большинства стран мира от глобальной метрополии. В этой выстаивающейся системе глобального неоколониализма теряет смысл понятие внешней политики. Ее место занимает мировая внутренняя политика, безучастная к суверенным государствам и строящаяся на принципах западной политической культуры, обретающей ныне неоколониальные черты. Доказано, что идеология становится главной формой культуры. При современной расстановке сил преобладает именно капиталистическая идеология: она является лучшей формой осуществления воли к власти, потому что поощряет конкуренцию (что способствует проявлению и развитию воли к власти) и, концентрируя в своих руках экономическую и политическую силу, в наибольшей степени эту волю осуществляет. В целом капиталистическая идеология

A. Gorelov,
T. Gorelova

CAPITALIST IDEOLOGY AND POLITICAL CULTURE IN A FORMAT OF GLOBAL NEO-COLONIALISM

Abstract
The capitalist ideology is considered in this article as specific generation of the western civilization that is reflected both in the formational concept of K. Marx, and in the civilization concept of O. Spengler. Capitalism as economic system works by the principle of violence: withdrawal of a surplus value at workers, deception and ruin of small investors and the rival enterprises. Formation of capitalism coincides with creation of world colonial system, т.к its functioning is connected with use all of the increasing quantity of resources and creation of the world market of production and sales of products. Therefore the colonialism is inseparable from capitalism. The global economic imbalance on an axis "North-South" conducts to monetary totalitarianism, i.e. financial dependence of the majority of the countries of the world on the global mother country. In this stood system of global neo-colonialism the concept of foreign policy loses meaning. Its place is taken by the world domestic policy indifferent to the sovereign states and under construction on the principles of the western political culture finding nowadays neocolonial lines. It is proved that the ideology becomes the main form of culture. At modern alignment of forces capitalist ideology prevails: it is the best form of implementation of will to the power because encourages the competition (that promotes manifestation and development of will to the power) and, concentrating in the hands economic and political force, most this will carries out. In general the capitalist ideology promotes decrease in a

способствует снижению разнообразия экономических, политических и культурных форм жизни народов и ведет к инволюционной направленности развития общества.

variety of economic, political and cultural forms of life of the people and conducts to an involutional orientation of development of society.

Ключевые слова:
капиталистическая идеология, глобальный неоколониализм, политическая культура, глобализация, западная цивилизация, инволюция.

Key words:
capitalist ideology, global neo-colonialism, political culture, globalization, western civilization, involution.

Известны две основные концепции общественного развития – линейная и цикличная. С точки зрения линейной концепции развития, например, в ее марксистском варианте, капитализм, утверждающийся в начале Нового времени, представляет собой третью и последнюю ступень классового этапа развития общества после рабовладельческого и феодального. С точки зрения цикличной концепции развития, например, в шпенглеровском варианте, капитализм представляет собой общественно-экономическую формацию, возникающую только в западной культуре на стадии ее превращения также в последнюю ступень развития – цивилизацию, основные особенности которого связаны с коренной чертой фаустовской души – волей к власти.

Надо сказать, что между концепциями К. Маркса и О. Шпенглера нет непроходимой пропасти. Маркс изучал функционирование капитализма именно в лоне западной цивилизации и, когда обращался к другим культурам, то не находил там признаков, характерных для европейского капитализма. Поэтому способ производства, присущий азиатскому региону, он назвал азиатским способом производства. Таким образом, капитализм и для Маркса предстал специфическим для Запада способом производства. Исходя и из марксистской концепции, мы также вправе рассматривать капитализм как связанный с коренными чертами западной цивилизации и, стало быть, главной из них – волей к власти.

Характеризуя капитализм под этим углом зрения, мы отмечаем, что он изначально основан на конкуренции, во-первых, между двумя основными, по Марксу, антагонистическими классами капиталистического общества – буржуазией и пролетариатом, а, во-вторых, на конкуренции внутри правящего класса между отдельными предпринимателями и их группами в отношении источников сырья и рынков сбыта продукции. «…Современный бизнес – это конкуренция, а конкуренция – та же война, только ведущаяся не между государствами, а между компаниями с ис-

пользованием специальных методов» [2, с. 185]. Конкуренция есть столкновение воль, каждая из которых стремится подавить другие и подчинить их себе. Таким образом, в конкуренции непосредственно проявляется воля к власти, демонстрируя себя как основу развития капитализма.

О том, что это так, было известно задолго до Маркса и Шпенглера и подтверждалось после них. «Я утверждаю, что весь американский бизнес осуществлялся и всегда осуществляется через насилие <…> американский бизнес всегда действовал под лозунгом: «кто силен, тот и прав, а на закон наплевать!»» [1, с. 191, 213]. Формы насилия – изъятие прибавочной стоимости у рабочих, обман и разорение мелких вкладчиков и предприятий-конкурентов. Этим, по Драйзеру, обеспечено все богатство и финансовое величие Америки.

Становление капитализма совпало с созданием мировой колониальной системы, и это не случайно. Само функционирование капитализма связано с использованием все нарастающего количества ресурсов и созданием мирового рынка производства и сбыта продукции. Эти функции и обеспечивают колонии. Колониализм неотделим от капитализма и, его можно рассматривать как звено превращения монополистического капитализма в империализм. Причинами колониализма являются капитализм как общественно-экономическая формация и особенности западной цивилизации.

Стремление к пространственной экспансии стало отправной точкой геополитики, создатели которой заявили, что одной из основ политики любого крупного государства является стремление к территориальной экспансии. Основатель немецкой школы геополитики Ф. Ратцель утверждал, что государства вписываются в серию явлений экспансии Жизни, являясь высшей точкой этих явлений. Именно Ф. Ратцель ввел понятие «жизненного пространства», которое играло определяющую роль в обосновании агрессивных планов А. Гитлера. Естественной границей завоеваний может быть только вся территория Земли. Р. Челлен предложил свой категорический императив: «расширять свою территорию путем колонизации, объединения или завоеваний различного рода». Стратегической точкой отсчета, по Х. Макиндеру, для всей мировой политики будет оставаться непримиримая борьба за Евразию – «сердце мира» («Хартленд»), обладание которой – ключ к мировому господству.

Капиталу необходимо реализовать полученную им в товарах прибавочную стоимость, чтобы обеспечить прибыль. Он не может продать все

товары самим изготовителям, так как у них зарплата меньше, чем стоимость произведенных товаров (на величину прибавочной стоимости). Поэтому нужны новые рынки сбыта. Капитализм, по Р. Люксембург, – это первая хозяйственная форма, которая без других хозяйственных форм как ее среды и питательной почвы существовать не может. «Капитал – это организм, который не в состоянии обеспечивать собственное существование иначе, как устремляясь за свои пределы, обескровливая окружающую среду» [9, с. 219]. Капитализм – это вампир, высасывающий соки из покоренных народов. Капиталистические способы объединения мира ведут не к ослаблению, а к усилению эксплуатации, которую все труднее становится избежать.

Р. Люксембург отмечает такое новшество капиталистического завоевания: «Все завоеватели стремились завладеть страной и эксплуатировать ее, но никто не был заинтересован в том, чтобы лишить народ его производительных сил и уничтожить его социальные организации» [4, с. 262]. Как это делает капитализм, можно воочию увидеть на примере нашей страны в постсоветское время, хозяйство и социальные связи которой были уничтожены в течение нескольких лет. В глобальную эпоху к этому добавляется нечто более жуткое. Экологический императив требует физического уничтожения жителей оккупированных стран. Это можно осуществлять варварски, как делали ацтеки, принося пленников в жертву своим богам, а можно цивилизованно, устраивая, как получилось в России, «русский крест», на котором распинается ее народ. Впрочем, «русский крест» образно можно представить как «жертву» новому богу цивилизованного мира – «золотому тельцу». Людей лишают средств к существованию, т.е. того, что является главным для нынешнего бога. «С самого момента своего возникновения капитал стремится к тому, чтобы стать мировой властью, или, точнее, единственной мировой властью» [9, с. 212]. Капитализм – это механизм для продвижения тенденции глобализации, в том числе и потому, что способствует альтернативной глобализации эксплуатируемых.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что капитализм создает себе мир по своему образу и подобию, но «каждый сегмент некапиталистического окружения преобразуется по-своему и все они оказываются органично включенными в расширяющееся тело капитала. Иными словами, различные сегменты внешнего пространства ассимилируются не на основе мо-

дели подобия, но в качестве различных органов, совместно функционирующих в едином теле» [9, с. 214].

Капитализм ведет к формированию мирового рынка и мирового треста, а за этим следует политическое объединение мира. Это предвидел В.И. Ленин: «Не подлежит сомнению, что развитие идет в направлении к одному-единственному тресту, всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства» [3, с. 98]. В конце XX в., когда господствующей в мире стала капиталистическая идеология, объективные условия глобализации созрели.

Мы живем в расколотом, расщепленном мире, в котором господствуют социальные противоречия. Их обострение приводит к кризисам, становящимися глобальными. Социальные противоречия никуда не уходят из нашего мира, но под влиянием динамики его развития сдвигаются, видоизменяются, приобретают глобальный характер. Сейчас главное социальное противоречие не внутригосударственное противоречие между трудом и капиталом, собственниками предприятий и рабочими (данные противоречия остаются, но отходят на второй план), а глобальное противоречие между двумя группами государств – богатым Севером и бедным Югом. 1,2 млрд людей тратят меньше, чем 1$ в день на человека, 40 % населения планеты живут меньше чем на 2$ в день, в то время как 20 % населения потребляют 80 % мирового дохода. Относительный классовый мир в богатых странах покупается ценой обострения социальных противоречий в бедных странах, куда эти противоречия «сбрасываются» из первого мира. Подавляющее большинство населения Земли по-прежнему составляют эксплуатируемые.

Такой сдвиг противоречий прогнозировался теоретиками и практиками социал-демократии еще 100 лет назад в период становления империализма. К. Каутский писал о фазе ультраимпериализма, который поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собою общую эксплуатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом. Во главе осуществления данного идеологического проекта стоит самая могущественная страна мира и единственная на сегодняшний день сверхдержава – США. Этот проект прикрывается двумя дымовыми завесами: защитой их национальных интересов и борьбой с международным терроризмом.

Существует одно весьма распространенное заблуждение, которое во многом результат умелого манипулирования сознанием со стороны капиталистической идеологии. Оно заключается в том, что США, даже побеждая в войнах, не порабощают побежденные страны, а чуть ли не помогают им достичь вершин цивилизации. В качестве примеров здесь приводятся, конечно, не загнанные в резервации коренные жители Америки – индейцы и не привезенные из Африки в качестве рабов негры, а такие страны как Германия и Япония. Америка, победив их во 2-й мировой войне, якобы, затем помогла им в развитии экономики, утверждении демократических принципов власти и т.п. Отсюда недалеко до вывода о желательности передачи Соединенным Штатам или НАТО контроля над другими странами, чтобы они создали в них рыночную экономику и позаботились о правах человека и законности. Данные высказывания недалеко ушли от рассуждения Смердякова в «Братьях Карамазовых» о прогрессивности победы Наполеона в Отечественной войне 1812 года.

При этом явно и намеренно упускается из вида тот факт, что США были не единственным победителем во 2-й мировой войне, а партнером по коалиции, и что основная тяжесть борьбы с Германией легла на плечи СССР. Действия Вашингтона в отношении Японии и Германии были не столько следствием их победы, сколько фактором начавшейся «холодной войны» против Советского Союза. Тогда янки выступали на контрасте в роли доброго дядюшки по сравнению с Советами. Сейчас нет противника, которого надо превосходить, в том числе в великодушии, и мы видим, к каким результатам ведет «помощь» Вашингтона и международных организаций, фактически руководимых им, таких, как МВФ, ВТО, Всемирный банк и др. «Американский глобализм – это тоталитарная экономическая власть (финансовой олигархии в первую очередь), преследующая планетарные амбиции» [7, с. 21].

В экономической области «глобализация – это результат насильственного навязывания народам мира могущественными правительствами, особенно правительством США, торговых сделок и прочих соглашений, призванных облегчить корпорациям и богачам господство над национальными экономиками при отсутствии обязательств перед представителями этих наций» [10, с. 19]. Крупный финансовый капитал называют фактическим мировым правительством новой имперской эры.

Финансовая зависимость большинства стран мира от глобальной метрополии получила название денежного тоталитаризма. Стремительно растет внешний долг неоколониальных стран, причем выплаты по процентам превышают доходы этих стран от экспорта ресурсов. Помогать осуществлению целей глобального неоколониализма призваны различные международные организации, обычно находящиеся под эгидой США. Как отметил президент Аргентины, МВФ «действовал по отношению к нашей стране в качестве средства и орудия политики, порождавшей в аргентинском народе нищету и страдания» (11, с. 399-400]. МВФ определяет политику как на мировых рынках, так и в отдельных государствах.

Основатель концепции мировой экономической системы И. Валлерстайн проводит различие между мировыми империями прошлого и мировыми экономическими системами. Римская империя и колониальные империи капиталистических стран в XIX-XX вв. включали территории, объединенные военной и политической властью. У нынешней мировой экономической системы нет центральной политической власти, отсутствие которой и способствует ее развитию, поскольку транснациональные корпорации находятся вне контроля правительств отдельных государств, что дает им возможность свободно перебрасывать денежные средства через государственные границы и обходить политические запреты. Мировая экономическая система, согласно Валлерстайну, включает центральные государства и периферийные и полупериферийные регионы, которые, по сути, управляются ими.

Страны мирового центра (западные) и страны мировой периферии (все остальные) находятся здесь в неравном положении. Трудность стать субъектом мировой системы для развивающихся стран заключается не столько в нехватке природных ресурсов (часто они как раз имеют их в избытке), сколько в особенностях их современного развития. «Развивающиеся страны сегодня – это гибридные структуры, сочетающие разнородные в цивилизационном отношении, т.е. собственные и привитые со стороны (часто насильственно) начала. Ясно поэтому, что этим обществам значительно труднее приобрести форму самоорганизующихся систем, чем западным странам, генезис которых представлял собой автономный естественно-исторический процесс» [6, с. 185].

Концепция мировой системы служит ориентиром дальнейшей деятельности в данном направлении. Если использовать иную более адек-

ватную сегодняшней действительности терминологию, то можно сказать, что создается современный глобальный политический центр мира, в который входят страны Запада, прежде всего США. Он получил название Империи в том смысле, что отныне можно говорить об одной, глобальной империи, которая приходит на смену всем, существовавшим прежде.

Тем самым теряет смысл понятие внешней политики. Ее место занимает мировая внутренняя политика, безучастная к суверенным государствам, перестающим быть таковыми. США, присваивающие себе роль «демократического наставника всего человечества», «являются безжалостным и беспардонным агрессором, расчищающим себе жизненное пространство за счет других стран и в первую очередь – за счет России» [7, с. 276].

О. Шпенглер особенно выделяет такую черту западной души, как склонность к пространственной экспансии. С этим связана внутренняя агрессивность, подталкиваемая ориентацией на потребительство. Так сформировался тот агрессивно-потребительский тип личности, который Т. Драйзер охарактеризовал так: «С моей точки зрения, средний или, так сказать, стандартный американец – это странный, однобоко развивающийся характер: во всем, что касается материальной стороны жизни он сметлив и напорист <…> но внутреннего мира у него нет» [1, с. 325]. В капиталистическом обществе отчуждающийся от себя человек утрачивает «чувство самости». Индивид превращается в атом (атом и есть греческий эквивалент слова «индивид») и им «движет эгоистический интерес, а не чувство солидарности с ближним и любовь к нему» [8, с. 387]. Фромм задает вопрос: «Как же можно управлять человеком без принуждения, вести его без ведущего, побуждать к действию без какой бы то ни было цели» [8, с. 364]. Ответ таков: действуют безличные силы капиталистических производственных отношений и личные силы СМИ в условиях, когда люди читают одни и те же газеты, смотрят одни и те же программы телевидения и одни и те же фильмы. Человек не участвует в управлении. «Связь между актом голосования и важнейшими политическими решениями окутана тайной» [8, с. 429]. Это Фромм писал о США, что же тогда можно сказать о жителе колонии? Чем управляет он? Ситуация на самом деле еще плачевнее, потому что «если человек не может эффективно действовать, он не сможет и продуктивно мыслить» [8, с. 429]. В управлении индивидом достигнуты столь большие успехи, что человек может даже не замечать проблемы сохранения своей человечности, своего ду-

шевного и физического здоровья в обстановке чудовищного изощренного давления. Индивид может думать, что поступает, как хочет, а в то же время он полностью управляем в политической и экономической сфере, а свободен только в плане секса и примитивных развлечений.

Две главные ценности для агрессивно-потребительского типа личности - власть и деньги, и именно они, по свидетельству западных социологов (в частности, Р. Мертона), преобладают в западном мире. Концепция «воли к власти» Ф. Ницше имела такой потрясающий успех на Западе потому, что она отразила основную черту фаустовской души. Теперь появились реальные социально-политические основания для ее воплощения в глобальном масштабе.

Идеологические, политические, экономические и культурные причины западного варианта глобализации не уменьшают значение главной цивилизационной причины – стремления западной цивилизации к экспансии. Эти причины хорошо работают именно в тех людях, которые создали западную цивилизацию с присущими ей капиталистическими отношениями. Все это не могло бы осуществиться в другом человеческом материале, а реализовалось именно в западном человеке и привело к выработке определенной стратегии осуществления западного варианта глобализации.

Человек капиталистической идеологии – это Человек экономический, который думает, прежде всего, о собственном успехе. Он хотел бы приватизировать весь земной шар, кинув кость своим сообщникам и уничтожив большую часть человечества. Когда союзники ему уже не нужны, он может сбросить маску и сказать, как герой О'Генри: «Мне очень жаль, Билл, но Боливару не вынести двоих». Отрицательные последствия такого положения дел: 1) неизбежная глобальная война Запада со всеми другими странами, которые не могут не рассматривать его как их общего врага; 2) международный терроризм – неизбежное следствие становления системы глобального неоколониализма, и чем ближе будет казаться окончательная победа, тем сильнее будет террористический ответ.

Как вообще возможно добиться власти? Принципиально важным конкретно-научным положением, накладывающим ограничения на человеческую деятельность, является сформулированный в кибернетике «закон необходимого разнообразия». В соответствии с ним эффективное управление возможно только в том случае, когда внутреннее разнообразие управляющей системы не уступает внутреннему разнообразию управ-

ляемой системы. Для решения данной задачи следует или уменьшать разнообразие во внешней среде, или увеличивать собственное внутреннее разнообразие (путем развития науки, культуры, совершенствования умственных и психосоматических характеристик человека). Первый путь представляется более легким и часто предпочитают именно его.

Отсюда проистекают политические и культурные следствия данного стремления. Для целей управления надо упростить весь остальной мир. Людей пытаются превратить в «глобальное стадо» на основе разработанной техники манипулирования сознанием. Потому и внедряется массовая низкопробная культура, служащая целям оболванивания населения. «Самая темная сторона демократии, так же, как и автократии, в том, что она позволяет отдельным сильным личностям, если они достаточно беспринципны и коварны, и вместе с тем обладают известным личным обаянием, толкать широкие массы не столько даже к непосредственной гибели, сколько к отказу от своих естественных прав <…> а в некоторых случаях даже истреблять тех, кому дороги подлинные духовные интересы нации» [1, с. 330].

К. Маркс писал в XIX в., что капитализм ведет к отчуждению и самоотчуждению. В XX в. произошла еще и массовизация населения. При ней облегчаются процессы имитации, стайности, известные в животном мире как образование анонимной стаи. Массовизация ведет к разрушению семьи, неформальных общественных связей, способствует тому (особенно при развитии средств массовой информации), что какая-либо идея как вирус при эпидемии овладевает широкими слоями, становясь материальной силой. Вся культура становится массовой, тогда как каждый человек уникален, и не идеология должна внедряться в сознание, а люди должны самостоятельно формировать свое мировоззрение на основе культуры.

В период, когда появляется и растекается по общественному телу масса, идеология становится главной формой культуры, а остальные виды объединяются под названием массовой культуры – некоего суррогата, призванного развлекать и отвлекать массы от настоящего дела. Зрелища были в моде еще в Древнем Риме, но там не было идеологии. Римские тираны прямо без обиняков и оговорок осуществляли свои кровожадные желания и замыслы.

Понятие массовой культуры внутренне противоречиво, поскольку масса не обладает творческим потенциалом, а, стало быть, и не может

иметь культуры в ее истинном понимании. Однако вряд ли следует удивляться противоречию в названии того, что само в себе противоречиво. Произведения массовой культуры подлаживаются под интересы масс, испытывающих нездоровую тягу к насилию, жестокости и власти. С другой стороны, массовая культура есть то, что способно спасти массы от идиотизма монотонной повседневной жизни. Это как бы защитная реакция, которая духовно разрушает человека. Этим массовая культура отличается от высокой культуры, которая будит истинно человеческое. Культура отражает систему общественных отношений и характеризует самого человека. Засилье массовой культуры с ее проповедью силы, обеспеченной жизни и вседозволенности отражает отвлеченно-чувственную тягу современного человека к власти, потребительству и сексу.

Главное отличие массовой культуры – от культуры народной. Если народная культура призвана приобщить людей к народным традициям и жизни, то массовая культура выполняет в условиях всеобщей грамотности функцию отвлечения от народных основ. Народная культура создается для народа и творит народ. Как человек нормален, когда помнит свое прошлое, так и народ нормально существует, если сохраняет свои традиции, помнит свое прошлое, размышляет о смысле жизни и смысле истории. Массовая культура, напротив, ориентирована на массу и делает из людей массу как нечто инертное, не имеющее своей истории и философии.

Народ помнит все хорошее и плохое в своей истории. Как только мы отказываемся от этого, да еще повторяем модную ныне фразу «я никому ничего не должен», так сами выключаем себя из народа как целостного организма, становимся обособленным атомом массы, песчинкой, которая не хочет ни за что отвечать, и ей идут навстречу, она действительно ни за что не отвечает, но делает, что велят, и не в силах отказаться, потому что у нее отсутствует внутреннее нравственное ядро.

Народная культура национальна, массовая культура не имеет отечества. Подчеркивание слова «отечество» не случайно, потому что именно через историю и философию своего народа идет наиболее полноценное приобщение к культуре мировой. Точно так же, как изучение литературы в первом классе начинается с русских сказок и со стихов А. Пушкина, который тоже, по его собственным словам, начал приобщаться к культуре через русские сказки, рассказанные няней Ариной Родионовной, так и изучение истории и философии должно начинаться с

истории и философии национальной. Через душу, которая содержит в себе национальную компоненту, и через дух, включающий архетип народа, идет подлинное понимание культуры, которую легче воспринять человеку той же нации. Ф.М. Достоевский говорил о всемирной отзывчивости русской души, но начинать надо со своей культуры, а потом воспринимать и другие, иначе отзывчивость останется, а культурности не возникнет. Изучение собственной культуры – ступень, благодаря которой можно подняться до вершин мировой культуры и овладеть «знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Современное положение можно считать переходным к двум возможным состояниям. Первое из них – окончательное вырождение народа в массу, которая отупляется тяжелым трудом или, наоборот, теряя связь с трудом, разлагается в бессмысленном времяпрепровождении. Однако можно надеяться, что получившие грамотность, материальное обеспечение и возможность досуга обыватели смогут подняться к вершинам культуры и творческого труда. Наперед нельзя сказать, какой из вариантов осуществится, потому что процесс развития общества не естественно-исторический, протекающий сам собой. В конечном счете, все зависит от силы и направления желания людей, от того, как они будут жить и по какому пути пойдут. Ясно одно: пока существует масса, будет и потребность в идеологии как системе идей, приноровленных к массовому сознанию и управляющих им. А покуда такая потребность сохранится, не может быть отказа от идеологии. Идеология, понимая или нет, что своим триумфом обязана массе, стремится омассовить всех людей. Это круг, выход из которого заключается в индивидуальном усилии каждого стать личностью.

Легкость управления посредством упрощения обманчива, и она может привести к коллапсу, поскольку уменьшение разнообразия уменьшает стабильность социума. Если культура начинает упрощаться, то среда отвечает тем же, а социум в целом разрушается. Из вышеизложенного ясна связь между глобализацией и господством идеологии и массовой культуры, а также опасности, стоящие на ее пути.

В области культуры «современный человек в качестве вожделеющего существа формируется уже не национальной, а общемировой системой духовно-символического производства, но в качестве производящего субъекта его возможности по-прежнему ограничены местными национальными рамками» [6, с. 96]. Здесь следует отметить концепцию так на-

зываемых «референтных групп», которые навязывают свои взгляды, вкусы и потребности всему остальному населению планеты. Господствующая социокультурная модель «воплощает не столько своекорыстную волю класса, сколько принудительный дух, господствующее вожделение эпохи. Например, в наше время вожделенной целью является рост, процветание, благосостояние» [6, с. 112].

Капитализм является лучшей формой осуществления воли к власти, во-первых, потому что он основан на конкуренции и способствует тем самым проявлению и развитию воли к власти, а, во-вторых, потому что позволяет, концентрируя в своих руках экономическую и политическую силу, в наибольшей степени волю к власти осуществить. Конкуренция рассматривается порой не просто как необходимый элемент современной экономики, но и как основа человеческого поведения. Всем сейчас рекомендуют становиться конкурентоспособными и даже выводят из конкуренции прогресс общества. Как только в биологии появилась концепция Ч. Дарвина, где главным фактором эволюции в природе была объявлена борьба за существование, так тут же сформировалась концепция социал-дарвинизма, оправдывающая экономическое и политическое насилие в обществе тем, что оно является основой эволюции в природе. Социал-дарвинизм был распространен на государство, жизнь которого, по Р. Челлену, подчинена закону борьбы за существование, который проявляется в борьбе за пространство. Надо сказать, что фундаментом концепции Дарвина послужили труды Т. Мальтуса, который объяснял экономическое неравенство в обществе борьбой за существование. Дарвин распространил взгляды Мальтуса на природу, а социал-дарвинисты, в свою очередь, перенесли взгляды Дарвина обратно на общество. Тем самым капитализм с его конкуренцией и борьбой за существование предстал как путь к прогрессу.

Коль скоро речь зашла об эволюции, то, очевидно, следует уделить внимание ее механизму. С дарвиновских времен таковым считался естественный отбор: в конкуренции под давлением внешних условий побеждает тот, кто более приспособлен. Утвердить свои взгляды на эволюцию Дарвину помогла идея «выживания наиболее приспособленных», оправдывавшая несправедливости в обществе и подводившая естественнонаучную базу под западный индивидуализм, рыночный капитализм, либеральную политическую философию, «естественным» образом гарантируя процветание через конкуренцию.

Но в биологии XX в. утвердилась идея, что жизнь развивается как единое целое. ««Блочная сборка», информационный обмен, кооперация, симбиоз – вот на чем, как мы теперь видим, основывалось развитие жизни с самых первых ее шагов на Земле. Как это не похоже на старые представления о всеобщей безжалостной борьбе и изолированном одиноком пути каждого отдельного вида!» [5, с. 507]. Эволюция жизни становится все менее хаотичным и все более закономерным, направленным процессом. С точки зрения теории эволюции, чем дальше продвигается эволюционирующая система, тем более преобладают над борьбой за существование «гуманные» эволюционные стратегии симбиоза и кооперации, «ведущие к росту пластичности и снижению всевозможных потерь и отходов» [5, с. 365].

В свете современных естественнонаучных представлений конкуренция является одним из подчиненных, но отнюдь не определяющих моментов эволюции. Наоборот, конкуренция в природе может мешать развитию, как, например, слишком большие рога у самцов оленей, сражающихся за самку, ведут к деградации вида. А то, что концентрация экономической и политической власти в результате капиталистической конкуренции заведомо вредна для эволюции общества, изучение природы демонстрирует совершенно четко, поскольку данная концентрация, как и в природе, уменьшает социокультурное разнообразие в обществе, прямо пропорциональное устойчивости системы. Так что капиталистические проекты глобализации, в том числе и глобальный неоколониализм, ведут к инволюционной направленности развития общества. Совсем не удивительно в этой связи, что возникшие почти одновременно капитализм и колониализм совпали с превращением западной культуры в свою последнюю стадию – стадию цивилизации и начала заката Европы.

Литература

1. Драйзер Т. Собр. соч. В 12 т. Т. 12. М.: Правда, 1986.

2. Катасонов В.Ю. Мировая кабала. М.: Алгоритм, 2012.

3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 27. М.: Издательство политической литературы, 1965-1975.

4. Люксембург Р. Накопление капитала. М.-Л.: Изд-во «Соцэкгиз», 1934.

5. Марков А.В. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М.: Астрель: CORPUS, 2010.

6. Панарин А.С. Политология. М.: Проспект, 2001.

7. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Эксмо, 2006.

8. Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды К. Хорни и Э. Фромма. М.: Юрист, 1995.

9. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.

10. Хомский Н. Прибыль на людях. М.: Праксис, 2002.

11. Хомский Н. Несостоятельные Штаты: злоупотребление властью и атака на демократию. М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2007.

References

1. Draizer T. Sobr. soch. V 12 t. T. 12. M.: Pravda, 1986.

2. Katasonov V.Yu. Mirovaya kabala. M.: Algoritm, 2012.

3. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. V 55 t. T. 27. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1965-1975.

4. Lyuksemburg R. Nakoplenie kapitala. M.-L.: Izd-vo «Sotsekgiz», 1934.

5. Markov A.V. Rozhdenie slozhnosti. Evolyutsionnaya biologiya segodnya: neozhidannye otkrytiya i novye voprosy. M.: Astrel': CORPUS, 2010.

6. Panarin A.S. Politologiya. M.: Prospekt, 2001.

7. Panarin A.S. Narod bez elity. M.: Eksmo, 2006.

8. Fromm E. Zdorovoe obshchestvo. Psikhoanaliz i kul'tura: Izbrannye trudy K. Khorni i E. Fromma. M.: Yurist, 1995.

9. Khardt M., Negri A. Imperiya. M.: Praksis, 2004.

10. Khomskii N. Pribyl' na lyudyakh. M.: Praksis, 2002.

11. Khomskii N. Nesostoyatel'nye Shtaty: zloupotreblenie vlast'yu i ataka na demokratiyu. M.: STOLITsA-PRINT, 2007.

Э.Ф. Макаревич

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И МАССОВЫЕ ОБРАЗЫ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТРОЛЕ МАСС

Аннотация

Рассмотрено влияние политической идеологии на массовые образы. Глобальный контроль масс нужен для того, чтобы массы восприняли некий набор ценностей, определяющих их позицию в отношении образа жизни, власти и ведущих акторов на мировом политическом поле. Аргументирована позиция, что глобальный контроль масс – это приобщение масс к внесуверенной демократии, т. е. к демократии вообще, без учета истории, традиций, менталитета, архетипов народа. При этом, образы, создаваемые прессой, телевидением, радио, Интернетом образуют контент массовых коммуникаций на центральном, региональном и местном уровнях. Данные образы поддерживаются художественными образами с «фабрик массовой культуры». В этом же ряду – первые лица государств, сами «ставшие» образами, и активно презентующие миру образы своих стран. Обоснован тезис, что глобализация породила феномен антиглобализма. Доказано, что экспансия может идти под имперским флагом, что подразумевает существование и экспансию одного центра силы – Запада, а может – под флагом сопротивления, когда предполагается наличие взаимодействующих цивилизационных блоков и групп, в центре которых стержневые страны, отличающиеся цивилизационной идентичностью.

Ключевые слова:

глобализация, интересы, политическая идеология, политическая культура, массовые образы.

E. Makarevich

POLITICAL IDEOLOGY AND MASS IMAGES IN THE GLOBAL CONTROL OF MASSES

Abstract

Influence of political ideology on mass images is considered. Global control of masses is necessary in order that masses apprehended a certain set of the values defining their position concerning a way of life, the authorities and the leading actors on a world political field. The position that global control of masses – this familiarizing of masses with extra sovereign democracy, i.e. with democracy in general, without history, traditions, mentality, archetypes of the people is reasoned. Thus, the images created by the press, television radio, the Internet form content of mass communications at the central, regional and local levels. These images are supported by artistic images from «factories of mass culture». In the same row – the top officials of the states, the images of the countries which «became» images, and actively presenting to the world. The thesis is reasonable that globalization generated an anti-globalism phenomenon. It is proved that expansion can go under an imperial flag that means existence and expansion of one center of force – the West, and can – under the flag of resistance when existence of the interacting civilization blocks and groups, in which center the rod countries differing in civilization identity is supposed.

Key words:

globalization, interests, political ideology, political culture, mass images.

Глобальный контроль масс как новое состояние мирового порядка

Глобальный контроль масс нужен для того, чтобы массы восприняли некий набор ценностей, определяющих их позицию в отношении образа жизни, власти и ведущих игроков на мировой сцене. Он подразумевает формирование у населения различных стран потребностей в определенных стандартах жизни, деятельности, политики и культуры, задаваемых транснациональными корпорациями и центрами культурной и политической экспансии, распространяемых посредством глобального рынка, инструментов демократии, влияния на массы с помощью глобальных (не признающих границ) массовых коммуникаций – образования, пропаганды, массовой культуры и рекламы.

Глобальный контроль масс – это приобщение масс к внесуверенной демократии, т. е. к демократии вообще, без учета истории, традиций, менталитета, архетипов народа. Это процесс, ведущий к утрате национальной идентичности и национальных интересов. При глобальном контроле масс общецивилизационные ценности, «очищенные» от всего национального, ставятся во главу, а национальные – подавляются, разлагаются архетипы, коды нации и народа, деформируется их прошлое. За ценностными конфликтами стоит диктат глобального рынка, единой мировой системы потребления товаров, услуг и культурных ценностей, в том числе и языковых, – всего того, что объединено понятием «Запад».

Некоторые исследователи, озабоченные падением темпов роста западной экономики, уменьшением запасов природных ресурсов на западных территориях и – самое главное – неопределенностью в противостоянии военной мощи Запада иным цивилизациям, заговорили о том, что в условиях, когда совокупная военная мощь, экономические потенциалы стран мира начинают выравниваться, может начаться настоящий диалог цивилизаций. Вот одна из таких позиций: «Запад вынужден будет вступить в диалог, потому что его бьют на том поле, которое он всегда считал своим. Этот процесс будет продолжаться 10–20 лет. Мы вступили в переходный период, когда европейская цивилизация вынуждается к диалогу с незападной цивилизацией. Это вопрос ее конкурентоспособности» [3].

Все так. Диалог всегда прогрессивен, он выстраивает иные коммуникации. Но у Запада (что не принимают во внимание некоторые исследователи) есть более сильное оружие, повышающее его конкурентоспособность, чем военная мощь, – это способность западной интеллектуальной

элиты определять смысл жизни и существования народов и цивилизаций, политическую идеологию развития, и на этой основе создавать «ключевые послания», обращенные и к элитам этих народов, и к массам. Новые смыслы как обобщение культурных кодов, и новая политическая идеология становятся полем деятельности массовых коммуникаций, где самая эффективная технология – «бомбардировка» сознания народа мощным потоком сменяющихся образов (по Ж. Бодрийяру – симулякров). А это верный признак постмодернистской цивилизации. Поэтому глобальный контроль масс начинается с наступлением эпохи постмодерна.

Свобода, демократия, права человека без границ, деньги, собственность, религия, искусство, история, нравы, новые моральные ценности, новая политическая идеология являются сутью новых коммуникативных кодов, которые искусно внедряет Запад. Он умело добивается упорядочения социального, политического и психического, необъятного в своей комплексности. Как считает лидер немецкой социологии Н. Луман, «этот мир регулируется смыслом (последним обобщением кодов...)» [4, с. 105], смыслом, определяющим «ключевые послания» исходя из особенностей и ментальности масс. А за «ключевым посланием», политической идеей – производство образов и симулякров (образов образов) для влияния на массы.

Образы, создаваемые прессой, телевидением, радио, Интернетом (в новостях, репортажах, статьях, интервью, очерках, многочисленных ток-шоу, на «круглых столах», в дискуссионных клубах, документальных фильмах, интерактивных передачах, на презентациях), образуют контент массовых коммуникаций на центральном, региональном и местном уровнях. Эти образы поддерживаются художественными образами с «фабрик массовой культуры», чей «продукт» – литература, фильмы, музыка, представления, спектакли, шоу и т.п. В этом же ряду – первые лица государств, сами «ставшие» образами, и активно презентующие миру образы своих стран.

Вещная среда, особенности жизни людей, свойственные определенным цивилизациям, странам и народам, тоже трансформируются в образы, которые распространяются посредством знаний, идей, товаров и услуг, средств массовой информации, рекламы, «фабрик массовой культуры».

Вся эта совокупность образов, «переплавленная» в симулякры, хотя и произведена на основе смыслов, при достижении «критической массы» ищет возможности для свободного развития, где «движение – все, цель –

ничто», где цели замещаются моделями потребления, где господствуют ценности постмодерна.

Образы в своем превращении в симулякры, в коды ориентируются не только на «ключевые послания». Ориентиром для них становятся также стандарты и рейтинги, по которым оцениваются страны, жизнь людей и деятельность элиты. Запад весьма преуспел в конструировании таких стандартов и рейтингов, используя их в качестве маяков на пути развития стран и народов.

Глобальный контроль масс направлен на то, чтобы коды элиты и власти определенной страны и медийные коды, предлагаемые Западом, совпадали. Главное, чтобы не разнились коды, доминирующие во всех сферах социума [7, с. 69]. Деньги и собственность, сведенные в понятия «рынок» и «бизнес», – это код-доминанта. И если психическая система, по Луману, определяется сознанием как операционной формой действия, то социальная система определяется коммуникацией.

Поэтому коммуникация, руководствующаяся кодом «рыночного фундаментализма», всевластием «купли-продажи», порождает кризис в определении смысла жизни этносом, нацией, народом на определенной территории. Коды социума – архетипы, мифы, традиции, обычаи, нравы, – столетиями живущие в народном сознании, в случае несовпадения, в случае столкновения с кодами коммуникаций, с политическими и ценностными кодами стоящей за ними элиты порождают кризис сознания, завершающийся либо принятием новой ментальной идентичности, пусть и в болезненной форме, либо социальным взрывом, отвергающим новые смыслы как «текущую актуализацию возможностей» [5, с.105].

Такого рода столкновения кодов реально можно увидеть, изучая результаты социологических разработок последних лет. Из данных исследования Института социологии РАН, опубликованных в конце 2007 г., ясно, как россияне искали ответ на вопрос, в каком обществе им хочется жить. Из всех опрошенных, 47% имели «традиционалистские» взгляды на роль государства и общества, которые ответственны за своих граждан; 20% были убежденными сторонниками новых ценностей, когда личность видит себя обособленной от государства и общества и надеется только на себя; 33% придерживались «промежуточных» взглядов [1].

Исторические события, связанные с изменением ментальности, от которого рукой подать до политических изменений, указывают на одно: чем

технологичнее коммуникации, чем шире круг используемых возможностей и, чем «объемнее» массовое общество, тем чаще новые ценности завоевывают сознание и чувства этноса, нации, народа.

В «холодной войне» Запада и Советского Союза – войне смыслов, ценностей, «ключевых посланий» и образов победил Запад. А побежденные заговорили о толерантности и занялись перестройкой своих кодов, смыслов и ценностей, ориентируясь на Запад. Этот процесс отчасти претерпел изменения, когда российская интеллектуальная элита сконструировала некий символ, наполненный смыслом суверенной демократии, когда поняла, что «тот, кто говорит, тот формирует реальность», то есть, когда вняла призыву формировать новые смыслы и «ключевые послания». Но сумеет ли этот символ вкупе с этим призывом повлиять на судьбу ментальной идентичности нации, усердно создаваемой новыми коммуникациями?

Образы для нации и страны в глобальном мире

Если масса – громадное большинство «средних» людей, независимо от того, к какому классу и слою они принадлежат, если масса – это большая часть народа, то чем она объединена? Вероятно, некими ценностями, потребностями и стремлением к определенному психологическому состоянию. Именно в этом качестве масса является оплотом устойчивости и прогресса общества. Поэтому правящая элита всегда ведет борьбу за массу, за контроль над ней – на выборах, на «политических баррикадах», в общественном производстве, в сфере потребления и в сфере ценностей.

Ценность рассматривается как значимость того или иного объекта окружающего мира для человека, социальной группы, слоя, класса, общества в целом. Эта значимость определяется не свойствами объектов самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности: социальных отношений, интересов, потребностей людей. Различают ценности материальные, духовные, общественно-политические, нравственные, жизненно-бытовые, народные (традиции, обряды).

В глобальном мире жизненные ценности, как индивидуальные, так и общественные, формируют не столько культура и система образования, сколько «потребительский» бизнес. Потребление и деньги становятся главным фетишем мира. Тон задают транснациональные корпорации, работающие на глобальных потребительских рынках, на рынках услуг, занимающиеся производством компьютерных систем и программного обеспече-

ния, систем связи, теле- и видеосистем, бытовой техники, автомобилей, одежды, фармацевтических и косметических товаров, продуктов питания.

Что касается образования, массовой культуры, рекламы, то бизнес заставляет и их подчиняться законам рынка. Потребительские настроения населения приводят к небывалому расцвету массового общества, которым удобно управлять. В эпоху глобализации процесс манипулирования – тот же социальный контроль масс, который подразумевает обеспечение социальной стабильности посредством использования инструментов демократии, реализации потребительских прав человека и влияния на массу с помощью образования, религии, пропаганды, массовой культуры и рекламы.

Глобальный контроль масс ориентируется в значительной мере на «консервирование» узкой «специализации» страны в производстве определенной группы товаров и на потребительское общество, для которого характерны широкое распространение потребительских настроений, удовлетворяющий покупателей рынок товаров от мировых производителей, возможность получения потребительских кредитов, разнообразные виды социального страхования, практика выделения пособий малоимущим. Все эти особенности, свойственные потребительскому обществу, способствуют превращению людей в потребителей «без границ».

Массовое потребительское общество лучше всякой пропаганды «привязывает» человека к существующей социальной системе посредством зарплаты, кредитов, пособий, товаров, страхования, владения акциями компаний и т.д. А массовые коммуникации – пропаганда, образование, массовая культура, реклама – учат определенным приемам и методам жизни в потребительском обществе, усиливают желание пользоваться его благами. Потребительское общество – это основа социального контроля масс в условиях глобализации.

В наши дни потребительское общество стоит рассматривать как массовое общество, в котором господствуют массовое производство и потребление, массовые коммуникации и массовое сознание, в итоге ориентирующееся на потребительские ценности.

Эффективность и мощь коммуникаций в глобализирующемся обществе зависит от их качества, т.е. от культуры, которая, в свою очередь, определяется степенью включенности в процесс глобализации, степенью использования новейших управленческих и информационных технологий. Культура коммуникаций предполагает применение самых современных ме-

тодов влияния на страны и народы, обращение к высшим достижениям в технологиях управления экономическими и политическими кризисами, в технологиях противостояния вызовам и угрозам, исходящим от центров экспансии, или в подавлении сопротивления экспансии.

Глобальная культура массовых коммуникаций – это культура постмодерна, культура распространения внесуверенного и вненационального содержания через границы стран и регионов. Эта культура определяется деятельностью транснациональных центров (полюсов) разработки смыслов, символов, стандартов, которые задают некую матрицу для производства и экспансии культурных, идеологических и политических «продуктов» посредством глобальных культурных и политических каналов коммуникации. Матрица (от лат. matrix – источник, начало) означает общую основу, некую схему, исходную, первичную модель, форму, задающую последующее воспроизведение смыслов, символов, стандартов.

Глобальная культурно–идеологически ценностная матрица, ориентированная на поддержание или изменение отношений в обществе определенной страны, задает ориентиры духовной жизни. В объединяющемся мире центры производства и экспансии смыслов, ценностей, символов и стандартов являются, как правило, частными структурами, нередко состоящими с государством в партнерских отношениях. Благодаря этим отношениям они контролируют производство и трансляцию новостей, произведений массовой культуры, развивают кинематограф, Интернет, телевидение, компьютерные технологии. Эти центры принадлежат развитым державам мира, прежде всего США, чья интеллектуальная мощь определяется как деятельностью множества университетов, научных и культурных институтов, фондов, ассоциаций, PR-компаний, привлекающих талантливых ученых и специалистов со всего мира, так и интенсивностью посылаемых месседжей.

Экспансия продуктов, созданных по культурно-идеологическо-ценностной матрице, – это своего рода гуманитарное управление глобализацией. В США обрела значимость идея того, что необходимо убедить элиты других стран в том, что глобализация первична, а интересы этих стран – вторичны. Выступая как центр культурно-идеологически-ценностной экспансии, осуществляя глобализацию на основе собственной системы ценностей, США отказывают России в возможности проявить свои культурно-идеологические инициативы, предлагая при этом свой набор культурно-

идеологических «продуктов», смыслы и образы которых представлены определенной мифологией.

Американская глобальная матрица памяти в течение двух последних десятилетий навязывает России такие смыслы и образы:

– более чем семидесятилетнее существование Советского Союза – «черная дыра» в истории России;

– вторую мировую войну, которую развязали Советский Союз и фашистская Германия, выиграли США, разгромив вместе с Англией, Францией и Канадой гитлеровскую Германию;

– система границ, установленных после второй мировой войны, несправедлива;

– после второй мировой войны в Восточной Европе на смену фашистской оккупации пришла советская;

– США – победитель в «холодной» войне с Советским Союзом;

– модернизация России возможна только через вестернизацию;

– распространение демократии и свободы во всем мире – священная миссия США, и Россия, ориентируясь на западные оценки демократии в ней, должна поддерживать американскую внешнюю политику.

Центры культурно-идеологически-ценностной экспансии, существующие в основном в США, создают определенную мифологию, которая, закрепившись в сознании людей, должна «растворить» их самоидентификацию, превратить из граждан своих стран в граждан мира. История стран подменяется «научной» мифологией, которая часто близка к фальсификации, и на которую работают исследовательские и PR-центры в США и Европе.

Эту тенденцию уловил А. Зиновьев: «Запад, выигравший в эволюционной войне, стал насильственно навязывать миру определенный способ понимания реальности, который стал изображаться как единственно допустимый и правильный». Он так объясняет этот вывод: «Это было начало одной из величайших трагедий истории. Это сделали новые хозяева мирового интеллекта. Они им овладели и творят с ним то, что соответствует их интересам и силе... Интеллектуальная среда загрязнена, отравлена, изуродована еще больше, чем среда природная. И это не вызывает никакой тревоги ни у кого, вообще не замечается и не воспринимается как явление катастрофическое» [2, с. 322].

Глобальная культура коммуникаций характеризуется «продаваемостью» смыслов, произведений, символов и стандартов, т. е. превращением их в товар и распространением его. Смыслы и ценности, рождаемые в центрах экспансии, всегда покушаются на национальную историю, на национальные идеалы и святыни. Они дают новые исторические трактовки, предлагают новые концепции устройства экономической, политической и социальной жизни в той или иной стране. И они не всегда сочетаются с понятиями национальной независимости, справедливости, национального менталитета, национальных традиций.

Но они продаются – и их «покупают». Их «покупает» та часть национальной элиты, так называемой новой интеллигенции, которая есть во власти и в сфере интеллектуального труда в каждой стране. Эти новые деловые люди поклоняются новым фетишам, главный из которых – деньги. Они прагматичны и всё, в том числе и нравственные нормы, меряют ценой выгоды и экономической пользой. А когда эти люди консолидируются во власть, они преобразуют ее во власть рынка. Человеку не дают стать личностью, а превращают его в «рыночного» человека, которым можно эффективно манипулировать. Кредо некоторой части «новой интеллигенции» можно выразить так: «У России есть единственный шанс остаться великой державой – стать полноценным партнером США, принять «американскую систему» ценностей».

«Продаваемости» смыслов в условиях глобализации, когда границ для товаров, денег и идей не существует, способствует то, что нация рассматривается как бренд, а государство – как корпорация, управляющая этим брендом [6]. В этом случае национальный суверенитет определяется потенциалом и возможностями национального бренда. Сила власти, национальной культуры уступает силе имиджа, бренда, репутации народа, способного качественно производить определенную группу товаров, которая у других народов получается хуже.

Соединение конкретных товаров с конкретным народом рождает мировой бренд. Один народ «припечатывается» брендом лучшего производителя колбасы и пива, другой – компьютеров, программного обеспечения, третий – самолетов, автомобилей, четвертый – поп-музыки, кинофильмов и т.д. Один народ признается суперразвитым, другой – менее. Но уравнивает их то, что у каждого есть свой бренд: один народ – одна группа товаров – один бренд.

А раз есть бренд, то позиционирование нации в мире можно вести по законам маркетинга, как продвижение товара с помощью глобальных финансовых коммуникаций.

Продавать товар, прикрытый брендом нации, несравненно легче:

«Кем сделан этот пассажирский авиалайнер?» – «Американцами». – «О'кей, он будет хорошо продаваться».

«Где снят этот кинофильм?»– «В США». – «О'кей, хорошо пойдет!»

Важно убедить в этом менее развитые страны. Для этого есть инструменты социального контроля масс, которые, по сути, «консервируют» узкую специализацию народов и стран в условиях глобализации и делят народы и страны на более и менее развитые.

Появилось новое понятие – «управление национальным брендом», которое предусматривает четкое выделение тех регионов, у народов которых определенные материальные продукты не получаются, а также не получается производство смыслов и идейных ценностей. Вот тогда происходит насыщение территорий проживания этих народов соответствующей «продукцией» от тех наций, у которых все получается лучше, даже смыслы и мифы.

По мнению теоретиков «продаваемости» смыслов и ценностей, бренд нации должен быть связан не только с продуктом, который нация хорошо производит, но и с социально-психологическими чертами народа, с его историей, с тем, как сегодня воспринимается нация.

Если в истории есть изъяны – это минус для бренда, минус для товара, который хорошо производит эта нация. Если нация сейчас не так «себя ведет», не так реагирует на события, как хотелось бы центру экспансии, – это тоже минус для ее товаров. Значит, нужно корректировать национальную идентичность такого народа. Вместе с ведущими центрами экспансии государство на данной территории должно включиться в работу по формированию нового менталитета нации, для того чтобы создать зонтичный бренд, охватывающий группу товаров, ассоциирующихся с этой нацией.

На страже «материальных» национальных брендов стоит Всемирная торговая организация, чья активность больше связана с регулированием торговых потоков, нежели с технологическим развитием стран и народов.

В некоторых западных центрах экспансии Россию уже «припечатали» брендом сырьевой державы, а ее народ рассматривают как сообщество людей, способных только добывать в суровых условиях нефть, газ, уголь и

производить чугун и сталь. Достижения в сферах науки, освоения космоса, культуры, можно сказать, «бросают тень» на бренд страны-«сырьевика». Не потому ли нацию нужно «скорректировать» – отнять у страны победу во Второй мировой войне, придать забвению научные и промышленные взлеты, поспособствовать устранению остатков высокотехнологичных производств, предложить по «рыночной» цене новые ценности?

На корректировку идентичности нации и нацелены глобальные коммуникации. Эффективность этой корректировки определяется способностью глобальных коммуникаций посредством образования, массовой культуры, рекламы, пропаганды и политических технологий обеспечить восприятие населением созданных на основе центровой матрицы в центрах экспансии новых смыслов, мифов, символов и стандартов. Вырабатывая эти «продукты», центры экспансии преуменьшают роль социальных условий и предлагают лидерам политики и бизнеса в решении социальных и политических проблем опираться на такие понятия, как «бренд» и «имидж». Эти центры создают такую культуру коммуникаций, которая нацелена на формирование соответствующего общественного мнения, на управление этим мнением, без чего невозможен глобальный контроль масс, противостоять которому может культура «самобытного сопротивления».

Цивилизационная идентичность России как образ сопротивления

Глобализация как экспансия, порождаемая западной цивилизационной системой, «размывает» нации, экономики, культуры тех стран, которые вошли в эту систему, но допущены лишь на периферию ее. Одна из таких стран – Россия, ставшая после распада СССР частью западной цивилизации. Вхождение ее в глобальный мир потребовало определенной «платы» – она стала поставщиком сырья – нефти, газа и металлов, и промышленным цехом сборки западных товаров и продуктов, цехом, в котором ценятся дешевые рабочие руки. В сфере второстепенной оказались высокие технологии, «прогрессивные» продукты, наука, образование, культура, то есть те достижения, которые определяют лицо и «повестку дня» для глобального мира, становятся локомотивом истории, задают перспективы развития стран и народов.

Но против такого положения России, в которое поставила ее правящая элита в последние два десятилетия, восстает ее цивилизационный потенциал, имеющий великую историю, культуру, достаточную энергетику

народа, не утратившего свою пассионарность. И это «восстание» должно определить образ новой России, которая ищет свою цивилизационную идентичность, чтобы стать страной-стержнем российской цивилизации – «русского мира».

С понятием стержневых стран познакомил общественность американский исследователь С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций»: «В… глобальной политике стержневые государства главных цивилизаций занимают места двух сверхдержав периода «холодной войны» и становятся основными полюсами притяжения и отталкивания для других стран. Эти изменения наиболее явно видны в западной, православной и синской цивилизациях. Здесь возникают цивилизационные группы, в которые входят стержневые государства, страны-участницы, родственное в культурном плане меньшинство, проживающее в соседних странах, и… народы других культур, которые проживают в соседних государствах. Страны в этих цивилизационных блоках зачастую можно расположить концентрическими кругами вокруг стержневой страны или стран, отражая степень их отождествления (читай, идентичности – авт.) с этим блоком и интеграции в него… Странам свойственно «примыкать» к странам со схожей культурой и противостоять тем, с кем у них нет культурной общности» [8, с. 238, 252].

В своем сочинении С. Хантингтон относит Россию к стержневому государству, которое возглавляет блок государств, имеющий православный центр. При этом он отмечает, что если Советский Союз был сверхдержавой с глобальными интересами, то «Россия – это крупная держава с региональными и цивилизационными интересами». Президент США Б. Обама, впечатленный Хантингтоном, в связи с правым ультра-националистическим переворотом на Украине в 2014 году, не уставал повторять, что Россия – это не сверхдержава, а региональная держава, создающая проблемы для своего окружения. При этом, он игнорировал цивилизационный аспект России, о котором говорил Хантингтон. Американский президент пытался превратить тезис Хантингтона о цивилизационных интересах России в коммуникационный образ России, как региональной державы. Но роль России, как стержневого государства с цивилизационными интересами, шире региональных интересов. И вот почему.

Процесс глобализации в мире развивается в направлении цивилизационных блоков и групп. Цивилизационная группа – это объединение стран на основе цивилизационной идентичности, идею которой предлагает

стержневое государство, выполняя роль полюса притяжения для других стран. На роль такого стержневого государства сегодня претендует Россия, ибо за поиском ею цивилизационной идентичности стоит вся сила российской истории и культуры, имеющей мировое значение. Именно российская история и культура – духовная, научная, технологическая, промышленная – еще в советское время обеспечивали единство народов, входящих в Советский Союз, и сверхдержавность СССР.

В этом поиске цивилизационной идентичности Россия становится центром кристаллизации смыслов, образов развития, объединяющих родственные в культурном значении народы соседних стран. В притягивающем поле такой кристаллизации и произошло вхождение Крыма в состав России весной 2014 года по волеизъявлению его народа, высказанному на референдуме.

Но чтобы «восстание» цивилизационного потенциала в России успешно развивалось, необходимо изменение российской элиты. Это должно быть изменение парадигмы ее ценностей, ее стиля жизни и деятельности, освещенной «цивилизационным» патриотизмом, который в свою очередь требует созидания и творчества.

К пониманию цивилизационного патриотизма лучше всего подходит «патриотическая» формула А.П. Чехова, которую он изложил в письме к А.С. Суворину в декабре 1890 года. Вот его суждение: «… как дурно понимаем мы патриотизм! … Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний – нахальство и самомнение паче меры, вместо труда – лень и свинство, справедливости нет, понятие о чести не идет дальше «чести мундира», мундира, который служит обыденным украшением наших скамей для подсудимых. Работать надо, … надо быть справедливым, а остальное все приложится» [9, с. 311-312].

По сути, чеховская формула патриотизма (знание, труд, справедливость, честь) говорит о культуре – о культуре знания и культуре как нравственности, к которой относятся честный труд, справедливость (надо понимать, социальная) и честь, как совесть и достоинство.

«Восстание» цивилизационного потенциала в России – это фактор гуманитарного сопротивления глобальной экспансии западного проекта.

В глобализированном мире возникает гуманитарное сопротивление. Оно предстает в виде рождающихся центров цивилизационной идентичности, цивилизационной кристаллизации, способных производить смыслы и

образы, товары и услуги, несущие знак «суверенных» обществ, сопротивляющихся унификации ценностей, диктату корпораций, «работающих» на процесс глобализации или вестернизации. На философском языке центры цивилизационной идентичности или цивилизационной кристаллизации – это те же цивилизационные блоки и группы стран. Страны объединяются в эти блоки не на основе того, какие они – «развитые» или «развивающиеся», а прежде всего, на основе близости культур, суверенности развития, своего видения прогресса.

С. Хантингтон в своей теории столкновения цивилизаций видит гуманитарное сопротивление и как религиозный подъем. Исходя из цивилизационного подхода, он делает вывод, что народы вернуться к своим традиционным основам: «Наиболее очевидная, наиболее важная и мощная причина глобального религиозного подъема проявляется в том, что виделось причиной грядущей смерти религии: процесс социальной, экономической и культурной модернизации». Именно в этом ракурсе глобализация породила феномен антиглобализма, то есть сопротивления.

Экспансия может идти под имперским флагом, что подразумевает существование и экспансию одного центра силы – Запада, а может – под флагом сопротивления, когда предполагается наличие взаимодействующих цивилизационных блоков и групп, в центре которых стержневые страны, отличающиеся цивилизационной идентичностью.

Литература

1. Добрынина Е. Россия как она есть // Известия. 2007. 24 дек.

2. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: 2006.

3. Кувалдин В. Б. Новое похищение Европы // Известия. 2008. 16 июня.

4. Луман Н. Власть. М., 2001.

5. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.

6. Малкин В. Ребрендинг государства. Ведомости. 2006. 27 нояб.

7. Попов В.Д. Социальная информациология – наука XXI века. М., 2004.

8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005.

9. Чехов А.П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14: Из записных книжек; Дневниковые записи; Избранные письма. 1877-1891. М.: Книжный Клуб Книговек. 2010.

References

1. Dobrynina E. Rossiya kak ona est'. Izvestiya. 2007. 24 dek.

2. Zinov'ev A.A. Faktor ponimaniya. M.: 2006.

3. Kuvaldin V. B. Novoe pokhishchenie Evropy. Izvestiya. 2008. 16 iyunya.

4. Luman N. Vlast'. M., 2001.

5. Luman N. Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii. SPb., 2007.

6. Malkin V. Rebrending gosudarstva. Vedomosti. 2006. 27 noyab.

7. Popov V.D. Sotsial'naya informatsiologiya – nauka KhKhI veka. M., 2004.

8. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii. M., 2005.

9. Chekhov A.P. Sobranie sochinenii: v 15 t. T. 14: Iz zapisnykh knizhek; Dnevnikovye zapisi; Izbrannye pis'ma. 1877-1891. M.: Knizhnyi Klub Knigovek. 2010.

А.В. Костина,
В.А. Луков,
Г.П. Хорина

КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ (ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация
В статье рассматривается национальная безопасность России в аспекте развития культуры; анализируются основные идеологические принципы, которые выступают основой национальной безопасности – такие, как формирование гражданской идентичности, уважение к собственной истории, активное приятие государственной символики и мифологии, равноправие культур и языков малых народов на основе признания доминирующей роли русского языка как языка общенационального общения, патриотизм народа. Авторы уделяют внимание основным позициям таких документов, как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и Стратегия национальной безопасности США, принятая в 2015 г., анализирует ведущие постулаты Концепции внешней политики РФ, обращается к принципам Основ государственной культурной политики России. Аргументирована позиция относительного того, что единственным эффективным оружием, позволяющим противодействовать информационному воздействию – это воспитание у подрастающего поколения способности понимать причины и следствия происходящих событий, самостоятельно осмысливать информацию, распространяемую каналами массовой коммуникации, это обеспечение приоритетного культурного и гуманитарного развития как основы экономи-

A. Kostina,
V. Lukov,
G. Horina

CULTURE AND NATIONAL SECURITY OF RUSSIA: BASIC IDEOLOGICAL PRINCIPLES (POLITOLOGICAL ANALYSIS)

Abstract
In article the national security of Russia in aspect of cultural development is considered; the basic ideological principles which act as a basis of national security – such as formation of civil identity, respect for own history, active acceptance of the state symbolics and mythology, equality of cultures and languages of the small people on the basis of recognition of the dominating Russian role as language of national communication, patriotism of the people are analyzed. The authors pays attention to the main positions of such documents as Strategy of national security of the Russian Federation till 2020 and the Strategy of national security of the USA accepted in 2015 analyzes the leading postulates of the Concept of foreign policy of the Russian Federation, addresses to the principles of Fundamentals of the state cultural policy of Russia. Is reasoned the position of relative that by the only effective weapon allowing to counteract information influence – this education at younger generation of ability to understand causes and effects of the occurring events, independently to comprehend information distributed by channels of mass communication, this ensuring priority cultural and humanitarian development as bases of economic prosperity, the state sovereignty and civilization identity of the country.

ческого процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны.

Ключевые слова:
культурная политика, идеология, гражданская идентичность, патриотизм, национальная безопасность.

Key words:
cultural policy, ideology, civil identity, patriotism, national security.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 [20], культура выделяется – наряду с экономическим ростом, повышением качества жизни, поддержанием экологии живых систем, рациональным природопользованием, стратегической стабильностью и равноправным стратегическим партнерством – в качестве приоритета устойчивого развития и одного из ведущих факторов национальной безопасности (п. 24). Параграф 7 Стратегии полностью посвящен культуре. В нем обозначены стратегические цели обеспечения национальной безопасности в сфере культуры, среди которых – «расширение доступа широких слоев населения к лучшим образцам отечественной и зарубежной культуры и искусства путем создания современных территориально распределенных информационных фондов; создание условий для стимулирования населения к творческой самореализации путем совершенствования системы культурно-просветительской работы, организации досуга и массового внешкольного художественного образования; содействие развитию культурного потенциала регионов Российской Федерации и поддержка региональных инициатив в сфере культуры» [20].

В документе роль культуры «для возрождения и сохранения культурно-нравственных ценностей, укрепления духовного единства многонационального народа Российской Федерации и международного имиджа России в качестве страны с богатейшей традиционной и динамично развивающейся современной культурой, создания системы духовного и патриотического воспитания граждан России, развития общей гуманитарной и информационно-телекоммуникационной среды на пространстве государств» признается первостепенной [20].

Понятие «культура» встречается в документе 31 раз. Для того, чтобы оценить сам этот факт, подтверждающий признание культуры на законодательном уровне в качестве одного из основных факторов национальной безопасности, показательно сопоставить данный документ со

стратегией национальной безопасности США, принятой в 2015 г. Опуская ставшую привычной риторику США, подтверждающую произвольную трактовку Америкой норм международного права, относительно их готовности «применять военную силу, при необходимости используя ее в одностороннем порядке» (Раздел 2. Безопасность) и необходимости «сформировать контуры нового мирового экономического порядка, который будет и впредь отражать наши интересы и ценности» [21] (Раздел 3. Благосостояние), обратимся к вопросу культуры и его отражению в Стратегии.

В данном документе понятия «культура» нет. В принципе, этот факт может быть объяснен особенностями языковой практики. В частности, понятие «культура», входящее в активный словарь русского или немецкого языка, в английском и французском словаре заменяется таким понятийным эквивалентом, как «цивилизация», соотносимым, в большей степени, с социально-политическим, а не ментально-духовным содержанием. Однако и понятие «цивилизация» в данном документе не используется. Нет в нем понятий «духовность», «ментальность», «традиция», «история» (исключение составляют словосочетания «исторические возможности», «история человечества» и т.п.).

В значительной степени этот факт связан с тем, что Америка – относительно молодое государство, основанное чисто политическим и законодательным путем. Отцы-основатели исходили как раз из того, что американская нация образуется на основе гражданства и объединяется вокруг тех целей и принципов, которые соотносятся с принципами либерализма. Однако что касается истории Америки, то она испытывает сильнейший дефицит тех исторических символов в виде памятников зодчества, литературы, искусства, университетской культуры, культурного наследия, которые имеют столь же почтенный возраст, как аналогичные символы в близкой ей по духу Европе. Истребление во время завоевания Америки коренных индейских племен и народов, рабство, сохранявшееся вплоть до недавнего времени – такая история тщательно маскируется индейскими резервациями, где сохраняются остатки культурного и этнического своеобразия и замещением в словаре слова «негр» словом «афроамериканец».

Конечно, сказанное не означает отрицания действительных достижений американской культуры, речь идет о дефиците историчности и того, что составляет фундамент любой культуры (причем, эту проблему не сни-

мают прекрасно сохранившиеся памятники цивилизаций до-Колумбовой Америки [13]). Отсюда – множество исторических «подделок», симулякров, служащих поддержанию иллюзии о собственной богатой истории. Среди них – современные американские версии европейских феодальных замков, копии средневековых католических монастырей, и даже, как отмечает Ж. Бодрийяр, Христианский купол, который представляет собой, по мнению автора, «совершенную подделку» и «спецэффект» [2, с. 67]. Кроме этих артефактов, не претендующих на подлинность, но как бы ее воссоздающих, существуют также явные копии. У. Эко подобным образом интерпретирует акт о продаже Манхэттена, претендующий на подлинность, но оригинал которого, в отличие от «состаренного», был составлен не на английском, а на датском языке [22, с. 65].

Что содержится в американской стратегии безопасности соотносимого со сферой культуры? – В нем есть понятие «ценность». Среди американских ценностей названы: «равенство», «демократия», «свобода слова, вероисповедания», защита слабых – этнических и религиозных меньшинств, людей с ограниченными возможностями, лесбиянок, гомосексуалистов, бисексуалов и трансгендеров, перемещенных лиц, рабочих-мигрантов (Стратегия…, Раздел 4. Ценности). В задачи автора статьи не входит анализ реализации на практике Америкой этих декларируемых ценностей – достаточно упомянуть продолжающиеся волнения в Балтиморе, вызванные гибелью афроамериканца во время его ареста, отражаемые в Интернете под заголовками «Полицейский беспредел в демократичной Америке».

Точно так же, как нет необходимости еще раз обсуждать проблему защиты прав меньшинств, которые сегодня многие начинают воспринимать как «диктатуру» меньшинства, как «не меньшее, а скорее большее зло, чем любая политическая диктатура, ибо она прикрывается лозунгами классической демократии» [3]. Такая практика предоставления привилегированных прав меньшинствам – разрешение индейцам в рамках их религиозных обрядов употреблять один из видов наркотика – пейот, освобождение решением Верховного суда амишей от некоторых социальных обязательств, выполнение которых противоречило бы их установленным традициям, разрешение на освобождение от посещения школы детей мусульман из-за необходимости молиться несколько раз в день в установленное религией время, освобождение отдельных этнических групп от

участия в федеральных программах социального и медицинского страхования [3] – по мнению самих американцев – и просто граждан и исследователей [1, с. 62-67, 84, 184.] – нарушает права большинства в пользу прав меньшинств, что противоречит принципам демократии. Все эти факты ставят под вопрос правомерность обозначения ценностей США как справедливых и, тем более, универсальных.

Вместе с тем, в Стратегии декларируется необходимость формирования контуров «нового мирового экономического порядка», исходящего из признания США в качестве мирового лидера, а американских ценностей – как отражения «всеобщих ценностей», которые Америка отстаивает во всем мире. И это несмотря на то, что ценности либерализма и демократии не являются универсальными – по крайней мере, они получают столь специфическое наполнение в границах не-западной цивилизации, что само понятие отражает принципиально иное их содержание. И та цивилизационная специфика, о которой писал С. Хантингтон, сегодня не только не сгладилась, но, напротив, стала очевидной для всех – Ближний Восток и Северная Африка – Сирия, Ливия, Ирак, Афганистан и т.п., Центральная и Южная Америка – Гватемала, Сальвадор, Гондурас Колумбия и т.п. – все эти очаги напряженности противостоят западному миру как миры со своим набором ценностей и стратегий их защиты.

Сегодня, в контексте тех геополитических процессов, которые обусловлены обострением российско-украинских отношений в связи с воссоединения Крыма с Россией, вопросы, связанные с обеспечением национальной безопасности России, приобретают особенную актуальность. Ситуация, показавшая способность России в режиме жесткого давления со стороны США и стран Европы отстаивать свои геополитические интересы, вызвала резкое обострение отношений России с западным миром. В контексте активно ведущейся западным миром «войны санкций» против России проблема национальной безопасности России и культуры как одного из ее основных факторов прочитывается совершенно по-новому.

Что позволяет говорить о культуре как о гаранте национальной безопасности?

Прежде всего, то, что культура способна выполнять целый ряд принципиально важных функций, непосредственно влияющих на силу, обороноспособность и безопасность государства. Наличие современного вооружения, конкурентоспособная экономика, новейшие технологии, ус-

тойчивая финансовая система, благоприятная демографическая ситуация, развитая транспортная инфраструктура, отсутствие экологических проблем – все это чрезвычайно важные сферы развития современного государства. Но ни одна из этих систем не будет работать на национальную безопасность, если в государстве будет отсутствовать прочная гражданская идентичность, уважение к собственной истории, активное приятие государственной символики и мифологии, равноправие культур и языков малых народов на основе признания доминирующей роли русского языка как языка общенационального общения, патриотизм народа. То есть, для обеспечения национальной безопасности необходимо формирование того пространства, которое обозначается понятием «национальная культура», и которое основано на признании всеми гражданами государства смыслов и ценностей, имеющих в его границах доминирующее значение.

А приобщение к этим смыслам и ценностям национальной культуры, средоточием которой являются музеи, библиотеки, университеты, возможно только в процессе образования. Прерогатива поддержания образовательной системы принадлежит исключительно государству, которое через образование наделяет властными полномочиями своих граждан [12]. Иными словами, у основания современного социального строя стоит «не палач, а профессор», а основным инструментом и символом современной государственной власти является «не гильотина, а государственная докторская степень» [6, с. 92-94]. При этом система образования должна развиваться таким образом, чтобы в нем: присутствовала значительная гуманитарная составляющая, значительное внимание в рамках образования уделялось не только обучению, но и воспитанию, наблюдалось единство в трактовке системообразующих для мировоззрения понятий.

Наличие гуманитарной составляющей в образовании является основанием для формирования личности, самостоятельной в суждениях, способной мыслить критически, осознающей и понимающей смысл происходящего [8]. Человек, способный к производству идей – это единственный жизнеспособный тип будущего, а само умение решать сложные и нестандартные задачи выступает в качестве основного фактора прогресса. То есть, сегодня речь идет о необходимости не просто знания фактов и умения их классифицировать, а о потребности в формировании эвристической способности к нахождению нового и продуцированию оригинальных концепций. А такую способность человеку дает только комплексное образование с существенной гума-

нитарной составляющей, без которой, как писал А.И. Герцен сыну, «легко можно впасть в ремесленничество науки и за множеством фактов потерять общность дела» [7, с. 449]. Комплексное образование позволяет человеку анализировать и оценивать социально-значимые проблемы и процессы и занимать активную гражданскую позицию; учитывать последствия управленческих решений и действий с позиции социальной ответственности; использовать основные положения и методы гуманитарных наук при решении социальных и профессиональных задач.

Эту опору общественных систем по преимуществу на производимые идеи отметил почти столетие назад Г. Лебон – он показал, что «великие перевороты, предшествующие изменению цивилизации, например, падение Римской империи и основание арабской, на первый взгляд определяются главным образом политическими переменами, нашествием иноплеменников, падением династий. Но более внимательное изучение этих событий указывает, что за этими кажущимися причинами чаще всего скрывается глубокое изменение идей народов… Единственные важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мысли людей» [14].

Эти наблюдения Г. Лебона оказываются и сегодня столь же современными, как в момент их авторской фиксации. Становление империй и их падение, равно как объединение народов и их разобщение – все это обусловлено развитием тех или иных идей. И государство, заинтересованное в формировании народа, сплоченного посредством разделяемых всеми идей, должно опираться на единство транслируемых смыслов, идей и ценностей. А они распространяются, в первую очередь, через институт образования. Естественно, что стандарты и образовательные программы могут допускать значительную вариативность, но в основе своей они должны быть едиными. Такое единство было нарушено в период Перестройки, когда из школьных программ исчезли произведения классиков русской словесности и стали допустимыми произвольные трактовки истории.

А переписать историю – это значит «перекодировать общество», и именно поэтому попытки переписать историю связаны с желанием «причесать ее под чьи-то геополитические интересы» [4]. О том, что изучение истории формирует у молодежи понимание причастности к отечественным традициям, рождает чувство патриотизма, развивает ощущение социаль-

но-культурной идентичности, говорил на встрече с молодыми учеными и преподавателями истории, состоявшейся в ноябре 2014 г. в Музее современной истории России, президент России Владимир Путин [5]. Необходимость «спасти» собственную историю, а значит, память народа, стала особенно очевидной в дни празднования 70-летия Победы во Второй мировой войне, когда средства массовой коммуникации наводнила дезинформация о казалось бы очевидных фактах – о лидирующей роли России (СССР) в победе над фашизмом, о понесенных в войне потерях, о причинах поражений и побед. Все это свидетельствует об актуальности проекта демифологизации истории, призванного противостоять различным историческим фальсификатам.

Эти позиции нашли отражение в «Концепции внешней политики РФ», опубликованной на сайте МИД РФ, где отмечается, что «Россия, приверженная универсальным демократическим ценностям, включая обеспечение прав и свобод человека, видит свои задачи в том, чтобы: … твердо противодействовать …попыткам переписать историю и использовать ее в целях нагнетания конфронтации и реваншизма в мировой политике, подвергнуть ревизии итоги Второй мировой войны, способствовать деполитизации исторических дискуссий, переводу их исключительно в академическое русло [11]. В этом контексте особым содержанием наполняются известные факты: создание нового стандарта по истории [17], широко обсуждаемого в Интернете и на страницах печати, разработка Ассоциацией учителей русского языка и литературы проекта концепции школьного филологического образования, которая может быть утверждена в течение 2015 года, повышение внимания к патриотическому воспитанию молодежи, которым по поручению президента России должно заняться Минобрнауки РФ [19]. Все эти действия направлены в сторону укрепления национальной безопасности России и усиления гражданской идентичности в ее границах.

Усилия по укреплению национальной безопасности России должны быть направлены не только в сторону общенациональной культуры, не только в сторону науки и образования, но и в сторону массовой культуры. Речь идет, конечно, не о коммерческой составляющей масскульта, а о тех ее возможностях, которые позволяют ей быть проводником высоких идей и воздействовать на самые широкие слои населения. Важным для понимания сущности массовой культуры является ее признание в качест-

ве специфической универсальной формы, обладающей особой размерностью и коммуникабельностью. Ее же содержание определяется ее субъектом, в качестве которого выступает не столько особая профессиональная группа, создающая ее артефакты в соответствии с законами социальной психологии и рыночных отношений, сколько представители финансовой и политической элиты – владельцы каналов коммуникации.

Но ведущим субъектом массовой культуры должно являться государство, и это – принципиальный момент. От того, какое содержание будет заложено в массовую культуру, такую функцию она и будет выполнять – через формирование национального достоинства она может укрепить целостность государства, через насаждение чуждой идеологии может его разрушить, выступая своеобразным аналогом «пятой колонны».

Фактически это и происходило после распадения Советского Союза, когда поток западной массовой культуры – рекламы, фильмов, передач и т.п., – хлынувший из стран «победившего капитализма», завершал дело разрушения государства через разрушение его ценностей, смыслов и идей. Создавая особую реальность и особую технологию производства этой реальности, массовая культура как «великий агент глобализации» (Зб. Бжезинский, Р. Стил) стала производить и соответствующее ей глобальное сознание, опирающееся на ценности западной цивилизации и ее мировоззренческие установки, основу которых составляет философия позитивизма и прагматизма с ее принципами инструментализма и операционализма. И в этом аспекте можно приветствовать сегодня рождение таких фильмов, как «Высоцкий. Спасибо что живой», «Гагарин. Первый в космосе», «Легенда № 17» и многих других, которые возвращают в сознание россиян забытые имена и великие события, позволяя еще раз осознать значимость собственной истории.

Представляется принципиально важным, что значение массовой культуры для общества и необходимость использования ее механизмов в целях формирования национального единства рассматривается на уровне первых лиц государства. Так, в статье Президента России «Россия: национальный вопрос» отмечается: «Соответствующие требования должна задавать и государственная политика в области культуры. Имеются в виду такие инструменты, как телевидение, кино, Интернет, массовая культура в целом, которые формируют общественное сознание, задают поведенческие образцы и нормы. Вспомним, как американцы с помощью Гол-

ливуда формировали сознание нескольких поколений. Причем внедряя не худшие – и с точки зрения национальных интересов, и с точки зрения общественной морали – ценности … Государство обязано и имеет право и свои усилия, и свои ресурсы направлять на решение осознанных социальных, общественных задач. В том числе и на формирование мировоззрения, скрепляющего нацию» [18].

Отрадно, что в последние годы в России обращается большое внимание на поддержание престижа отечественной культуры, на внимание к ее истории и к ее героям, реабилитируется то, что было предано забвению. Появляющиеся фильмы, посвященные нашим историческим свершениям, нашим спортивным достижениям (что стоил один фильм о Харламове!), Великой Отечественной войне, вызывающие все больший интерес. Не случайно на всех празднествах Олимпиады в Сочи все время воспроизводились реплики из Московской Олимпиады 1980 года. Позитивный социальный потенциал массовой культуры огромен, его необходимо использовать в полной мере, массовая культура должна развиваться как форма, способствующая развитию государства, закреплению его успехов, формированию единой нации, обладающей высокими целями своего развития.

Таким образом, в современном мире одним из важных факторов национальной безопасности является культура. Культура создает общий «фон», связанный с сакрализацией значимых исторических событий и имен, совокупностью позитивных социальных символов, поддержанием традиционных ценностей и смыслов культуры, которые формируются в длительном процессе ее генезиса и передаются через образовательные учреждения, через каналы массовой коммуникации и массовой культуры. Опора на механизмы культуры – на информационно-коммуникационные и гуманитарные методы, на возможности гражданского общества – составляют основу инструментария «мягкой силы», ставшей неотъемлемой частью современной международной политики. В «Концепции внешней политики РФ» отмечается, что обострение различных конфликтов в мире ведет к противоправному применению «мягкой силы» и использованию ее в «целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением» [11].

Причем, концепция этого манипулирования и информационного влияния существенно изменилась – она теперь развернута не столько в

направлении массовизированного большинства, сколько в сторону национальных элит. Сегодня «восстание элит» (М.Г. Делягин) или «дезертирство элит» (А.С. Панарин) инспирировано аналитическими институтами, прежде всего, США, работа которых направлена на программирование сознания элит тех государств, против которых Америкой развернута информационная война. Цель такого воздействия – установление «нового мирового порядка» посредством внедрения в сознание элиты «тонких мировоззренческих аксиом», а в сознание «профанов» – простых и ясных стереотипов. Результат деятельности подобных «мозговых трестов» – создание во многих государствах «пятых колонн», действующих внутри стран против своих же граждан [15].

Соответственно, и современные войны связаны, в первую очередь, не с совершением военных действий, а с активной работой в сфере информационных технологий. Единственным эффективным оружием, позволяющим противодействовать информационному воздействию – это воспитание у подрастающего поколения способности понимать причины и следствия происходящих событий, самостоятельно осмысливать информацию, распространяемую каналами массовой коммуникации, это обеспечение приоритетного культурного и гуманитарного развития как основы экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны.

Именно поэтому государственная культурная политика в Основах государственной культурной политики признается неотъемлемой частью Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [16].

Литература

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. М., 2003.

2. Бодрийар Ж. Америка. СПб.: Владимир Даль, 2000.

3. Большинство и меньшинство в США. Доклад // ИСЭПИ. URL: http://www.politanalitika.ru/upload/iblock/6d3/6d314cc97495a639d1c7c37d698d36b3.pdf (дата обращения 25.09.2015).

4. Вообще ничего нельзя запрещать. Президент пообщался с молодыми историками и одобрил написание истории Крыма // Газета.Ru. URL: http://www.gazeta.ru/science/2014/11/05_a_6289705.shtml (дата обращения 25.09.2015).

5. Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бердиковой и М.К. Тюнькиной. М., 1991.

6. Герцен А.И. А.А. Герцену // Герцен А.И. Сочинения. Т. 9. М., 1958.

7. Ильинский И.М. XX век: кризис понимания. М., 2002.

8. Ильинский И.М. Между Будущим и Прошлым: социальная философия происходящего. М., 2006.

9. Ильинский И.М. Великая Отечественная: правда против мифов. М., 2015.

10. Концепция внешней политики РФ. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения 25.09.2015).

11. Костина А.В. Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. М.: УРСС, 2009.

12. Костина А.В., Гудима Т.М. Культурная политика современной России: Соотношение этнического и национального. М.: УРСС, 2010.

13. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 2005.

14. Нарочницкая Н.А. «Аналитические институты» – глаза, уши и мозг Америки // Наш современник. 2004. №3.

15. Путин утвердил основы культурной политики России // Путин сегодня. URL: http://www.putin-today.ru/archives/7852 (дата обращения 25.09.2015).

16. Проект Историко-культурного стандарта // Минобрнауки РФ. URL: http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/3483/%D1%84%D0%B0%D0%B9%D0%BB/2325/13.07.01-%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%BE-%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0.pdf (дата обращения 25.09.2015).

17. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения 25.09.2015).

18. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Совет безопасности РФ. URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html (дата обращения 25.09.2015).

19. Стратегия национальной безопасности США // Aftershock. Информационный центр. URL: http://aftershock.su/?q=node/288008 (дата обращения 25.09.2015).

20. Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. М., 2000.

References

1. Benkhabib S. Prityazaniya kul'tury. M., 2003.

2. Bodriiar Zh. Amerika. SPb.: Vladimir Dal', 2000.

3. Bol'shinstvo i men'shinstvo v SShA. Doklad. ISEPI. URL: http://www.politanalitika.ru/upload/iblock/6d3/6d314cc97495a639d1c7c37d698d36b3.pdf (data obrashcheniya 25.09.2015).

4. Voobshche nichego nel'zya zapreshchat'. Prezident poobshchalsya s molodymi istorikami i odobril napisanie istorii Kryma. Gazeta.Ru. URL: http://www.gazeta.ru/science/2014/11/05_a_6289705.shtml (data obrashcheniya 25.09.2015).

5. Gellner E. Natsii i natsionalizm. Per. s angl. T.V. Berdikovoi i M.K. Tyun'kinoi. M., 1991.

6. Gertsen A.I. A.A. Gertsenu. Gertsen A.I. Sochineniya. T. 9. M., 1958.

7. Il'inskii I.M. XX vek: krizis ponimaniya. M., 2002.

8. Il'inskii I.M. Mezhdu Budushchim i Proshlym: sotsial'naya filosofiya proiskhodyashchego. M., 2006.

9. Il'inskii I.M. Velikaya Otechestvennaya: pravda protiv mifov. M., 2015.

10. Kontseptsiya vneshnei politiki RF. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (data obrashcheniya 25.09.2015).

11. Kostina A.V. Natsional'naya kul'tura – etnicheskaya kul'tura – massovaya kul'tura: «Balans interesov» v sovremennom obshchestve. M.: URSS, 2009.

12. Kostina A.V., Gudima T.M. Kul'turnaya politika sovremennoi Rossii: Sootnoshenie etnicheskogo i natsional'nogo. M.: URSS, 2010.

13. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. SPb.: Maket, 2005.

14. Narochnitskaya N.A. «Analiticheskie instituty» – glaza, ushi i mozg Ameriki. Nash sovremennik. 2004. №3.

15. Putin utverdil osnovy kul'turnoi politiki Rossii. Putin segodnya. URL: http://www.putin-today.ru/archives/7852 (data obrashcheniya 25.09.2015).

16. Proekt Istoriko-kul'turnogo standarta. Minobrnauki RF. URL: http://minobrnauki.rf/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/3483/%D1%84%D0%B0%D0%B9%D0%BB/2325/13.07.01-%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%BE-%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0.pdf (data obrashcheniya 25.09.2015).

17. Putin V. Rossiya: natsional'nyi vopros. Nezavisimaya gazeta. 2012. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (data obrashcheniya 25.09.2015).

18. Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda. Sovet bezopasnosti RF. URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html (data obrashcheniya 25.09.2015).

19. Strategiya natsional'noi bezopasnosti SShA. Aftershock. Informatsionnyi tsentr. URL: http://aftershock.su/?q=node/288008 (data obrashcheniya 25.09.2015).

20. Usmanova A.R. Umberto Eko: paradoksy interpretatsii. M., 2000.

СТАТЬИ

Н.П. Мартыненко

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПЕРВОПРЕДОК КИТАЙСКОЙ НАЦИИ И ПЕРВЫЙ ПРАВИТЕЛЬ: К ВОПРОСУ О ПЕРВОИСТОКАХ КОНЦЕПТА ХУАН-ДИ

Аннотация

Данная статья посвящена первоистокам канонизированной в Китае традиционной истории, в которой реальная история событий сплетена с древними мифами и легендами. Пример тому Хуан-ди, почитаемый в Китае первопредком нации и первым правителем, заложившим основы государственности. Концепт Хуан-ди вобрал в себя черты, как мифологического культурного героя, так и легендарной исторической личности. Обычаи возведения к нему своих родословных имели широкое распространение на Дальнем Востоке и носили надэтнический характер. Предания о деяниях Хуан-ди в формировании государственности могут пониматься как обобщение народной памяти о древних эпохах формирования родоплеменных объединений и процессах этногенеза на территории Китая.

Входящее в титул Хуан-ди понятие «ди» в древних текстах служило для обозначения «умерших [царственных] предков», «жертвоприношений предкам». Иероглиф «хуан» восходит к изображению подвесок из нефрита и яшмы. Человек с подвеской на поясе и стал символом древнего первопредка в китайской культуре. Этот символизм лег в основание первоистока концепта «Хуан-ди», став обозначением «обожествленного умершего предка, властный статус которого обозначен подвеской на поясе». Он был дополнен и производным значением иероглифа «хуан», обозначавшим желтый цвет и цвет китайских желтоземов.

N. Martynenko

THE LEGENDARY ANCESTOR AND THE FIRST RULER OF THE CHINESE NATION: ON THE PRIMARY SOURCE OF HUANG-DI

Abstract

This article focuses on the primary sources of the traditional history canonized in China in which the real history of the events is woven with ancient myths and legends. An example of this is Huan-di, revered in China as a prime ancestor of the nation and the first ruler who laid the foundations of the statehood.

The concept Huang-di incorporates the features of the both mythological cultural hero and legendary historical person. The customs of erecting the pedigrees to him were widespread on the Far East and were bearing an ethnic character. The legendaries of Huang-di`s deeds in formation of the statehood can be understood as generalization of the national memory about ancient epochs of formation of the tribal unions and processes of the ethnogenesis on the territory of China. Hieroglyph «huang» goes back to the images of the pendants made of nephritis (jade) and jasper. Initially, these pendants were used for an exchange in the framework of the social networks of the mutual assistance as a sign of the provision of the services and establishment of the relationships based on trust. This occurred within the compulsory gift exchange which served as a basic principal of the social organization in the all early societies. From the ancient periods these pendants were used in the process of the formation and development of the systems of the social behavior.

Ключевые слова:
Китай, история, Хуан-ди, первопредок, формирование государственности, политические традиции, дарообмен.

Key words:
China, history, Huang-di, ancestor, formation of the statehood, etymology of the hieroglyphs, nephritis (jade) pendants, gift exchange.

Тысячи лет непрерывного развития Китая привело к тому, что неотъемлемой частью его традиционной истории стали древние мифы и легенды, которые причудливо переплелись с реальной историей событий. Древняя мифология воспринималась и часто воспринимается до сих пор, как неотъемлемая часть реальной истории Китая. Она продолжает жить не только в религии и народном фольклоре, но и в сочинениях философов, учёных. В разных текстах некий персонаж мог выступать историческим лицом, а в других, порой даже синхронных текстах, этот же персонаж мог выступать мифологическим героем. Эта ситуация в том или ином виде актуальна и для современной научной китайской традиции, представители которой до сих пор скрупулезно высчитывают годы правления и этнические корни тех или иных мифических и легендарных деятелей. Ярким свидетельством этому может послужить Хуан-ди (黄帝), почитаемый в Китае первопредком нации и первым правителем, заложившим основы государственности.

Первопредок Хуан-ди

Датами жизни Хуан-ди, 2697~2599 гг. до н.э., начинается официальное издание «Хронологии истории Китайского государства» [8, с.1]. Его захоронение расположено в провинции Шэньси рядом с городом Хуанлин (буквально «Желтый холм» или «Желтый могильный курган») и является предметом поклонения и в наши дни.

Могильный курган в честь Хуан-ди был возведен здесь по распоряжению ханьского императора У-ди (156-87 гг. до н.э.), когда он совершал инспекционный осмотр во главе своей 180 000 армии. Под впечатлением легенд о Хуан-ди, У-ди решил помолиться ему за свое долголетие и долгое правление. Его армия возвела здесь курган в 20 метров высотой и молельню на склоне горы.

В последующие эпохи этот храмовый комплекс реставрировался, перестраивался, продолжая существовать и в наши дни. Ежегодно 5 апреля, когда в традиционный праздник Цинмин («[День] чистого света») принято посещать родовые могилы и поминать предков, торжественный обряд поминания проводится и на могиле Хуан-ди. С 1994 г. в этой ежегодной церемонии

принимают участие и высшие государственные лидеры КНР. В 2005 г. здесь было завершено строительство Поминального комплекса на 5000 человек для участия в посвященном памяти Хуан-ди поминальном обряде. Недалеко от входа на территорию храмового комплекса стоит огромный древний кипарис, который по легендам посадил еще сам Хуан-ди. Рядом растет другой древний кипарис, посаженный по преданию императором У-ди.

Согласно верованиям даосов, в могиле была погребена лишь одежда Хуан-ди, оставшаяся после того, как он, сделавшись бессмертным, вознёсся к небесам на драконе. Согласно другим преданиям, город в Хуанлин некогда был разрушен девятью огненными драконами, спустившимися с небес. В апреле 2002 г. вблизи мавзолея Хуан-ди был найден метеорит, возрастом около 5000 лет, что примерно соотносится и с годами его жизни. Некоторые китайские ученые высказали предположение о том, что в легенде о разрушивших город огненных драконах и вознесении Хуан-ди могла отразиться народная память о падении метеорита. Так архаичные концепты постепенно меняются вслед за изменениями в жизни людей, продолжая существовать в качестве фактора объединения наций. Этот процесс изменения и трансформации концепта Хуан-ди насчитывает долгую историю, и он вобрал в себя черты, как мифологического культурного героя, так и легендарной исторической личности.

Хуан-ди приписывалось изобретение топора, ступки, лука и стрел, платья и туфель, лодки, колесницы и т.д. Во времена правления династии Хань (206 до н.э. - 220 гг. н.э.) его имя фигурировало в контексте учения «Хуан Лао сюэ» - «Учения Хуан[-ди] и Лао[-цзы]», послужившего основой дальнейшего развития даосизма. К Хуан-ди возводился ряд текстов. В частности, «Хуан-ди нэй цзин» («Канон Хуан-ди [о] внутреннем»), и ныне являющийся базисным текстом и учебником китайской медицины.

Иероглиф 帝 «ди» в титуле Хуан-ди в текстах II тыс. до н.э. служил для обозначения «умерших [царственных] предков», «жертвоприношений предкам», а также входил в сочетание «Шан Ди» (Верховный Предок). В III в. до н.э. титулом «ди» стали называть основателя первой централизованной китайской империи Цинь. С тех пор он стал обозначать не только легендарных правителей древности, но и правящих императоров, и императорский род в целом [12, с. 31]. Понятие «ди» фигурировало и в контексте словоупотребления «у ди» - «пять [перво]предков». Это понятие встречается в тексте «Церемониала [династии] Чжоу» (Чжоу ли). В нем упоминаются

«жертвоприношения пяти первопредкам», писания трех владык и пяти первопредков [8, с. 24, 54]. Это может свидетельствовать о важном значении этого культа при дворе династии Чжоу (1045-221 гг. до н. э.).

Понятие «у ди» - «У-ди бэньцзи» («Основные записи о Пяти [перво]предках»), вошло и в название первого раздела произведения «Исторические записки» придворного ханьского историографа Сыма Цяня (145 или 135-86 гг. до н.э.), начинающегося с описания воцарения Хуан-ди. Другим примером древней исторической хроники, охватывающей сопоставимый с историописанием Сыма Цяня промежуток времени, является «Чжушу цзинянь» («Бамбуковые книги записей годов»), часто используемый как альтернативный «Ши цзи» исторический источник. Этот текст также начинается со времен деятельности Хуанди.

Произведение «Исторические записки» («Ши цзи») Сыма Цяня является одним из наиболее значимых первоисточников для изучения истории формирования китайской цивилизации, заложившим основы китайской историографии. Оно стало первым сочинением в череде официальных хроник династических правлений, которые составлялись при дворах всех последующих китайских династий. Его структура стала канонической для всех последующих династийных хроник. Приведенные в нем сведения активно комментировались и дополнялись во все последующие времена. Так сформировалась традиция описания истории правления китайских династий, которая возводится в своих первоистоках ко времени воцарения Хуан-ди.

Первоистоки концепта Хуан-ди

Вычисленные китайскими историографами даты жизни Хуан-ди, 2697-2599 гг. до н.э., примечательны с точки зрения современных открытий в китайской археологии. Археологические реконструкции истории развития китайской цивилизации позволяют изучать древнекитайскую письменную традицию, сохранившую самобытную концепцию истории Древнего Китая. Результаты сопоставительного анализа рассматриваются как свидетельство «за» или «против» историчности сведений, изложенных в древнекитайских текстах. К настоящему времени установлено, что в III тысячелетии до н.э. на территории Китая происходили активные процессы формирования крупных культурных общностей, группировавшихся вокруг появляющихся крупных протогородских поселений [13, с. 9]. Этот процесс происходил с начала III тысячелетия до н.э., что соотносимо со временем воцарения Хуан-ди.

Работы по сопоставительному анализу данных археологических открытий и текстов исторической письменной традиции проводятся, например, с 1999 г. под эгидой факультета археологии Пекинского университета на базе исследовательской организации «Центр изучения цивилизации». Осуществляемый здесь проект предполагает использование в отношении развития китайской цивилизации национальную традиционную китайскую модель рассмотрения истории сквозь призму концепции эпох правления «Пяти первопредков» («У ди»), на смену которым пришли эпохи воцарения династий. Использование данной исторической концепции правления «Пяти первопредков» призвано заменить сложившуюся в современной антропологии англоязычную терминологию, например, такие понятия, как: «трибализация» (от лат. triba – «племя»), «вождизм» («chiefdom»).

Современные китайские ученые реконструировали историческую последовательность деятельности легендарных первопредков и отождествили некоторые обнаруженные протогородские поселения с известными из древнекитайских текстов столицами древних царств. В качестве центральных зон действия Хуан-ди ныне рассматриваются руины Сишань и Гучэнчжай в районе города Синьми. Обнаруженное в провинции Шаньси в уезде Сянфэнь вблизи города Линьфэнь у храма Таосы поселение городского типа отождествляется со столицей известного из древнекитайских текстов царства, основанного первопредком Яо (2357-2258 до н.э.). Стоянка Ванчэнган у уездного центра провинции Хэнань города Дэнфэн рассматривается китайскими учеными как вероятная столица Янчэн, в которой, согласно древнекитайским текстам проживал Великий Юй, основавший первую в Китае династию Ся (2207-1766 до н.э.). В качестве самого раннего участка, иллюстрирующего наступление эпохи правления династии Ся, рассматривается стоянка Вадянь у города Ючжоу в провинции Хэнань [11].

Значимые корреляции с данными исторической письменной традиции наблюдаются и в области их сопоставления с современными данными эволюционной генетики. Так в период 4000-3000 лет тому назад на территории Китая началось расхождение языковых общностей – протокитайской и прото-тибето-бирманской. Выделение предковой популяции носителей тибето-бирманских языков из прото-сино-тибетской популяции произошло 3900 – 3200 лет назад. Предполагается, что прото-тибето-бирманская общность расселялась на запад, юг и юго-запад. Протокитайская общность расселя-

лась преимущественно на восток и на юг и, в конечном итоге, заселила весь Китай и распространилась в другие страны [19, с. 582-590].

Согласно записанным легендам к ветвям рода Хуан-ди возводились основатели родов древнейших китайских династий, Ся (XXI-XVI вв. до н.э.), Шан-Инь (XVI-XI вв. до н.э.), Чжоу (XI-III вв. до н.э.). К потомкам рода Хуан-ди возводились и правители более мелких региональных древнекитайских царств. Например, в «Исторических записках» внук Хуан-ди по имени Чжуань-сюй начинает родословное древо правителей южного царства Чу.

Хуан-ди рассматривался первопредком и для некитайских народностей, восточноазиатских древних племен, царств и династий. Так, в «Каноне гор и морей» говорится, что внук Хуан-ди по имени Ши-цзюнь породил Северных ди (северо-восточные народности). К потомку Хуан-ди по имени Мяолун возводились и племена цюань-жунов, западных некитайских народностей, проживавших на территории нынешней провинции Шэньси [10, с. 71, 77]. К потомку Хуан-ди по имени Шао-хао возводился род Ким Юсина, главы корейского государства Силла (VII в. н.э.).

Таким образом, мифы и предания о Хуан-ди, обычаи возведения к нему своих родословных имели широкое распространение и носили над- этнический характер. Предания об успехах Хуан-ди в формировании государственности, о выигранных им сражений могут пониматься, как обобщение народной памяти о древних эпохах формирования родоплеменных объединений и процессах этногенеза на территории Китая и окружающих стран.

Согласно повествованию Сыма Цяня, Хуан-ди пришел на смену роду Шэнь-нуна, который угасал из поколения в поколение и не мог прекратить разгоравшуюся междоусобную борьбу, терзавшую народ. Тогда Хуан-ди стал поднимать военное дело, одержал победы в ряде сражений, навел порядок в стране, успокоил народ. Тогда Хуан-ди провозгласили правителем и он сменил род Шэнь-нуна [5, с. 4-5].

Понятие «Шэнь-нун» состоит из двух иероглифов. Иероглиф «шэнь» - 神 принимает такие значения, как «дух, божество, священный». Иероглиф «нун» - 農 принимает в современном китайском языке значения: «земледелие, сельское хозяйство». В древнекитайском языке он принимал также значения: «дух полей, полевик; трудиться, упорно работать; напрягать [силы]; серьезный; серьезно, упорно». Этимологически знак 農 «нун» в древней форме начертания восходит к изображению «раковины моллюска» внизу,

над которым сверху изображено «поле и пара рук» [6, с. 229]. Острые края раковины моллюсков с древнейших пор использовались в качестве «серпов» для срезания колосьев. Это иллюстрируется многочисленными находками при раскопках неолитических поселений. Эта практика и обусловила ассоциативный комплекс, связанный с понятием «земледелие», «земледелец».

С точки зрения данных современной археологии, символизм «раковин моллюсков» в глубокой древности мог фигурировать в более широком контексте. Яркой иллюстрацией этому контексту служат многочисленные находки археологических культур «раковинных куч», предвосхитивших становление земледельческих культур эпохи неолита. Это можно соотнести и с мифами о Шэнь-нуне, согласно которым он научил людей возделывать землю, изобрел «двуручные деревянные вилы» - «лэй» для вспашки земли, исследовал свойства лекарственных растений. В данном контексте в древнейшем социо-культурном контексте понятие Шэнь-нун можно соотнести с определенным историческим древнейшим периодом становления неолитических культур и прибрежным ареалом их распространения.

Данный контекст примечателен с точки зрения данных теории региональной типологии известного китайского археолога Су Бинци, согласно которой X тысяч лет тому назад на территории Китая началось формирование доисторических культур со сравнительно стабильным местным подразделением. При этом Су Бинци выделил на территории Китая две главные культурные системы: 1) ориентированные к океаническому побережью; 2) внутренние континентальные. Наряду с теорией Су Бинци, несколько иная модель развития китайской цивилизации была предложена Янь Вэньминем. Он акцентировал внимание на центральном положении и доминирующем значении культур, развивавшихся на территории центральных равнин. В модели Янь Вэньмина признается существование элементов цивилизации на периферии, но одновременно подчеркивается ведущая роль Центральных равнин в развитии китайской цивилизации [13, с. 8].

Древние коннотации, отразившиеся в понятии «Шэнь-нун», можно соотнести с ранними археологическими «культурами раковинных куч» океанического побережья. В свою очередь символизм Хуан-ди можно увязать с ареалом распространения внутренних континентальных культурных систем. Об их конкурентном взаимодействии и могли повествовать древние мифы, легшие в основу канонической историографической версии, записанной Сыма Цянем. Миф о борьбе Хуан-ди с родом Шэнь-нуна мог отражать процесс

расширения ареала проживания и противоборства насельников центральной равнины с носителями прибрежных и южных культур.

Вопрос этимологии иероглифа 黃 «хуан», входящего в наименование 黃帝 «Хуан-ди» активно обсуждается. Этот иероглиф используется для обозначения желтого цвета. Отсюда и распространенные варианты перевода понятия «Хуан-ди» как «Желтый предок», «Желтый первопредок», «Желтый император».

Древнейшие формы его начертания встречаются в текстах на шаниньских гадательных костях и чжоуских бронзовых сосудах конца II и начала I тысячелетий. В древнейшем толковом словаре «Шовэнь цзецзы» иероглиф «хуан» объясняется через два составных элемента «поле» и «огонь факела» или «свет» и толкуется как цвет земли – желтый, характерный для почв желтоземов китайской Великой равнины. Альтернативное толкование было предложено Цзо Миньанем. Он считал, что древние формы иероглифа «хуан» восходят к иероглифу 革 «гэ», обозначающему «выделанную лишенную шерсти сыромятную кожу, а также принимавшему древнее значение «воин», обозначая «человека в латах из грубой толстой сыромятной кожи» [7, с. 479-480].

Однако, согласно наиболее признанной в современной китайской палеографии этимологизации, иероглиф 黃 «хуан» восходит к изображению подвесок из нефрита и яшмы, которые в обязательном порядке носились у пояса знатными людьми в Древнем Китае. В древнейших формах начертания иероглифа «хуан» наверху изображена нить, внизу две кисточки, в центре – две полукруглые нефритовые подвески [6, с. 616]. Согласно еще одной версии обьяснения, в древнейших формах начертания иероглифа «хуан» изображен человек, на поясе которого имеется подвеска [1, с. 134]. Для обозначения таких нефритовых подвесок в китайском языке в настоящее время используется иероглиф 璜 «хуан», с добавлением слева ключевого знака 玉 «юй», символизирующего нефрит. Знак 璜 можно истолковать как: «нефритовая («юй») полукруглая подвеска («хуан»)».

Нефритовые полукруглые и круглые подвески – это чрезвычайно распространенные в Китае артефакты, в большом количестве обнаруживаемые при раскопках неолитических поселений. Они активно использовались и в последующие периоды бронзового века. Являлись важным культовым предметом и в эпоху правления династии Чжоу. Они использовались как верительные бирки, служившие знаком наделения властью и установления друг с

другом доверительных отношений. При сложении двух таких, выточенных из одного куска нефрита, подвесок легко было увидеть их прежнее единство по совпадению разводов на поверхности шлифованного нефрита.

Древнейшие формы начертания иероглифа «хуан» объясняются, как восходящие к изображению человека с такой подвеской у пояса, являвшейся символом наделения властными полномочиями и доверительными отношениями. Такой символ невозможно было подделать в связи с уникальностью рисунка текстуры каждого куска нефрита. Иероглиф «хуан» вошел в такие словосочетания, например, как «хуан фу» - «верительные бирки, [подтверждавшие военные полномочия]», «хуан тан» - «начальник области (округа)». Этот артефакт стал первоосновой и производного значения иероглифа 黃 «хуан», ставшего обозначением желтого цвета, производного от цвета золота [2, с. 2514]. То есть цвета золотых подвесок и верительных бирок, пришедших на смену подвескам нефритовым.

Подвески подобного рода восходят к кросс-культурному феномену, известному со времен глубокой древности. Они использовались в разных регионах мира и выполнялись из различных материалов – из камня, кости, бивня, скорлупы (яиц страуса или дрофы), из раковин моллюсков. Наиболее ранние известные подвески, изготовленные из скорлупы яиц страусов и появившиеся свыше ста тысяч лет назад, обнаруживаются на древнейших африканских стоянках человека современного анатомического типа [20]. Подобные артефакты были дополнены аналогичными изделиями из камня и продолжали оставаться характерным элементом мезолитических и неолитических «украшений» в Африке, Евразии, Америке.

Согласно данным современной археологии, антропологии, генетики, для объяснения функциональности данных артефактов важное значение имеют традиции создания таких подвесок, сохраняющиеся среди африканских бушменов. Вплоть до настоящего времени они обмениваются ими в рамках социальных сетей взаимопомощи в знак оказания услуг и установления доверительных отношений. Сохраняющееся в примитивных культурах явление обязательного дарообмена являлось основным принципом социальной организации во всех ранних обществах. С древнейших времен становления человечества оно служило основой формирования и развития систем общественного поведения, регуляции поведения индивидуумов и общества [14; 16].

Широкое распространение подвесок согласуется с данными о расселении африканских популяций и указывает на сходство стратегий выживания и обслуживающих их символических традиций в разных регионах мира [18, с. 453-563]. Это указывает на единство развития локальных культур, восходящих к древнейшим популяциям. Вероятнее всего, данная функциональность и послужила первоосновой традиции их использования в качестве верительных бирок, которые фигурировали в важном для выживания социальном контексте. Формирование данного социального контекста восходит к древнейшим временам развития человечества.

Древнекитайские нефритовые подвески «хуан» являются более поздними аналогами подобных артефактов. Они использовались в важном социальном контексте, что объясняет большое количество соответствующих находок при раскопках неолитических поселений [3]. Такие подвески символизировали важнейшую социальную реалию в истории развития китайской цивилизации [4, с. 51-63]. Человек с подвеской на поясе и стал символом древнего первопредка в китайской культуре.

Концепт Хуан-ди вобрал в себя черты, как мифологического культурного героя, так и легендарной исторической личности. Предания о его деяниях в формировании государственности могут пониматься как обобщение народной памяти о древних эпохах формирования родоплеменных объединений и процессах этногенеза на территории Китая и окружающих стран.

Входящий в титул Хуан-ди иероглиф «ди» в древних текстах служил для обозначения «умерших [царственных] предков», «жертвоприношений предкам». Иероглиф «хуан» восходит к изображению подвесок из нефрита и яшмы, использовавшихся в рамках систем обязательного дарообмена, служившего принципом социальной организации в ранних обществах.

Такие подвески это кросс-культурный феномен, который может рассматриваться, как первоисток развития древнекитайской традиции носить аналогичные по форме подвески «хуан» на поясе. Символизм данного артефакта и лег в основание первоистока концепта «Хуан-ди», став обозначением «обожествленного умершего предка, властный статус которого обозначен подвеской на поясе». Семантика данного понятия затем была дополнена производным значением иероглифа «хуан», обозначавшим желтый цвет.

Литература

1. Ван Хунлю. Ханьцзы цзылю жумэнь. (Введение в происхождение китайской иероглифики). Пекин, 1997.

2. Гу ханьюй да цыдянь. Большой словарь древнего китайского языка. Шанхай, 2002.

3. Инь Чжицян. Чжунго гудай юй ци (Китайские древние нефритовые изделия). Шанхай, 2000.

4. Мартыненко Н.П. «Ли» и «фа» - полярные категории китайской социальной философии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №1. 2015.

5. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). Пекин, 2001.

6. Ханьцзы юаньлю цзыдянь Этимологический словарь китайских иероглифов. Пекин, 2003.

7. Цзо, Миньань. Сишо ханьцзы (Подробный рассказ о китайских иероглифах). Пекин, 2005.

8. Чжоу Ли «Церемониал [династии] Чжоу». Пекин, 2001.

9. Чжунго лидай цзиннянь бяо. Пекин, 2001.

10. Шань хай цзин Канон гор и морей. Пекин, 2001.

11. Юйчжоу Вадянь [Неолитическая стоянка] Вадянь в Юйчжоу. Хэнань шэн вэньу каогу яньцзюсо бяньчжу. Пекин, 2004.

12. Ян Хиншун Материалистическая мысль в древнем Китае. М., 1984.

13. Li Liu. The Chinese Neolithic: Trajectories to Early States. Cambridge. 2004.

14. Mauss M. The Gift. The form and reason for exchange in archaic societies. Trans. Halls, W.D. London, 1990.

15. McBrearty S., Brooks A. The revolution that wasn't: a new interpretation of the origin of modern behavior // Journal of Human Evolution. 2000. Vol. 39.

16. Polanyi K. The great transformation: the political and economic origins of our time. Boston. 1957.

17. Rawson J. Chinese Jade: From Neolithic to the Qing. London, 1995.

18. Sahlins Marshall. Stone Age Economics. Aldine, Chicago, 1972.

19. Su B., Xiao C., Deka R., Seielstad M.T., Kangwanpong D., Xiao J., Lu D., Underhill P., Cavalli-Sforza L., Chakraborty R., Jin L. Y chromosome haplotypes reveal prehistorical migrations to the Himalayas // Human Genetics. 2000. №107.

20. Will Knight. Decorative objects from the Stone Age // New Scientist 2004. 31 March.

References

1. Van Khunlyu. Khan'tszy tszylyu zhumen'. (Vvedenie v proiskhozhdenie kitaiskoi ieroglifiki). Pekin, 1997.

2. Gu khan'yui da tsydyan'. Bol'shoi slovar' drevnego kitaiskogo yazyka. Shankhai, 2002.

3. In' Chzhitsyan. Chzhungo gudai yui tsi (Kitaiskie drevnie nefritovye izdeliya). Shankhai, 2000.

4. Martynenko N.P. «Li» i «fa» - polyarnye kategorii kitaiskoi sotsial'noi filosofii. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filo-sofiya. №1. 2015.

5. Syma Tsyan'. Shi tszi (Istoricheskie zapiski). Pekin, 2001.

6. Khan'tszy yuan'lyu tszydyan' Etimologicheskii slovar' kitaiskikh ieroglifov. Pekin, 2003.

7. Tszo, Min'an'. Sisho khan'tszy (Podrobnyi rasskaz o kitaiskikh ieroglifakh). Pekin, 2005.

8. Chzhou Li «Tseremonial [dinastii] Chzhou». Pekin, 2001.

9. Chzhungo lidai tszinnyan' byao. Pekin, 2001.

10. Shan' khai tszin Kanon gor i morei. Pekin, 2001.

11. Yuichzhou Vadyan' [Neoliticheskaya stoyanka] Vadyan' v Yuichzhou. Khenan' shen ven'u kaogu yan'tszyuso byan'chzhu. Pekin, 2004.

12. Yan Khinshun Materialisticheskaya mysl' v drevnem Kitae. M., 1984.

13. Li Liu. The Chinese Neolithic: Trajectories to Early States. Cambridge. 2004.

14. Mauss M. The Gift. The form and reason for exchange in archaic societies. Trans. Halls, W.D. London, 1990.

15. McBrearty S., Brooks A. The revolution that wasn't: a new interpretation of the origin of modern behavior. Journal of Human Evolution. 2000. Vol. 39.

16. Polanyi K. The great transformation: the political and economic origins of our time. Boston, 1957.

17. Rawson J. Chinese Jade: From Neolithic to the Qing. London, 1995.

18. Sahlins Marshall. Stone Age Economics. Aldine, Chicago. 1972.

19. Su B., Xiao C., Deka R., Seielstad M.T., Kangwanpong D., Xiao J., Lu D., Underhill P., Cavalli-Sforza L., Chakraborty R., Jin L. Y chromosome haplo-types reveal prehistorical migrations to the Himalayas. Human Genetics. 2000. №107.

20. Will Knight. Decorative objects from the Stone Age. New Scientist 2004. 31 March.

А.В. Скиперских

МЕЖДУ ГОСПОДОМ И ГОСПОДИНОМ: ДИСКУРС БОЛИ В ТЕКСТАХ Ф. ДОСТОЕВСКОГО: ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация

В данной статье делается попытка исследования дискурса боли как продукта деятельности бунтующего человека. Именно в нём, с точки зрения автора, раскрываются причины амбивалентного поведения, характерного для носителей русской культуры. Необъяснимость и потаённость отдельно взятого бунтующего человека начинает проецироваться и на саму культуру, формирующуюся с помощью культурных продуктов подобных бунтующих людей.

Используя художественные тексты Ф. Достоевского, автор пытается рассмотреть, как в том или ином субъекте чередуется стремление осуществлять наказание и репрессию, и необходимость переживания и стыда за совершённые деяния. Автор считает, что в подобные моменты в субъекте одновременно конфликтуют между собой господин (холодный и безжалостный) и Господь (тёплый, стремящийся к любови и жертвенности). Бунтующий человек двоится в своём стремлении быть похожим, как на Бога, испытывающего страдание за других людей, так и на господина, на повелителя, способного отправлять насилие и осуществлять репрессивные акты.

Двойственность русской культуры во многом сказывается и на двойственности самой боли. Дискурс боли в текстах Ф. Достоевского раскрывается в многочисленных ситуациях актуализации боли. Автор считает, что субъект оказывается в ситуации выбора между двумя стратегиями. С точки зрения автора, боль может быть следствием осуществлённого насилия в отношении какой-либо жертвы, либо

A. Skiperskikh

BETWEEN GOD AND MASTER: DISCOURSE OF PAIN AT THE TEXTS F. DOSTOEVSKY. POLITICAL AND CULTURAL DIMENSION

Abstract

This article is an attempt to study the discourse of pain as a product of human activity rebellious man. From the point of view of the author, the reasons of the ambivalent behavior, characteristic of Russian culture can be explain of rebellion behavior. Inexplicable and sanctuary of a single rebellious person starts projected on the culture itself, formed with the help of cultural products such rebellious people.

Using literary texts by Dostoevsky, the author tries to consider how in a particular subject alternates desire to carry out the punishment and repression, and the need for experience and a shame for the act committed. The author believes that in such moments in the subject at the same time conflict with each other Master (cold and ruthless) and God (warm, tending to Love and Sacrifice). Rebellious man doubles in his quest to be the same as God, to suffer for other people, and the master, able to send the violence and implement the repressive acts.

Duality of Russian culture largely affects the duality of the pain. Discourse pain texts Dostoevsky revealed in numerous situations actualization pain. The author believes that the subject is in a situation of choice between two strategies. From the point of view of the author, the pain may be due to implemented violence against any victim or be the consequence of acquiring own.

The subjects are the carriers of Russian culture presented in the mysterious image of the hero of Dostoevsky. In this article, the author talks about the fac-

стать следствием собственного стяжания. Субъектами выступают носители русской культуры, представленные в загадочных образах героев Ф. Достоевского. В данной статье автор рассуждает и о факторах, способствующих преобразованию протестной энергии в культурные продукты. С точки зрения автора, проблемы, открытые Ф. Достоевским, в полной мере проецируются на реальную политическую и культурную практику.

tors contributing to the transformation of energy in the protest cultural products. From the point of view of the author, the problems exposed by Fyodor Dostoevsky, fully projected onto the real political and cultural practices.

Ключевые слова:
боль, бунт, бунтующий человек, власть, дискурс, Достоевский, протест.

Key words:
pain, rebellion, rebellious people, power, discourse, Dostoevsky, protest.

Фигура бунтующего человека по-разному вырисовывается в культурном пейзаже. Бунтующий человек всегда притязает на большую свободу, нежели имеет, что и предопределяет его подчас довольно радикальные поступки. Культурная традиция имеет значение. Притязать на расширение собственных прав и свобод можно по-разному, и в данном смысле сам субъект вбирает очень много от самой культуры. Автор уже неоднократно акцентировал внимание на существующую зависимость между субъектом протеста и культурным контекстом, либо провоцирующим субъекта к постоянной демонстрации своего «Я», либо, наоборот, делающим такие демонстрации практически невозможными.

В частности, в русской культуре субъект протеста имеет все шансы с каждой новой попыткой артикуляции собственных политических претензий всё ближе подходить к крайним формам насилия. Перспектива подобных действий всегда окутана некоей тайной, потому как, следуя мысли М. Фуко, «восстающий человек, в принципе, необъясним» [13, с. 16]. Человек, решающийся на протест, таким образом, начинает всё больше интриговать и зачаровывать. Его разгадка прекращается в мучительные поиски истины.

В настоящей статье мы попытаемся понять, как бунтующий человек изображается в текстах Ф. Достоевского. Безусловно, горизонт бунта представляется настолько глубоким, что делает возможным исследования только в конкретных дискурсах. В данной статье мы акцентируем внимание на том, как бунтующий человек в текстах Ф. Достоевского, проявляет себя в дискурсе боли.

Двойственность природы бунтующего человека как раз предполагает, что он может самостоятельно испытывать боль и даже стремиться к болево-

му ощущению, равно, как и вызывать боль в ком-либо. Данная двойственность как раз предполагает смену режимов жизнедеятельности, которые поразному обосновываются этически. Субъект может быть и героическими и низким, что является следствием «растворения этических норм» [7, с. 86].

Бунтующий человек как бы двоится в своём стремлении быть похожим, как на Бога, испытывающего страдание за других людей, так и на господина, на повелителя, способного отправлять насилие и осуществлять репрессивные акты. С одной стороны, субъект бунта готов испытывать стыд, готов позиционироваться религиозным человеком, подчас удивляющим собственной кротостью. В данном случае, тело ему не принадлежит и ощущаемая им боль может представляться вызванной извне. Человек представляется зависимым от воли извне, от случая, от Бога, что лимитирует его самость и склонность к независимому, «авторскому» поведению.

С другой стороны, «бунтующий человек» живёт в постоянном ощущении принадлежности собственного тела самому себе. Субъект протеста выступает в качестве высшей силы и готов спокойно (это вписывается в его картину мира и запросто объясняется им) распоряжаться жизнью другого человека. В таком случае, субъект притязает на право быть равным высшей силе, субъект пытается притязать на её статус.

Судя по текстам Ф. Достоевского, у боли – два эпицентра распространения. В зависимости от того, какую стратегию поведения выбирает субъект (Господь иди господин), и зависит вектор артикуляции боли. В случае, если субъектом выбирается первый вариант, то эпицентром боли выступает его тело – он готов испытывать боль сам. Именно его тело становится некоей экспериментальной площадкой для ощущения боли, для её физического постижения на личном опыте. Также, боль может испытываться и за другого. Боль выступает некоей ответственностью, которую следует примерять на себя. Субъект оказывается подобным Христу, испытывающему страдание за весь человеческий род. Кстати, подобные аналогии встречаются в текстах политических философов. Общество может стать заложником не совсем эффективной политики государя, но, в то же время, оно может и потерпеть временное неудобство ради открывающейся перспективы обретения блаженства затем. В частности, их можно встретить у Г. Гроция в тексте «О праве войны и мира» [4, с. 171].

Наконец, второй вариант предполагает, что эпицентром боли является тело другого человека. В таком случае, боль есть следствие властно-

го посыла, адресуемого всемогущим господином. Господин распоряжается телом другого, как будто своей собственностью, не соизмеряя объёмы и глубину страдания, которое может испытывать жертва со своим собственным физическим опытом. Конечно, и в данном варианте можно увидеть присутствие стремления уподобления Господу, потому как субъект насилия прибегает к наказанию, указывая на провинившегося перед ним в силу ряда причин своим карающим перстом.

На наш взгляд, субъект в текстах Ф. Достоевского, в большинстве случаев, так и не определяется с собственной позицией, занимая промежуточное положение между Господом и господином.

«Человек – это страдающая середина между сверхчеловеком и подчеловеком» [10, с. 132], – отметит М. Пришвин в «Дневниках», пытаясь разглядеть общие черты в человеке бунта и Раскольникове. С точки зрения М. Пришвина, стремление Раскольникова оказаться на позиции сверхчеловека (по сути дела, на позиции Господа), оказалось не реализованным. Более того, определённые искушения, которых не далось избежать, наоборот, приблизили Раскольникова именно к позиции подчеловека (господина), распоряжающегося жизнью других.

Как мы видим, позиция подчеловека может быть исключительно субъективистской – рассуждения «господина», артикулирующего насилие на теле жертвы, вызывающего в ней боль, связываются с собственными умозрительными схемами.

Необходимо понимать, что герои Ф. Достоевского, пытающиеся примерять маску то Господа, то господина, по сути дела, являются прототипами реальных людей, продукты деятельности и поведения которых как раз и составляют культуру. Данная гипотеза интересна не только потому, что культура являет нам себя не всегда в овнешнённых формах, представленных творческими продуктами, но и формах потаённых. Даже внешне блистательные культурные продукты могут быть следствием сильных переживаний своего автора. Культура представляется производным от человеческого капитала, а он не всегда свидетельствует о счастливых переживаниях субъектов. Культурные продукты есть производное и от трагического, и несбывшегося, от ресентимента, испытываемого автором.

Попытаемся перепроверить нашу гипотезу на текстах Ф. Достоевского. На наш взгляд, двойственность позиции субъекта между Господом и господином может быть рассмотрена в контексте артикуляции насилия.

Как уже отмечалось выше, при этом объектом может выступать собственное тело (насилие направлено на самого себя, вовнутрь), либо другое тело (субъект притязает на право причинять ему боль и страдание).

Страдание Христа: стигматизация себя

Ради уподобления Господу, субъект может стремиться обрести боль и страдание. Груз страдания означает ответственность за других – мысль об этом, наверняка, является важной для самого субъекта. Испытанная боль, так или иначе, маркирует тело субъекта, оставляя на нём свидетельства испытаний. Именно в стигматизации будут находиться основания для политической легитимации.

Наверное, отчасти, могут быть справедливы аналогии с харизматическим господством М. Вебера, базирующимся на харизме политического лидера. Одним из важных оснований харизматического господства выступала религиозность политического лидера, а также его яркая внешность, следы увечий на лице, шрамы, стигматы, свидетельствующие о перенесённой боли.

Испытание болью может быть стремлением ощутить страдания другого. Представить, насколько ему тяжело. Либо даже постараться превысить страдания другого, демонстрируя собственное самоотречение.

В «Братьях Карамазовых» штабс-капитан Снегирёв думает, что Алёша Карамазов пришёл в его дом для того, чтобы пожаловаться на Илюшечку. Неожиданно Снегирёв предлагает Алёше стать свидетелем акта насилия над самим собой. Снегирёв на глазах Карамазова грозится отрезать самому себе палец. Что собой представляет данная ситуация, как не попытку субъекта компенсировать страдание другого уничижением собственного тела.

Выставляя в качестве опытной базы собственное тело, субъект как бы подчёркивает его незначительность по сравнению с духом. Материальное уступает духовному. Так, нигилист Кириллов в «Бесах» говорит о перспективе передачи собственного тела после смерти в научное пользование.

Опыты над телом носят экспериментальный характер. Субъект будто пытается измерить его растяжение, проверить, насколько оно ограничено. При этом субъект в текстах Ф. Достоевского решается на то, что он самостоятельно никогда не испытывал. Коля Красоткин из «Братьев Карамазовых» удостоверяет своих одноклассников в том, что способен лечь

под проходящий поезд. Экспериментальный характер боли заключается в её незначительности по сравнению с моралью, с ответственностью за данное обещание. Страдания собственного тела перманентны по сравнению с более длительными и фундаментальными душевными муками – субъект прекрасно понимает это.

Очень близко к предыдущей ситуации находится ситуация, при которой субъект выступает в качестве носителя правды – он формулирует смыслы, именно от его лица объясняется реальность. Подобное позиционирование вызывает озлобление других. Именно в тот самый момент субъект готов терпеть боль, осветляющую его.

Чувство правды приравнивается и к чувству собственного достоинства, к неспособности отказаться от сказанного. Борьба за правду превращается ещё и в опыты человеческой выносливости. Вспомним, как терпел боль укушенного пальца Алёша Карамазов, когда его укусил Илюшечка, или как благороден был Коля Красоткин в тот момент, когда тот же Илюшечка Снегирёв ударил его ножом в колено.

Вообще, необходимо понимать, что истоки бунта могут быть изначально «щедрыми» [6, с. 355], судя по замечанию А. Камю, которого привлекало, как позиционируется бунтующий человек. Как раз именно эта «щедрость» и предполагает определённую честность бунта, стремление восстановить попранную правду. Щедрость бунта, его благородные корни могут моментально заразиться злобой. Французский гуманист, кстати, предупреждает об этой опасной метаморфозе.

Страдание за собственную правду есть трудная борьба за сохранение собственного лица (для Алёши Карамазова – своё понимание репутации, у Коли Красоткина – другое), за собственный статус, сводящаяся к формуле: «Правда выше вашей боли».

Оберегание правды связывается с рисками для собственного тела, но тот, кто подобен Господу, в меньшей степени думает об этом.

Безусловно, не всегда испытываемая субъектом боль в текстах Ф. Достоевского может уравнивать его с болью и терпением Христа. Субъект не всегда социален в своих желаниях и устремлениях. Порой, боль является условием, открывающим для него доступ к неким благам.

Ганечке в «Идиоте» предлагают выхватить из камина пылающую пачку рогожинских денег. Вряд ли его терпение в данный момент может напоминать терпение Христа. А если и резкое движение за объятой пла-

менем пачкой и отметит на его теле стигматы, то их происхождение будет явно не связываться с каким-то мученическим выяснением истины.

Тот же Ганечка Иволгин держит палец над свечой, объясняясь в любви к Аглае. Так он пытается поставить некий эксперимент в отношении собственной воли и чувствительности. Но и здесь, безусловно, данный акт не сильно располагает к его пониманию, как некоего испытания, правдоискательства.

Возжелание боли может носить и мазохистский оттенок. В текстах Ф. Достоевского есть ряд примеров, когда потенциальный страдалец вполне спокойно реагирует на потенциального вершителя его судьбы (эпизоды с револьвером в «Кроткой» и «Преступлении и наказании»). Также это может выражаться в довольно подробном и упоительном описании орудий убийства и своих опытов с ним. В данном смысле, бритва, перемотанная шёлком, о которой спокойно рассказывает Аглае Настасья Филипповна во время их встречи, может приравниваться к ножу, обнаруженному князем Мышкиным у Парфёна Рогожина. Аглая как-то рассказывает о своей стрельбе по голубям из самодельного лука. Коля Красоткин виртуозно экспериментирует с самозарядной пушечкой.

Вообще, орудия убийства (самоубийства) хранятся героями Ф. Достоевского с особой тщательностью и оберегаются с большим пиететом и достоинством. На данное осбстоятельство автор уже обращал внимание в одной из своих работ [12, с. 19]. Действительно, если сам человек Ф. Достоевского является потаённым и скрытным, едва ли не подпольным, то, что тогда говорить о том, каков его сокровенный и таинственный мир.

Следует принять во внимание, что терпимость к боли, а в ряде случаев, даже и возжелание боли в отношении себя и другого может восходить и к русскому народному православию – хлыстовству. Подтверждением того могут быть некоторые эпизоды из текста «Хозяйки» Ф. Достоевского.

Реакция на боль позволяет глубже узнать особенности национального характера. Такова, в частности, может быть «идея о страстности, крайности русского характера, которую он наблюдал в себе» [7, с. 30]. Если предположить, что в русском национальном характере довольно сильно акцентировано религиозное начало, то его амбивалетный характер становится всё более очевидным.

Господь как господин: карающий перст

Боль может быть не только испытанием для собственного тела, но и предназначаться для другого. Тогда перед нами раскрывается совершенно иной человек, нежели тот, который был готов самолично испытывать боль вырабатывать страдание в себе.

Этот человек также пытается походить на Бога, но уже в контексте формулирования «правил игры» и отправления наказания. Так Господь проглядывает и в господине, пытающемся артикулировать насилие на тех, кто определённым образом может зависеть от него самого. Отсюда, боль в текстах Ф. Достоевского продуцируется усилиями именно подобных людей.

При этом нужно заметить, что господином может выступать самый обычный человек, никогда не связанный принятием политических, властных решений. Вызывание боли в другом человеке выступает едва ли не единственным утешением для него. Конструирование боли в другом превращается в конструирование своего мини-государства, где он сам является местоблюстителем и интерпретатором, монархом и палачом, законодателем и исполнителем. Именно в тот самый момент им чётко понимается собственная субъектность. Уже затем, вслед за актом насилия, наступает период безусловного подчинения, и реализованная субъектность моментально исчезает. Очень важно, что в текстах Ф. Достоевского герои делают выбор в пользу насилия в состоянии унижения, будучи оскорблёнными и подвергшимися психологической репрессии.

Герои, пытающиеся говорить от имени Господа, как карающей инстанции зачастую ставят других в то состояние, что некогда испытывалось ими самими. Субъект поневоле оказывается режиссёром и перформером, жестоким ситуационистом и экспериментатором. Есть и ещё один нюанс в описываемой нами ситуации. Как правило, насилие артикулируется на тех объектах, что оказываются слабее субъекта – обладателя карающего перста.

В «Братьях Карамазовых» Илюшечка Снегирёв, тяжело переживая случай с унижением собственного отца, проникается идеей мщения. Мальчик вставляет булавку в хлебный мякиш, и скармливает его собаке Жучке. Страдания собаки вызывают в нём облегчение и жестокую удовлетворённость, впоследствии сменяющуюся ощущением стыда. Что-то подобное можно увидеть и в случае с укушенным им пальцем Алёши Ка-

рамазова. В «Идиоте» Аглая признаётся в убийстве голубей из самодельного лука. Действительно, что двигало героиней в момент убийства голубей? Чем руководствовалась она в момент изготовления орудия убийства? Ответ прост – она оставляла именно лично за собой право использовать насилие в отношении другого. В сконструированном ею самой государстве существовали такие правила и установления.

Объектом насилия в некоторых случаях оказываются и члены семьи – субъект – господин регулирует уровень их прав и свобод (капитан Лебядкин в «Бесах», Свидригайлов в «Преступлении и наказании»).

В осуществлении актов насилия субъект уподобляется и Господу, и государству, сосредотачивающему право на насилие в своих институтах. В конкретном пространстве и времени именно интересующий нас субъект оказывается абсолютной властью, принимающей на себя ответственность за право на жизнь другого человека. Показательно, что осуществление насилия легко объясняется идеологической конструкцией. Субъекту кажется, что дискурс власти, который он наполняет правилами, легко даёт ему право объяснять собственные политические выборы и решения.

В автобиографическом «Шуме времени» О. Мандельштам заметит: «Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, - и биография готова» [9, с. 152]. Прочитанный текст - этический свод, которым обладает человек. Этого бывает достаточно для формирования позиции по тем или иным вопросам, касающимся собственного места в системе мира.

В частности, можно обратить внимание на ту безапелляционность, с которой Раскольников оправдывает совершённое им убийство. Он совершенно серьёзно предполагает, что имеет полное право осуществить этот акт. Причём, он даже испытывает себя данной мыслью. «Власть даётся только тому, кто сеет наклониться и взять её, - рассуждает он, - Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорее узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить, или не смогу! Осмеюсь ли я нагнуться и взять, или нет? Тварь ли я дрожащая, или право имею…» [5, с. 637].

Таким образом, сам факт убийства в «Преступлении и наказании» приобретает экспериментальный характер. Причём, это констатируется не в результате каких-то глубоких сомнений и противоречий. Герои Ф.

Достоевского, прибегающие к крайним формам насилия, оказываются и определителем вины другого человека – по сути дела, судьями (совмещение с божественной функцией), и палачами – исполнителем приговора, подготовленного, оправданного и согласованного с самим собою. Идея, внезапно приходящая к бунтующему человеку Ф. Достоевского, оказывается настолько сильной, что ему (человеку) не требуется её выносить в публичный дискурс. Идея об отправлении наказания, о перспективах артикуляции насилия в отношении потенциальной жертвы не обсуждается с другими. Господину не нужны присяжные, он не заинтересован в диалоге и обсуждении затаённой идеи.

Показательно, что после осуществлённого им акта насилия, перманентного торжества господина и его карающего перста, Раскольников снова становится обычным, зависимым человеком, сдавленным тесной невыносимостью бытия. Унизительность своего материального положения не может не осознаваться человеком. Человек будто бы сдавливается от подобной невыносимости. Вместе с этим, он приобретает и особую опасность в момент своего разжатия, распрямления, в момент разящего выпада. Вспомним, как однажды охарактеризует М. Пришвин Ставрогина - героя «Бесов»: «в его давящей тоске был как бы низкий потолок» [10, с. 132].

Низкая степень экономических свобод как раз и является одним из важных факторов, провоцирующих человека на протест, а в контексте нашего исследования, на выбор в пользу той или иной модели поведения (Господь и господин). Подобная зависимость неоднократно устанавливалась посредством социологических и политических штудий. В частности, электоральная активность не может не привязываться к экономическому положению самого электората. Что-то подобное можно заметить и в отношении протестной активности. Так, Т. Гарр отмечает в качестве условий бунта такие важные моменты, как снижение реальных возможностей на фоне либо сохранения, либо возрастания ожиданий [2, с. 18]. Расхождение между ценностными экспектациями и ценностными возможностями, отмеченное Т. Гарром, актуализируется в течение всего исторического процесса, вне зависимости от типов политических режимов и форматов проводимой политики. У каждого государства будет свой опыт культурного переживания. Россия – не исключение.

Показательно, что субъект бунта, представляющийся то Господом, то господином – это разночинец, человек не совсем богатый и реализо-

ванный в жизни и не обладающий мощным публичным капиталом, но, кажется, ностальгирующий по нему, пытающийся обратить на себя внимание, скучающий по популярности. Отсюда, волевой акт разночинца, связанный с болью, будет попыткой преодолеть проблемные места своей биографии и говорить от имени всей культуры. Чем дальше – тем омерзительнее для него может быть мысль об утопичности данного проекта, тем страшнее ресентимент, тем страшнее напряжение собственного тела в страшном, трепетном ожидании и жутче трепещет тень потенциальной жертвы.

Двойственный характер боли и её эпицентра распространения, характерный для текстов Ф. Достоевского, в каком-то смысле, связывается с двойственностью самоощущения самого автора. Личный опыт автора не может не участвовать в конструировании собственных героев. Между прочим, личный опыт автора состоит из ожидания смертной казни, заменённой в последний момент на каторгу.

Двойственность боли проявляется в её прерывистом характере, в её спорадичности. Акты насилия могут возобновляться после определённых пауз, по истечению периодов затишья человеческой активности. В тот самый момент не знаешь, что ожидать от бунтующего человека, и в какой ипостаси он явится перед тобой. Будет ли он милостивым, кротким страдальцем, уничижающим своё тело за странную, мечтательную правду, ли это будет разъярённый хам, обрушающий насилие на послушное, слабое тело. Отсюда, что герой Ф. Достоевского – «задумчивый Некто, одной рукой гладящий голову испуганного ребёнка, а другой – хлещущий по глазам «бессловесную животинку» [1, с. 127].

Как-то очень симптоматично характеризует коллективных героев и Б. Савинков. Его понимание особенностей русской культуры, её маятниковости и непредсказуемости, отчасти, похоже на восприятие самого Ф. Достоевского: «народ-богоносец либо раболепствует, либо бунтует; либо кается, либо хлещет беременную бабу по животу; либо решает мировые вопросы, либо разводит кур в ворованных фортепьяно» [11, с. 27]. Действительно, не о человекобожеских героях Ф. Достоевского идёт здесь речь?

Многообразие ситуаций двойственного поведения подчёркивает, что субъект находится в постоянном метании между Господом и господином. Это двойственность И. Бунин назовёт «провалами», свойствен-

ными русскому народу. Г. Кузнецова в «Грасском дневнике» вспоминала рассуждения И. Бунина об этой черте русской культуры, легко перепроверяющейся на биографии героев Ф. Достоевского: русский человек «молится, а потом может так запалить в своего бога… как это свойственно всем дикарям, когда бог не исполняет их желаний. Но это не мешает ему потом опять поставить его перед собой, намазать ему губы салом, кланяться…» [8, с. 177].

Нужно понимать, что подобный субъект, находящийся в состоянии постоянного метания между двумя крайностями, выбирающий то аскетичную формулу существования вместе с покаянием, то способный вызывать боль в другом человеке, является ещё и производителем культуры. Культурные продукты создаются (в том числе) и волею бунтующих людей. Иногда, их творчество может носить потаённый, запрятанный характер, а порой оно может отмечаться довольно громкими и волнительными поводами.

Мысль бунтующего человека, сначала робкая, а потом – более уверенная мысль, зачастую может оказаться искрой, раздувающей костёр бунта. Можно только гадать, каковы могут быть его последствия. Действительно, в страшные трагедии и катастрофы могут представляться гримасой бунтующего человека, аргументы и доводы которого не были услышаны в своё время. Его апелляции к справедливости не были удовлетворены. Поэтому, он пытается говорить от имени Господа и господина одновременно и порой решается на совершенно невероятные по размаху акты насилия. Стоит согласиться с французским исследователем А. Глюксманом, в одной из работ, посвящённой Ф. Достоевскому и насилию, отметившего, что в данном случае «крайне потрясает бессловесность насилия» [3, с. 19]. Человек, к которому не прислушивались ранее, теперь с удовольствием не отвечает на многочисленные вопрошания в свой адрес. Вся его аргументация была выражена в этом яростном акте.

Таким образом, бунтующий человек в текстах Ф. Достоевского непосредственным образом связан с дискурсом боли. Стремление к переживанию боли выглядит двояким.

С одной стороны, боль вызывает либо Господь в тот момент, когда жертвует своим телом, уничижает его, либо господин, когда кого-то наказывает, карает. В этот самый момент господин может напоминать Господа в том смысле, что готов наказывать провинившихся.

Готовность самому испытывать боль, которая причинялась другому, и моментальное раскаяние, предваряющая жестокое насилие в отношении другого – характерные черты героев текстов Ф. Достоевского, в каком-то смысле, являются некими ключами к пониманию амбивалентности русской культуры и производимых в её рамках культурных продуктов.

Литература

1. Волгин И. Родиться в России. Достоевский и современники. Жизнь в документах. М.. 1990.

2. Гарр Т. Почему люди бунтуют. СПб., 2005.

3. Глюксман А. Достоевский на Манхэттене. Екатеринбург, 2006.

4. Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994.

5. Достоевский Ф.М. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2. Л., 1962.

6. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.

7. Кашина Н.В. Эстетика Ф.М. Достоевского. М., 1975.

8. Кузнецова Г. Грасский дневник. СПб., 2009.

9. Мандельштам О. Египетская марка. Л., 1928.

10. Пришвин М. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. Дневники, 1905-1954. М., 1986.

11. Ропшин В. Конь вороной. Ижевск, 1990.

12. Скиперских А.В. Европейский и русский бунт: сходство и различие культурных контекстов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. №1.

13. Фуко М. Восставать бесполезно? // Неприкосновенный запас. 2011. №5.

References

1. Volgin I. Rodit'sya v Rossii. Dostoevskii i sovremenniki. Zhizn' v dokumentakh. M., 1990.

2. Garr T. Pochemu lyudi buntuyut. SPb., 2005.

3. Glyuksman A. Dostoevskii na Mankhettene. Ekaterinburg, 2006.

4. Grotsii G. O prave voiny i mira. M., 1994.

5. Dostoevskii F.M. Izbrannye sochineniya. V 2 t. T. 2. L., 1962.

6. Kamyu A. Buntuyushchii chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo. M., 1990.

7. Kashina N.V. Estetika F.M. Dostoevskogo. M., 1975.

8. Kuznetsova G. Grasskii dnevnik. SPb., 2009.

9. Mandel'shtam O. Egipetskaya marka. L., 1928.

10. Prishvin M. Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh. T. 8. Dnevniki, 1905-1954. M., 1986.

11. Ropshin V. Kon' voronoi. Izhevsk, 1990.

12. Skiperskikh A.V. Evropeiskii i russkii bunt: skhodstvo i razlichie kul'turnykh kontekstov. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki. 2014. №1.

13. Fuko M. Vosstavat' bespolezno? Neprikosnovennyi zapas. 2011. №5.

Л.С. Пастухова

ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ И ОБРАЗОВАНИИ: ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация

Опыт проведения всероссийского конкурса молодежных авторских проектов и проектов в сфере образования, направленных на социально-экономическое развитие российских территорий «Моя страна – моя Россия» (далее – Конкурс) (2003-2013 гг.) показывает, что социальное проектирование является одним из эффективных механизмов работы с молодежью как в системе неформального, так и формального образования. Инструмент социального проектирования создает возможности для субъектного участия молодежи в различных видах деятельности, что имеет особую ценность. В данной статье приведены некоторые результаты социологического исследования, в котором приняли участие более пятисот участников очных этапов Конкурса. Анкета опроса состояла из 40 вопросов, в которых были затронуты разнообразные темы. Основное внимание было сосредоточено на следующих аспектах: реализация проектов, представленных на Конкурс; социальная и географическая мобильность участников Конкурса; ценностные установки участников Конкурса, их представления об успехе, ожидания от будущего; представления о роли государства. Опрос был проведен в период: апрель – май 2015 года.

Ключевые слова:

социальное проектирование, молодежь, конкурс, конкурсный отбор.

L. Pastukhova

TOOL DESIGN IN SOCIAL WORK WITH YOUTH AND EDUCATION: PRACTICAL APPLICATIONS

Abstract

Experience of holding the All-Russian competition of the youth author's projects and projects in education aimed at the social and economic development of the Russian territories "My country – my Russia" (further – the Competition) (2003-2013) shows that social design is one of effective mechanisms of work with youth as in system of informal, and formal education. The instrument of social design creates opportunities for subject participation of youth in different types of activity that has special value. Some results of sociological research in which more than five hundred participants of internal stages of the Competition have taken part are given in this article. The questionnaire of poll consisted of 40 questions in which various subjects have been touched. The main attention has been concentrated on the following aspects: implementation of the projects submitted on the Competition; social and geographical mobility of participants of the Competition; valuable installations of participants of the Competition, their idea of success, expectations of the future; ideas of a role of the state. Survey has been conducted during the period: April – May, 2015.

Key words:

social design, youth, competition, competitive selection.

В 2015 году всероссийского конкурса молодежных авторских проектов и проектов в сфере образования, направленных на социально-экономическое развитие российских территорий «Моя страна – моя Россия» исполнилось 12 лет [1]. Это яркий пример, когда инициатива, рожденная в гражданском обществе, получила широкое тиражирование в регионах Российской Федерации среди молодежи, нашла поддержку органов государственной власти, местного самоуправления и экспертного сообщества. Отметим, что анализ проведения рассматриваемых проектов коррелируется с научными работами – В.А. Лукова [3; 4; 5], В.И. Ситарова [6; 7; 8], Б.Ф. Усманова [9; 10; 11; 12].

Целью конкурса является привлечение молодежи к участию в развитии российских регионов, городов и сел: разработке и реализации проектов, направленных на развитие экономики и социальной сферы, совершенствование системы управления российскими территориями; а также как один из механизмов подготовки кадрового резерва для органов государственной власти и местного самоуправления, реального сектора экономики и научно - педагогической сферы. Конкурс направлен на выявление лучшего педагогического и управленческого опыта организации проектной работы с обучающимися общеобразовательных организаций, профессиональных организаций и образовательных организаций высшего образования; перспективных региональных и муниципальных моделей управления талантами; лучших практик внедрения новых ФГОС на всех уровнях образования.

В проекте «Моя страна – моя Россия» можно выделить несколько ключевых составляющих: гражданско-патриотическая, образовательная, кадровая. Первая – в самом названии – «Моя страна – моя Россия», которое призывает молодого человека быть ответственным, участвовать в развитии своего города, села, региона, своей страны – России; подчеркивает сопричастность каждого к формированию образа будущего родной страны. И собственно собирательный портрет участника Конкурса – это портрет гражданского активиста (вне зависимости от рода профессиональной деятельности), который осознает свою субъектность в развитии родной территории; портрет пассионария, носителя созидательных перемен.

Вторая (образовательная) уже сформировалась с годами и содержится в подходах, в методологии конкурсных и образовательных мероприятий проекта. Их особенность – в ориентировании молодого человека на воз-

можность практической реализации его проектных задумок в конкретном населенном пункте. Отсюда и критерии оценки работ: актуальность и социальная значимость проекта для территории, кадровое обеспечение (наличие команды, единомышленников), финансово-экономическая обоснованность и др. Уже в ходе подготовки конкурсной работы из своей идеи авторы формируют проект. Какие-то авторы связывают его с профильными региональными целевыми программами, кто-то формирует бизнес-план; разработчики собирают письма поддержки от хозяйствующих субъектов, органов местного самоуправления. Анализируя опыт двенадцатилетней работы, можно констатировать, что проект «Моя страна – моя Россия» фактически предлагает апробированный опыт организации проектной деятельности в средней школе, системе СПО и в образовательных организациях высшего образования, ее методические основы.

В регионах, в образовательных организациях разного уровня сформировались своего рода «точки роста», которые применяют инструмент Конкурса для организации содержательной проектной работы в части междисциплинарной работы со школьниками, дипломного студенческого проектирования, ориентированного на конкретные производственные задачи и задачи территориального развития.

Кадровая составляющая. За годы реализации проекта через него прошло более 35 000 человек. Ежегодно мы проводим мониторинг кадровых траекторий наших выпускников. Среди них – общественные деятели и предприниматели, государственные и муниципальные служащие разного уровня, молодые ученые. С 2008 года в рамках конкурса введена номинация «Реализованные проекты» как механизм мониторинга лучших проектов, получивших практическую реализацию. Эта номинация – одна из самых популярных, и она демонстрирует, что многие авторы - участники и победители Конкурса в дальнейшем делают шаги по практической реализации своих конкурсных задумок. Для многих это становится стартом в профессиональной деятельности и личностном развитии. В 2015 году экспертами проекта начато комплексное исследование на предмет выявления факторов, повлиявших на профессиональное развитие конкурсантов, на успешную реализацию их проектных задумок. Необходимо констатировать, что раннее содержательное вовлечение молодого человека через проектную работу в развитие территории, либо в решение конкретных задач отдельной компании или НКО – зачастую помогает создать для него первое, весьма успешное рабочее

место; не говоря уже о сформированных компетенциях в области коммуникации, командообразования и лидерства – которые помогают и влияют на дальнейшее развитие.

Представляет интерес проанализировать результаты практической реализации проектов конкурсантов во временной динамике. В результате первичного изучения данного вопроса, можно сказать, что большинство проектов оказались востребованы обществом (диаграмма 1). 16% проектов уже реализованы, а более половины – 53% - находятся в процессе воплощения (т.е. под них найдено финансирование, сформирована команда, есть первые результаты) [2]. Отметим, что конкурсные номинации отражают весь спектр социально-экономического развития российских территорий.

Диаграмма 1. Реализация проектов

Успешными, по результатам исследования, оказались проекты, связанные с продвижением русского языка – большинство проектов данного направления реализуются в настоящее время, причем в двух случаях из трех (67%) под руководством автора проекта. Образовательные проекты в целом продолжают реализовывать 60% опрошенных, а еще 11% утверждают, что их проекты продолжаются без их участия. Схожим образом

обстоят дела и с проектами, связанными с патриотическим воспитанием молодежи – 63% этих проектов воплощаются на практике (51% - при непосредственном участии автора), а 17% уже завершены. И наконец, еще одна успешная группа проектов по профильной теме – профориентация детей и молодежи – здесь реализуется 62% проектов, а еще19% завершены. Таким образом, четыре наиболее успешные группы непосредственно находятся в сегменте образования и молодежной политики.

Диаграмма 2. Реализация проектов разных типов

Обращает на себя внимание, что пока не началась реализация 38% проектов, связанных с социальным развитием конкретных территорий. Это самый большой показатель среди всех тематических групп проектов. В близкой группе «стратегия развития города/региона» не дошли до реализации 27% проектов, а еще 21% - напротив уже завершены, что для данной группы проектов выглядит далеко не оптимистичным результатом. Сложно предположить, что буквально за 2-3 года, прошедших после окончания Конкурса для большинства участников, удалось написать и воплотить комплексную стратегию развития конкретной территории. Ско-

рее всего, «завершенность» проекта здесь отражает ту ситуацию, когда проект «стратегического характера» остался на бумажном уровне, и не перешел в практическую плоскость. В этой группе самая низкая доля конкурсантов, продолжающих свое участие в проекте – только 24%.

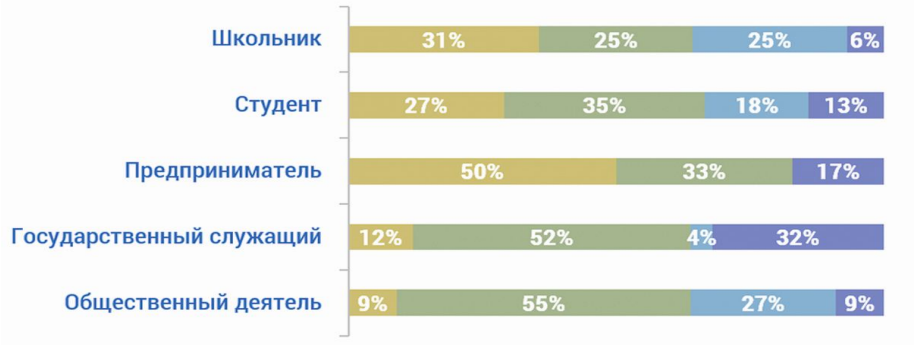
И наконец, третья группа проектов, которую можно выделить, это проекты, ориентированные на самостоятельную деятельность участника – творческие и предпринимательские проекты. Они отличаются не очень большой масштабностью (почти четверть из них уже завершены), и относительно высокой долей нереализованных проектов – 22% и 28% соответственно.

В конкурсе могут принимать участие, как школьники, так и студенты, а также работающая молодежь или занимающаяся собственным бизнесом (возрастные рамки от 14 до 25 лет).

Неудивительно, что у студентов больше проектов, в которых они продолжают участие (35% против 25% у школьников), а среди школьных проектов больше тех, которые переданы в другие руки (25% против 18%).Очевидно, что многие школьники с момента участия в Конкурсе сменили место учебы или даже место жительства для получения профессии. Важно отметить, что доля реализуемых проектов у школьников и студентов практически одинакова (50% и 53% соответственно), что, вероятно, свидетельствует о высоком уровне подготовки школьных проектов, существующих эффективных практиках проектной деятельности в школах.

Проекты более взрослых участников Конкурса чаще реализуются на практике, чем проекты студентов и школьников, что неудивительно. Высокая доля таких проектов, у авторов – среди государственных и муниципальных служащих (52%), среди общественных деятелей (55%).

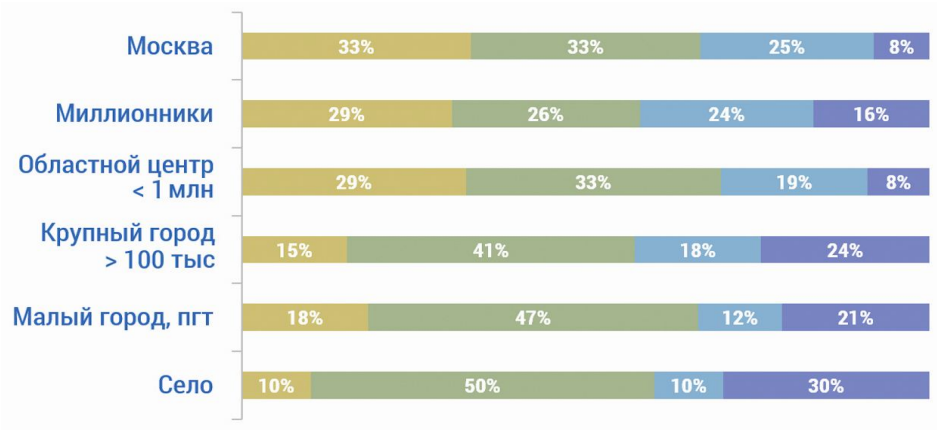
Диаграмма 3. Реализация проектов в зависимости от статуса участника



Данные свидетельствуют, что девушки оказались несколько настойчивее юношей в реализации своих проектов: у них ниже как доля нереализованных проектов (21% против 29%), так и проектов, из которых они вышли до его завершения – 16% против 23%. Соответственно, выше у девушек и доля завершенных проектов – 19% против 11%. Однако, в данном случае, уместнее говорить о том, что девушки чаще, чем молодые люди представляют (и впоследствии реализуют) проекты, связанные с системой образования (а как было представлено выше именно данные проекты чаще реализуются на практике).

Важным фактором, влияющим на реализацию конкурсных проектов, оказалось место жительства участников. В целом, прослеживается тенденция, что чем скромнее по размерам населенный пункт, тем больше шансов, что проект участника перейдет в стадию реализации, а участник сохранит к нему интерес. Если в селах не реализуется только 10% проектов участников финального этапа, то в областных центрах и городах - миллионниках этот показатель достигает 29%, а в Москве и вовсе составляет 33%. Также у сельских участников заметно выше доля относительно краткосрочных проектов, уже завершенных к моменту опроса. Она достигает 30%, в то время как в миллионниках этот показатель ниже - 16%, а в Москве – 8%.

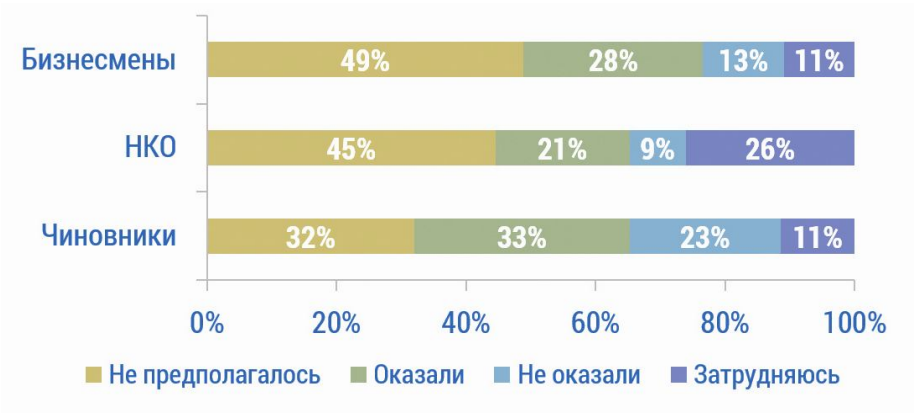
Диаграммы. Реализация проектов в зависимости от места жительства



Одним из ключевых факторов, влияющих на реализацию проекта, является его поддержка. Большинство участников проектов в той или иной мере рассчитывали на поддержку со стороны представителей органов государственной власти и местного самоуправления, некоммерческих

организаций и/или бизнеса. Больше всего участники рассчитывают на помощь чиновников – 56%, реже всего – на помощь представителей НКО – лишь 30%. В целом, в большинстве случаев ожидаемая поддержка была оказана, однако обращает на себя внимание и значительная доля проектов, оставшихся без внимания. Отметим, что речь идет об уже отобранных экспертами, высоко оцененных проектах, представленных на федеральном очном этапе Конкурса.

Диаграмма. Содействие в реализации проектов



В рамках промежуточных результатов проведенного исследования, можно отметить, что ключевыми факторами реализации конкурсных проектов являются сфера, к которой относится проект, и тип населенного пункта, в котором проживает конкурсант. Больше всего шансов на воплощение и устойчивый интерес самого участника имеют проекты, относящиеся к сфере образования и молодежной политики, которые предполагается реализовывать в селах и малых городах. Кроме того, большая роль и значение в практической реализации проектных задумок могут быть отданы личной харизме/инициативе автора.

Экспертами отмечено, что чем взрослее участник финального этапа Конкурса, тем выше вероятность того, что его проект будет реализован. Но принципиальная граница пролегает не между школьниками и студентами, а между обучающимися и теми, кто уже приобрел профессиональный, самостоятельный статус к моменту участия в Конкурсе.

Тематическая группировка проектов показала, что степень их реализации зависит от аудитории, на которую эти проекты направлены. Высокий процент реализации у проектов, нацеленных на подростковую (или младше) аудиторию. С наибольшими трудностями сталкиваются проекты, содержащие комплексные предложения по социально-экономическому развитию российских территорий, ориентированные на участие органов власти.

Анализ работы региональных организационных комитетов Конкурса, а также экспертный опрос наставников конкурсантов показывает, что

практическая реализация конкурсных задумок авторов также зависит от эффективности подходов образовательных организаций к вопросам организации проектной деятельности с обучающимися; к работе с непосредственными заказчиками (муниципалитет, предприятия).

Литература

1. Всероссийский конкурс молодежных авторских проектов и проектов в сфере образования, направленных на социально-экономическое развитие российских территорий «Моя страна – моя Россия»: сборник материалов. М., 2015.

2. Информационно-аналитические материалы по итогам мониторинга базы данных авторов Всероссийского конкурса молодежных авторских проектов и проектов в сфере образования, направленных на социально-экономическое развитие российских территорий «Моя страна – моя Россия» за 2005-2014 гг. М., 2015.

3. Луков В.А. Социальное проектирование. М., 2009.

4. Луков В.А. Воспитание // Знание. Понимание. Умение. 2015. №3.

5. Луков В.А. Кентавр-проблемы // Знание. Понимание. Умение. 2015. №4.

6. Ситаров В.А. Формирование духовно-творческого потенциала студенческой молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2008. №11.

7. Ситаров В.А., Романюк Л.В., Луговой М.В. Жизнеспособность «Концепция воспитания жизнеспособных поколений» // Сибирский педагогический журнал. 2007. №1.

8. Ситаров В.А. Проблемы реализации заповеди «Возлюби ближнего как самого себя» // Педагогика. Общество. Право. 2012. №3(3).

9. Тегин В.А., Усманов Б.Ф. Краудсорсинг в генерации инновационных идей // Мир транспорта. 2012. Т. 10. №6(44).

10. Усманов Б.Ф. Электоральное поведение и социальные технологии // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1.

11. Усманов Б.Ф. Социализационная компетентность в семейном воспитании: программно-целевой подход // Знание. Понимание. Умение. 2011. №3.

12. Усманов Б.Ф. Краудсорсинг: инновационные технологии для местной инициативы // Знание. Понимание. Умение. 2013. №3.

13. Шумилов А.В., Шумилова О.В. Образовательное пространство и особенности формирования гражданской идентичности в России // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-

летию чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения) Сборник статей. Чебоксары, 2015.

References

1. Vserossiiskii konkurs molodezhnykh avtorskikh proektov i proektov v sfere obrazovaniya, napravlennykh na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie rossiiskikh territorii «Moya strana – moya Rossiya»: sbornik materialov. M., 2015.

2. Informatsionno-analiticheskie materialy po itogam monitoringa bazy dannykh avtorov Vserossiiskogo konkursa molodezhnykh avtorskikh proektov i proektov v sfere obrazovaniya, napravlennykh na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie rossiiskikh territorii «Moya strana – moya Rossiya» za 2005-2014 gg. M., 2015.

3. Lukov V.A. Sotsial'noe proektirovanie. M., 2009.

4. Lukov V.A. Vospitanie // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2015. №3.

5. Lukov V.A. Kentavr-problemy // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2015. №4.

6. Sitarov V.A. Formirovanie dukhovno-tvorcheskogo potentsiala studencheskoi molodezhi // Alma mater (Vestnik vysshei shkoly). 2008. №11.

7. Sitarov V.A., Romanyuk L.V., Lugovoi M.V. Zhiznesposobnost' «Kontseptsiya vospitaniya zhiznesposobnykh pokolenii» // Sibirskii pedagogicheskii zhurnal. 2007. №1.

8. Sitarov V.A. Problemy realizatsii zapovedi «Vozlyubi blizhnego kak samogo sebya» // Pedagogika. Obshchestvo. Pravo. 2012. №3(3).

9. Tegin V.A., Usmanov B.F. Kraudsorsing v generatsii innovatsion-nykh idei // Mir transporta. 2012. T. 10. №6(44).

10. Usmanov B.F. Elektoral'noe povedenie i sotsial'nye tekhnologii // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. №1.

11. Usmanov B.F. Sotsializatsionnaya kompetentnost' v semeinom vospitanii: programmno-tselevoi podkhod // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2011. №3.

12. Usmanov B.F. Kraudsorsing: innovatsionnye tekhnologii dlya mest-noi initsiativy // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2013. №3.

13. Shumilov A.V., Shumilova O.V. Obrazovatel'noe prostranstvo i osobennosti formirovaniya grazhdanskoi identichnosti v Rossii. Universitetskoe obrazovanie v polietnichnykh regionakh Povolzh'ya: k 50-letiyu chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova (VI Arsent'evskie chteniya) Sbornik statei. Cheboksary, 2015.

НАШИ АВТОРЫ

АГЕЕВ Глеб Валентинович – кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Институт деловой карьеры (Москва, Россия).
Область научных интересов: политический процесс.
AGEEV Gleb – PhD of political sciences, associate professor of humanities and natural sciences, Institute of business career (Moscow, Russia).
Science interests: political processes.
E-mail: e-mail: gleb1@mail.ru

БУРЕНКО Владимир Иванович – доктор политических наук, профессор, кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет, (Москва, Россия).
Область научных интересов: политическая власть, гражданское общество.
BURENKO Vladimir – doctor of political sciences, professor of chair of philosophy, cultural science and political science, Moscow University for the Humanities, (Moscow, Russia).
Science interests: political power, civil society, political system.
Email: vburenko@mail.ru

ГАСРАТОВА Фарида Мурадалиевна – аспирант кафедры государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления (Москва, Россия).
Область научных интересов: государственное управление.
GASRATOVA Farida – PhD student of the Department of state management and political technologies, State University of management (Moscow, Russia).
Science interests: public administration.
E-mail: faridagasratova@yandex.ru

ГОЛОВИН Юрий Алексеевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).
Область научных интересов: национальная безопасность, политическое участие.
GOLOVIN Yuri – doctor of political sciences, professor head of the Department of sociopolitical theories, Yaroslavl state University (Yaroslavl, Russia).
Science interests: national security, political participation.
E-mail: yagolovin@rambler.ru

ГОРЕЛОВ Анатолий Алексеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, (Москва, Россия).
Область научных интересов: политическая теория, философские вопросы развития культуры и познавательной деятельности человека.
GORELOV Anatoly – doctor of Philosophy, the leading research associate of Institute of philosophy, Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia).
Science interests: political theory, philosophical questions of cultural development and informative activity of the person.
E-mail: gorelovata@mail.ru

ГОРЕЛОВА Татьяна Анатольевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет, (Москва, Россия).
Область научных интересов: современный человек, современное общество.
GORELOVA Tatyana – doctor of Philosophy, professor of chair of philosophy, cultural science and political science, Moscow University for the Humanities, (Moscow, Russia).
Science interests: modern person, modern society.
E-mail: fylosofy@mosgu.ru

ДАН-ЧИН-Ю Елена Юрьевна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политология, история и социальные технологии, Московский государственный университет путей сообщения (Москва, Россия).
Область научных интересов: политическое участие, органы государственной власти.
DAN-CHIN-UE Elena – PhD in political science, senior lecturer Department of political science, history and social technologies, Moscow state University of railway engineering (Moscow, Russia).
Science interests: political participation, public authorities.
E-mail: danchinyuelena@yandex.ru

КАРПУХИН Олег Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия).
Область научных интересов: политическая культура.
KARPUKHIN Oleg – doctor of sociological sciences, professor of chair of philosophy, cultural science and political science, Moscow University for the Humanities, (Moscow, Russia).
Science interests: political culture.
E-mail: karpuhin@mail.ru

КИСЕЛЕВ Игорь Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социально-политических наук, заведующий кафедрой социологии, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).
Область научных интересов: социальные аспекты межгосударственных отношений, политический процесс.
KISELYOV Igor – doctor of social sciences, professor, dean of the faculty of social and political sciences, head of Department of sociology, Yaroslavl state University (Yaroslavl, Russia)..
Science interests: social aspects of interstate relations, political process.
E-mail: igkisselev@mail.ru

КОСТИНА Анна Владимировна – доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, декан факультета культуры и искусства, заведующий кафедрой философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия).
Область научных интересов: гражданское общество, культурная политика, национальная безопасность.
KOSTINA Anna – doctor of philosophy, doctor of culturology, professor of chair of philosophy, cultural science and political science, Moscow University for the Humanities, (Moscow, Russia).
Science interests: civil society, cultural policy, national security.
E-mail: Anna_Kostina@inbox.ru

ЛУКОВ Валерий Андреевич – доктор философских наук, профессор, директор Института фундаментальных и прикладных исследований, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия).
Область научных интересов: молодежная полтика.
LUKOV Valery – doctor of philosophy, professor, Director of the Institute of fundamental and applied research, Moscow University for the Humanities, (Moscow, Russia).
Science interests: youth policy.
E-mail: v-lukov@list.ru

МАКАРЕВИЧ Эдуард Федорович – доктор социологических наук, профессор кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия).
Область научных интересов: политическая культура, идеология.
MAKAREVICH Eduard – doctor of social sciences, professor of chair of philosophy, cultural science and political science, Moscow University for the Humanities, (Moscow, Russia).
Science interests: political culture, ideology.
E-mail: edward.makarevich@mail.ru

МАРТЫНЕНКО Николай Петрович – доктор философских наук, профессор кафедры истории социально-политических учений, Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).
Область научных интересов: политическая история.
MARTYNENKO Nikolai – doctor of philosophy, professor of the department history of Social and Political Studies, Moscow State University (Moscow, Russia).
Science interests: political history.
E-mail: nick9@yandex.ru

МАТВЕЕНКО Юрий Иванович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).
Область научных интересов: политические институты, геополитика.
MATVEENKO Yury – doctor of political sciences, professor department of political science and political management of the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).
Science interests: political institutions, geopolitics.
E-mail: yum7@mail.ru

МОРОЗОВА Елена Георгиевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).
Область научных интересов: государственное управление.
MOROZOVA Elena – doctor of political sciences, professor of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).
Science interests: public administration.
E-mail: morozeg@rambler.ru

НЕСТЕРЧУК Ольга Алексеевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и социальной политики, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия).
Область научных интересов: политическая имиджелогия.
NESTERCHUK Olga – doctor of political sciences, professor Department of political science and social policy, Russian state social University.
Science interests: political imageology.
E-mail: nesterchuk68@mail.ru

ПАСТУХОВА Лариса Сергеевна – кандидат политических наук, доцент Института непрерывного образования, Московский государственный машиностроительный университет (Москва, Россия).
Область научных интересов: молодежная политика.
PASTUHOVA Larisa – PhD in political science, associate Professor of the Institute of continuous education, Moscow state University of mechanical engineering (Moscow, Russia).
Science interests: youth policy.
E-mail: larisa-sinls@mail.ru

ОМЕЛЬЧЕНКО Николай Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления (Москва, Россия).
Область научных интересов: государственность.
OMELCHENKO Nikolai – doctor of history, professor, head of the Department of Public Administration and Political Technology, State University of Management
Science interests: statehood.
E-mail: nik_omelchenko@mail.ru

СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермь, Россия).
Область научных интересов: политические процессы, политический протест, механизмы политической власти.
SKIPERSKIH Alexander – doctor of political sciences, professor of the humanities department, National Research University «Higher School of Economics», (Perm, Russia).
Science interests: political processes, political protest, mechanisms of political power.
E-mail: pisatels@mail.ru

СКОВИКОВ Алексей Константинович – кандидат политических наук, профессор кафедры Философии, культурологи и политологии, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия).
Область научных интересов: гражданское общество, гендерная политика, политический процесс.
SKOVIKOV Alexey – PhD in political science, professor of chair of philosophy, cultural science and political science, Moscow University for the Humanities, (Moscow, Russia).
Science interests: civil society, gender politics, political process.
E-mail: skovikov@yahoo.com

ТИТОВА Людмила Григорьевна – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой конфликтологии, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, (Ярославль, Россия).
Область научных интересов: политические институты, политический процесс.
TITOVA Lyudmila – doctor of political sciences, professor, head of the Department of conflictology, Yaroslavl state pedagogical University (Yaroslavl, Russia).
Science interests: political institutions, political process.
E-mail: titovafspn@mail.ru

УСМАНОВ Борис Фатыхович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия).
Область научных интересов: социология молодежи, политический процесс.
USMANOV Boris – doctor of sociological sciences, professor of chair of philosophy, cultural science and political science, Moscow University for the Humanities, (Moscow, Russia).
Science interests: sociology of youth, political process.
E-mail: sociomosgu@mail.ru

ФАЛИНА Алла Семеновна – кандидат экономических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).
Область научных интересов: государственное управление.
FALINA Alla – PhD of economic sciences, associate professor of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).
Science interests: public administration.
E-mail: ppgvt212@yandex.ru

ХОРИНА Галина Петровна – доктор философских наук, профессор, декан факультета международных отношений и туризма, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия).
Область научных интересов: идеология.
HORINA Galina – doctor of philosophy, professor, Dean of the faculty of international relations and tourism, Moscow University for the Humanities, (Moscow, Russia).
Science interests: ideology.
E-mail: xorina.galia@yandex.ru

ШКЕЛЬ Станислав Николаевич – доктор политических наук, доцент кафедры политологии, социологии и философии, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (Уфа, Россия).
Область научных интересов: политические режимы.
SHKEL Stanislav – doctor of political sciences, associate professor, Department of Political Science, Sociology and Philosophy, Bashkir Academy of Public Administration and Management at the Head of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia).
Science interests: political regimes.
E-mail: stas-polit@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция принимает к публикации материалы по теме основных рубрик журнала на русском и английском языке. Научные статьи в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной тематический номер журнала.

В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Объем статьи не должен превышать 18 страниц машинописного текста.

Необоснованное разделение материала по одному вопросу на несколько статей не рекомендуется. Редакция сохраняет за собой право принимать решение о сокращении и объединении таких материалов, а также о сокращении статьи независимо от ее объема.

Материал должен быть представлен в Редакцию в электронном виде (текстовый редактор Word, формат *.doc; *.rtf).

Рукописи, представленные в Редакцию, должны быть тщательно отредактированы, аккуратно размечены и оформлены.

В редакцию журнала авторами представляются следующие материалы:

- Электронная (желательно печатная) версия статьи;
- Внешние рецензии на статью (не менее 1), составленные специалистами по направлению исследований автора (авторов). В рецензиях должны быть отражены научная новизна, значимость и доказательность научных результатов, содержащихся в статье, и даны рекомендации к ее публикации в журнале. Рецензии представляются на бумажном и электронном носителе. Подпись рецензентов заверяется в отделе кадров по месту их работы;
- Лицензионный договор;
- Рекомендация научного руководителя для аспирантов и соискателей.

Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение недели автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи. Статьи, рецензируются экспертами соответствующего профиля (анонимный институт рецензирования (peer review)), после чего принимается решение о возможности публикации.

Редакция сообщает автору результат экспертной оценки (по электронной почте). При положительном экспертном заключении определяется очередность публикации, о чем автор уведомляется по электронному адресу.

Редакция оставляет за собой право вносить стилистическую правку и необходимые сокращения.

На стадии редакционной обработки статей принимаются авторские уточнения и дополнения в пределах 1000 знаков.

Тексты отрицательных рецензий редакция предоставляет автору.

После устранения недостатков (в течение одной-двух недель) статья может быть опубликована с сохранением очередности публикации в соответствии с датой ее первичной регистрации.

Журнал неукоснительно следует принципам научной этики. Не ангажирован политически.

THE ORDER OF PUBLICATION

PolitBook seeks to promote scholarly research of merit in Political Science and related fields, meeting the standard requirements for academic research in terms of conceptualization, operationalization, methodological application, and analysis of results. The publication promotes those works that approach a significant research problem and answer research questions of general interest in political science. Due to the fact that the Journal addresses a wide range of academics we encourage presentation of research to be made at a level where it is understandable to most of the target group.

In the attempt to promote original works, does not accept articles that are under review at other publications or articles that have parts that were published or are forthcoming under the same form in other places.

Peer Review Process

All submitted articles are subject to a rigorous peer review process, based on initial editor screening and double-blind refereeing by a minimum of two reviewers.

Manuscripts must be sent as e-mail: editor@politbook.ru. PolitBook editorial board makes an objective and quick decision on each manuscript. If accepted, the article is published online in the next issue.

Electronic submission of manuscripts is strongly encouraged, provided that the text, tables, and figures are included in a single Microsoft Word file.

The cover letter should include the corresponding author's full address and telephone/fax numbers and should be in an e-mail message sent to the Editor.

Review Process

All manuscripts are reviewed by an editor and members of the Editorial Board or qualified outside reviewers. Decisions will be made as rapidly as possible, and the journal strives to return reviewers' comments to authors shortly. The editorial board will re-review manuscripts that are accepted pending revision. It is the goal of the PolitBook to publish manuscripts shortly after submission.

Journal «PolitBook» is published four times a year.

The editors reserve the right to make stylistic corrections and necessary reductions.

Text of the negative reviews of revised offers to the author.

АВТОРСКИЕ ПРАВА

Автор предоставляет Редакции (издателю) журнала право на использование статьи в журнале «PolitBook», а также на включение полнотекстовых вариантов статьи в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и другие реферативные и библиографические базы.

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит Издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав Редакции (издателя) на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ, Издатель вправе также разрешить использование Издания в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Автор включенной в журнал статьи сохраняет исключительное право на нее независимо от права Редакции (издателя) на использование журнала в целом. Направление автором статьи в журнал означает его согласие на использование статьи Редакцией (издателем) на указанных выше условиях и свидетельствует, что он осведомлен об условиях ее использования. В качестве такого согласия рассматривается также направляемая в редакцию справка об авторе.

Редакция размещает фамилию, имя, отчество, должность и место работы, электронный адрес автора, название, аннотацию, ключевые слова статьи в журнале и на сайте издания.

Transfer of Copyright

Submission of a manuscript implies: that the work described has not been published before (except in the form of an abstract or as part of a published lecture, or thesis) that it is not under consideration for publication elsewhere; that if and when the manuscript is accepted for publication, the authors agree to automatic transfer of the copyright to the publisher.

Proofs and Reprints

Electronic proofs will be sent (e-mail attachment) to the corresponding author as a PDF file. Page proofs are considered to be the final version of the manuscript. Because PolitBook will be published online without access restriction to the full text (PDF), authors will have free electronic access to the full text (PDF) of the article. Authors can freely download the PDF file from which they can print unlimited copies of their articles.

THE CONTENTS

THE MORPHOLOGY OF THE POWER AND IDEOLOGY OF SOCIETY

G. Ageev, A. Skovikov, B. Usmanov
FEATURES OF TRANSFORMATION OF POLITICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION AT A FORMATION STAGE
6

S. Shkel'
AGITATION WITHOUT COMPETITION: PARTICULARLY POLITICAL CONTEST IN SUBNATIONAL AUTHORITARIANISM
18

N. Omelchenko, F. Gasratova
PROBLEMS OF LEGITIMATION OF POLITICAL POWER IN MODERN RUSSIA: FROM THEORY TO PRACTICE
36

E. Morozova, A. Falina
EXECUTIVE POWER: ON A JOINT OF POLICY AND ADMINISTRATION
56

Yu. Matveenko
COMPARATIVE ANALYSIS OF POLITICAL SYSTEMS OF RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION: EFFICIENCY AND ADAPTATION
69

Yu. Golovin, Ue. Dan-Chin-Ue, I. Kiselev
TECHNOLOGIES OF ENHANCING CIVIL PARTICIPATION THROUGH INTERACTION OF THE REGIONAL AUTHORITIES AND PUBLIC ORGANISATIONS
77

V. Burenko
HOW TO PRESERVE FREEDOM IN POST-TOTALITARIAN SOCIETY (KARL JASPERS AND MODERN)
88

L. Titova, O. Karpukhin, O. Nesterchuk
INFLUENCE OF VALUABLE ORIENTATIONS, POLITICAL IDEOLOGIES, SYMBOLS AND NORMS ON POLITICAL BEHAVIOR OF INDIVIDUALS IN THE CONTEXT OF POLITICAL CULTURE
99

A. Gorelov, T. Gorelova
CAPITALIST IDEOLOGY AND POLITICAL CULTURE
IN A FORMAT OF GLOBAL NEO-COLONIALISM
110

E. Makarevich
POLITICAL IDEOLOGY AND MASS IMAGES
IN THE GLOBAL CONTROL OF MASSES
125

A. Kostina, V. Lukov, G. Horina
CULTURE AND NATIONAL SECURITY OF RUSSIA:
BASIC IDEOLOGICAL PRINCIPLES (POLITOLOGICAL ANALYSIS)
140

ARTICLE

N. Martynenko
THE LEGENDARY ANCESTOR AND THE FIRST RULER OF
THE CHINESE NATION: ON THE PRIMARY SOURCE OF HUANG-DI
154

A. Skiperskikh
BETWEEN GOD AND MASTER: DISCOURSE OF PAIN AT THE TEXTS
F. DOSTOEVSKY. POLITICAL AND CULTURAL DIMENSION
166

L. Pastukhova
TOOL DESIGN IN SOCIAL WORK WITH YOUTH AND EDUCATION:
PRACTICAL APPLICATIONS
180

Our Authors
191

The order of publication
195

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7 952 027 6618.
E-mail: editor@politbook.ru.
http://j.politbook.ru

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 25.12.2015
Дата выхода в свет

Формат 60x90⅛.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
в типографии ИП Сорокина А.В.
«Новое время». 428034, Чебоксары,
пр. М. Павлова, 50/1.
Тел. (8352) 412798
E-mail: newtime1@mail.ru

Свободная цена
Индекс подписки по каталогу
«Пресса России» 15130

© НИИ общественных и политических
наук, 2015

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.ru
http://j.politbook.ru
http://niiopn.com

© Institute of Social and Political
Sciences, 2015